

В шаге от бездны

A person in a dark space suit stands on the surface of a planet, looking up at a rocket launch. The rocket is a tall, slender, orange and white structure, emitting a bright, colorful plume of fire and smoke. The background is a vast, colorful space scene with a large, glowing planet in the upper right, a bright star in the upper left, and a colorful nebula in the center. The planet's surface is a mix of orange, yellow, and red, suggesting a hot or rocky environment. The overall scene is dramatic and futuristic.

Дмитрий Гаркушенко

Колонии восстали против метрополии. Политические разногласия сделали жителей, освоенных человечеством миров непримиримыми врагами. Миллионы жизней и судеб переплелись в пожаре самой разрушительной и жестокой войны в истории человечества...

Война.

Только ли это грохот орудий, сражения и смерть?

Или история любого конфликта неразрывно связана с историями обычных людей?

Кто они?

Кем были ДО и кем стали ПОСЛЕ?

Введение

Заведение, в котором мы находимся, имеет всего один, неоспоримый, плюс — оно не пользуется популярностью. Десяток столов, занят только наш. В пустом зале лишь я и мой собеседник. Не знаю, что послужило причиной отсутствия клиентов, плохая кухня, расположение или дурные манеры персонала, мне было плевать.

Я долго искал встречи с этим человеком. Место не имело особого значения. «Ради такого интервью можно пойти на всё», — сказал я себе. Дорога заняла у меня двенадцать дней. Но сейчас я не жаловался. Я ждал. Ждал его рассказа.

Человек, сидевший напротив, лениво поигрывал бокалом местного виски и иногда вопросительно поглядывал на меня. Я не торопился. Достал блокнот и ручку, проверил диктофон. Пробежал глазами по заготовленным вопросам. Подготовившись и получив от усталого, хотя к чему бы ему быть усталым, официанта, чашку кофе, я задал свой первый вопрос:

— Вы готовы рассказать мне правду?

— Сидел бы я здесь, если бы не был готов, — ответил он. — Вы очень настойчивы мистер Фишер.

— Моя профессия...настырность — её часть, — сказал я, отпивая кофе.

— Понимаю... Ну что ж. Валяйте. Выводите на чистую воду мистера Маркуса Альери.

На его лице появилась улыбка, никак не соответствовавшая тону, которым были сказаны эти слова.

— Расскажите мне о вашей деятельности в период «старой администрации», — я использовал термин, которым некоторые люди обозначали времена «до войны».

Мистер Альери одним глотком осушил бокал, глянул в окно и улыбнулся.

— Вы хотите знать, чувствовал ли я вину? Просыпалась ли во мне совесть? — он делает паузу, подзывает официанта, тот приносит новую порцию виски.

— Нет, — глядя мне в глаза, говорит он. — Не чувствовал! Вы из другого теста! Не так ли? Честь, совесть, верность...Все эти чудесные человеческие качества, о которых я читал только в книгах. И которые..., - он делает глоток из стакана и со стуком ставит его на стол. — Я никогда не встречал!

Ухмыляется.

— Я делал свою работу, занимался поставками грузов для нужд колоний, всего того, что они не могли или не хотели производить сами. Работа скучная, однообразная и не слишком хорошо оплачиваемая. Как это часто бывает, мою жизнь изменил случай. В бумагах, проходивших через мои руки, была ошибка, опечатка, одна цифра... поменявшая всё. Не самая крупная партия оружия и боеприпасов для нужд полиции и сил самообороны, но самая показательная для меня. Обнаружив ошибку, я умолчал о ней. Сделал все необходимые согласования и операции. Подписал и передал документы на оформление. Наблюдая, как при погрузке, никто не удосужился пересчитать количество ящиков, никто не посмотрел бумаги и даже не расписался в отправном листе, я вдруг увидел то, что всегда было перед моими глазами, но скрывалось в простой и глупой убеждённости, что всё проходит как должно, всё идёт верно и отлажено. Тогда я увидел свой шанс. Департамент обеспечения колоний — ДОК, в котором я работал, занимался поставками всего, от зубной пасты до

высокоточного, современного оружия. И на мою удачу, контроль отправки вооружения и детского питания проходил одинаково.

— Маркус Альери начинал свой путь простым клерком? — спросил я, откидываясь на спинку стула.

— А вы думали, я родился в оружейной кладовой? Нет. Я первым заметил изъян, пробел в системе. И смог распорядиться данным мне шансом. После того знаменательного дня прошло лет пять-шесть, но как всё изменилось...

Да, чёрт возьми, я был тем же клерком, но со связями и деньгами. Поверьте, то что все увидели, когда открылась правда, я знал и понимал раньше всех, намного раньше. Я принимал в этом участие. Видел, как опухоль появилась, росла и... привела к тому, что случилось.

Думал ли я о том, куда и кому, а главное, с какой целью идёт оружие, проходившее через мои руки? Конечно нет! Я зарабатывал деньги. Зачем думать о таких вещах? Я подделывал документы, подкупал тех, кто составлял отчёты, приплачивал ответственным за отправку и получение груза. Спустя время мне открылись двери в высокие кабинеты, где принимались нужные мне решения. И поверьте. Честь там заменяли деньги, а совесть — их количество!

Делая очередной глоток виски, Маркус Альери заливается громким смехом, особенно громким в нашем пустом заведении.

— А как же регулирующие и надзорные органы? — спрашиваю я. — Куда смотрели они?

— Они? Они считали банкноты, щедро льющиеся в их карманы. Неужели вы думаете, я не позаботился о таких вещах?! Поймите, — снисходительно говорит мой собеседник. — Все были в деле. Все были довольны. В колониях больше всего. Я никого не знал лично, только имена и то, не всегда, но знал, что они довольны.

Выглядело это просто. Мы отправляли партию винтовок для колониальных войск, в документах было указано количество, но четверть из них оседала, где-то по пути к месту назначения. Из пункта А в пункт Б доходило не всё. И те люди, что были ответственны за это, работали или со мной, или на меня. Позднее я стал действовать проще. Платил кому нужно, получал подписанные бланки на отправку, вписывал туда то, что меня интересовало, указывал адресата и отправлял груз. Чтобы всё было чисто, приплачивал и принимающей стороне. Чиновник в колонии подписывал документы о получении и отправлял несуществующий груз на склад. Вот и всё. Нас всех интересовали только деньги, только новые заказы. Мотивы и цели клиентов, в моём деле, совершенно лишняя информация.

— А как вы поняли, что вот-вот случится непоправимое?

— Тот странный заказ... Не стрелковое оружие и даже не техника, которую уж поверьте я переправил немало. Лучевое оружие! И покупатель... Я о нём ничего не знал, информация пришла через третьих лиц. Но оплата щедрая. И я выполнил этот заказ. Имя покупателя всплыло позже.

Повисла тишина, Альери разглядывал свой пустой стакан, а я перестал делать заметки в блокноте и пристально смотрел на него. Возможно, мой взгляд. А возможно, и та самая совесть, в существование которой он не верил, побудила известного торговца оружием произнести фразу:

— Их кровь и на моих руках.

Некогда этот маленький городок, с тенистыми аллеями и домами в викторианском

стиле, насчитывал двенадцать тысяч жителей, сейчас их осталось не более трёх сотен. В основном старики, привыкшие к своему размеренному, провинциальному существованию. Большинство пропало без вести или растворилось в потоке переселенцев, хлынувших через город после окончания войны. В восьмидесяти километрах к югу находился большой транспортный узел, через который можно попасть на Западный, более густонаселённый, материк. Или, если есть деньги и желание, покинуть планету.

Тому Линку за семьдесят. На нём старомодный костюм, очки, делающие его похожим на преподавателя университета и в дополнение густая, белая шевелюра. В больших и всё ещё сильных руках он сжимает деревянную трость. Годы, проведённые в полях, на сельскохозяйственных работах, дают о себя знать. Ноги утратили былую прыть.

Мы сидим на скамейке, в местном парке. Греемся на полуденном солнце. Мистер Линк щурится от яркого света и смотрит вдаль, на близлежащие холмы, покрытые густым лесом.

— Я помню тот день, такой же тёплый и солнечный, шесть лет назад, — говорит он. — Мы спорили с сыном всё утро. Аргументы, вопросы. — Делает паузу. — Крики. Город жужжал как огромный улей. На улицах, в домах, за столиками кафе. Везде одни и те же разговоры.

— Вы пытались его убедить?

— Я пытался его понять.

— У Вас получилось?

— Нет. Не думаю. До сих пор.

Собеседник опускает взор к земле и глубоко вздыхает. Я слежу за его руками. Они еле заметно дрожат. Пальцы сжимаются и разжимаются, словно ощупывая трость.

— Возможно это наша вина, — продолжает он. — Я имею в виду старшее поколение. Мы были слишком консервативны, оторваны от центра, от всего нового. Не замечали происходивших изменений. Как и поколения до нас, жили обособленно. Мы аграрная планета, фермеры. Кряжистый и упёртый народ, не приветствующий ничего чужого и современного. Упрямы.

Молодёжь принимала наши традиции и устои, но видела больше чем мы старики. Они пользовались Сетью. Следили за событиями в Метрополии. Обменивались слухами и новостями. Глобализация... кажется так это называется.

Том поворачивается ко мне. Губы плотно сжаты. В глазах странный блеск.

— У Вас есть дети?

— Нет, — отвечаю я. — Ни детей, ни жены.

Несколько раз кивнув он отворачивается и продолжает.

— Так вот. Глобализация. Изменения были, мы их не замечали. Нельзя закрыться от остального мира и надеяться, что вас не коснётся происходящее вокруг. Рано или поздно, придётся столкнуться с реальностью. И мы столкнулись.

В то утро мой сын вошёл на кухню и заявил, что хочет вступить в ряды «Сопrotивления». Мы с женой переглянулись, я предложил ему сесть и всё обсудить.

— До этого он поднимал эту тему? Проявлял интерес?

— Иногда я слышал обрывки его разговоров с друзьями. Телефонные звонки. Их встречи в нашем доме. — отвечает Том. — Не знаю, был ли момент, когда я мог повлиять на его решение. Наверное, нет.

— Таких как он было много? — спрашиваю я. — Среди молодёжи?

Том откидывается на спинку скамьи и пожимает плечами:

— Достаточно. Как оказалось. Видимо, их прельщали идеи некоего братства, обобщённости. Новизны, если хотите. Они поверили тем, кого никогда не видели. И заразились идеями, о которых не имели ни малейшего понятия. Первым делом я спросил, кому они хотят сопротивляться. Сын сказал — «Метрополии». Далее он заученным текстом повторил всё то, что пропагандировало так называемое Сопротивление. Ну вы помните? Политическая свобода, независимость, равные права... Вся эта чушь!

— Я знаю многих, кто искренне в это верил и верит до сих пор, — вставляю я.

— Да? — с иронией в голосе спрашивает Том. — И сколько из них дожило до сегодняшнего дня?

Ответить мне нечего.

— Наш спор был долгим. Мои аргументы бесполезными. Идея уже укоренилась в его голове. Ни я, ни мать не могли на него повлиять. Переубедить. Он стоял на своём. Тон нашей беседы повышался. В конце концов, сын крикнул, что «всё решено» и сегодня он уезжает. Потом посмотрел на меня, ухмыльнулся и ушёл собирать вещи. Вечером Джейк улетел. Не попрощавшись.

Мимо нас проходит пожилая пара. Мистер Линк учтиво им кивает, те отвечают тем же. Мы провожаем их взглядом.

— Давайте пройдемся.

Я соглашаюсь.

Мы, не спеша, двигаемся по ухоженной аллее, среди старых деревьев. Проходим мимо нескольких фонтанов. Пологая, отделанная мрамором лестница выводит нас на вершину невысокого холма. Отсюда открывается вид на широкую долину с мелкой речушкой, зажатой среди зелёных полей. Первым делом я замечаю высокий обелиск из серебристого металла, вокруг разбросаны прямоугольные плиты, к которым можно подойти по узким, посыпанным жёлтым песком, тропинкам. Том прибавляет шаг. Я молча следую за ним. Перед одной из плит он останавливается. Гладкая поверхность серого камня исписана именами, их десятки. Мой взгляд пробегает по ровным строкам и находит фамилию «Линк».

«Джейк Линк».

Уже начинало смеркаться, когда я вышел из такси и подошёл к маленькому дому, на окраине Стамбула. Покосившаяся калитка жалобно скрипнула и впустила меня в поросший травой и сорняками сад. Вдоль забора навален разный хлам, мешки с непонятным содержимым, доски, остатки рекламных конструкций и части автомобилей. Растрескавшаяся дорожка ведёт к открытой веранде со столом и ржавыми стульями, явно много раз ремонтировавшимися. Свет, единственной тусклой лампочки, падает на затёртые ступени. Я нажимаю на кнопку звонка. Потом ещё раз. Слышу недовольный голос и звук шагов.

Дверь открывается. Передо мной стоит двухметровая фигура Зака Черезку. Рубашка цвета хаки, обтягивает могучие плечи и руки, больше похожие на медвежьи лапы. На ногах штаны военного образца и такие же — солдатские ботинки, на толстой подошве. Голова чисто выбрита.

— Добрый вечер, мистер Черезку, я звонил вам, и мы договаривались о встрече. Меня зовут Билл Фишер, — говорю я, показывая репортёрское удостоверение.

Не глядя на документы, он кивает и пропускает меня в дом. Закрывает дверь и указывает на старенький диван в гостиной.

— Располагайтесь.

Я достаю свой «джентльменский набор». Блокнот, диктофон и карандаш. Устраиваюсь

на диване, стараясь не обращать внимания на пятна и грязь на его обивке. Остальная мебель в таком же состоянии. Будто найдена на свалке.

— Зовите меня просто Зак, — хозяин усаживается в кресло напротив меня и ставит ноги на низенький журнальный стол. Попутно сбивая на пол пустую пивную бутылку.

На его лице безразличное выражение. Глаза смотрят на меня холодно. Будто на вещь.

— Я хотел бы расспросить вас о службе в сто втором пехотном полку.

— Зачем?

— Это для моей книги.

— Кто её будет читать?

— Тот, кто захочет, — отвечаю я. — Мне это не так важно, надеюсь, желающие найдутся.

Зак достаёт из нагрудного кармана рубашки пачку сигарет, щёлкает зажигалкой и делает хорошую затяжку. Выпуская тягучий дым, он смотрит на стену рядом со мной. Там висит множество фотографий.

— Это были славные времена. Лучшие дни в моей жизни, — на его лице появляется мечтательная улыбка. Улыбка убийцы.

Я протягиваю руку и включаю диктофон.

— Мне всегда хотелось быть военным. Мечтал об этом, ещё будучи пацаном. Увлекался оружием и боевыми искусствами. Думал поступить в академию. Носить форму. Когда живёшь в трущобах Стамбула, мечтаешь выбраться из них. Только это не так просто. Отец мой зарабатывал крохи, много пил и в жизни не интересовался воспитанием сына. Мать умерла, когда мне было четыре. Я вырос на улицах. Про образование не могло быть и речи. Не по карману моему старику, даже если бы он задумался о моём будущем. Он и о своём то не волновался, а я был лишь статьёй расходов и головной болью.

Его рука указывает на дверь.

— С этих улиц мало кому удаётся выбраться. Здесь рождаются и умирают. Чаще всего не дожив до тридцати. Банды, болезни, нищета. Или ты становишься частью этого мира или он тебя пожирает. Другого не дано. Я, благодаря физическим данным, выжил. Прибился к одной из банд. Делал для них разную работёнку и получал свою долю.

Однажды, — продолжает он после паузы. — Я отправился на пункт вербовки. Хотел пойти служить, но к тому времени за мной уже тянулся длинный шлейф из мелких нарушений и неприятных историй, противоречащих закону.

Зак сплёвывает прямо на пол и кривится:

— Эти уроды указали мне на дверь.

Я сверяюсь с записями в блокноте:

— Сто второй сформировали уже во время войны?

— Точно. Через несколько месяцев после атаки на Марс.

— И вас приняли?

— В этот раз, без вопросов. С радостью. Такие, как я стали нужны, — на его лице улыбка, больше похожая на оскал.

У сто второго полка плохая репутация, скорее не солдаты, а каратели. Набранный впопыхах, из отбросов общества с единственной целью, наводить порядок на территориях, перешедших под контроль правительства. С этим полк справлялся отлично.

Набираясь смелости, задаю вопрос, ради которого я сюда и приехал:

— Вы были на Новом Пекине?

Утвердительно кивнув Зак достаёт очередную сигарету:

— Да, — отвечает он.

— Расскажите?

— Есть же официальное расследование. Вы наверняка читали отчёты.

— В отчётах нет человеческого фактора. Вы этот фактор. Вы всё видели сами.

— Хорошо. Будет вам история про Пекин.

Он встаёт. Достаёт из холодильника упаковку дешёвого пива. Молча предлагает мне. Я отрицательно машу головой. Открыв банку, он садится обратно в кресло и начинает:

— После двух месяцев подготовки нас перекидывают на Марс. Там какое-то время мы занимаемся охраной правопорядка. Чёрт! Правопорядок. Там это звучало не так. Какой порядок может быть на пепелище? Города в руинах. Дороги, мосты, порты — всё уничтожено. Всюду разруха. Местных осталось так мало, что мы их практически не видели. Почти всегда следили за разборами завалов, иногда сами принимали в этом участие. Сопровождали строительные бригады. В общем, скукота. Либо таскаешь камни, либо трясёшься в машине, вместе с группой ремонтников. С другой стороны, на развалинах, всегда можно найти что-то стоящее. В разорённых домах или торговых центрах мы обшаривали всё. Иногда находили деньги, ценности, всё что угодно. На это смотрели сквозь пальцы. Командиры пили, занимались не пойми чем. Мне кажется, они таскали не меньше нашего. Только в других масштабах. Это длилось чуть больше трёх месяцев.

Потушив сигарету, он продолжает:

— Потом была уже настоящая работёнка. Мы прибыли на Самир. Поганое место. Дожди лил там неделями. Влажность, духота. Насекомые. Ненавижу этих гадов, — передёргивает плечами. — Линии фронта не существовало. Постоянные нападения, обстрелы. Конвой пропадали и не выходили на связь. Мы носились по своему сектору как угорелые. Неделю назад над городом или деревней установили полный контроль, а сегодня в ней находят только мёртвые тела наших и немногих местных жителей, которые жмутся по своим домам и боятся поднять взгляд. Мы знали, что половина из них в «Сопrotивлении» и при любом удобном случае достанут оружие и начнут по нам палить. Если отряд большой, да ещё и с техникой эти засранцы только выкатывали глаза и клялись, что ничего не знают и не видели. Мол появились повстанцы, завязался бой, наших перебили и ушли. Врали, конечно... Но у нас был приказ — местных не трогать. Дерьмо, а не приказ. Как можно взять планету под свой контроль, если днём ты разговариваешь с местным, он жалуется тебе на войну, знакомит тебя со своими детьми, просит немного продуктов, а ночью, с такими же, как он, залазит в твою палатку и перерезает тебя горло?

Зак кидает смятую пивную банку в угол и тычет в меня пальцем:

— Вам бы понравилась такая война?

— Мне она вообще не нравится. — отвечаю я.

— Вот, вот. Дерьмо это. И мы ничего не могли сделать. Восемь недель. Прошло всего восемь недель, и от полка осталась половина. А толку ноль, — собеседник фыркает и гладит бритую голову. — Дальше нас отвели на переформирование и отдых. Нам дали нового командира. Помню, он построил нас во временном лагере и толкнул речь про наше очередное задание. С первых слов стало ясно, что теперь мы воюем иначе. Идиотский приказ не трогать местных остался в прошлом. Он употребил слово «террор».

Мистер Черезку ехидно смотрит на меня. Закидывает ногу на ногу и кивает:

— Тут и начинается «Новый Пекин»!

С Ли Во Джонгом мы встречаемся в фойе отеля «Самаритен». Он немного опаздывает. Я не против, чашка кофе и сэндвич, после долгого перелёта будет для меня кстати.

Здание практически не пострадало во время войны, несколько снарядов, разорвались на соседней улице и ударной волной выбило стёкла на фасадной части. Небольшой пожар по вине персонала в ресторане, вот и весь урон. «Самаритен» принимал гостей и постояльцев всю войну. По большей части дипломатов и чиновников. Сейчас он вновь самый популярный и роскошный отель на побережье. Сезон в разгаре. От туристов нет отбоя.

Мистер Джонг жмёт мне руку, извиняется за опоздание и напоминает, что у него мало времени.

— Постараюсь не задерживать Вас, — уверяю я. — Я хотел бы услышать о вашей работе в дипломатической миссии в годы войны.

— Вы имеете в виду «комитет»?

— Да.

Он устраивается поудобнее на стуле и поправляет пиджак.

— Я попал туда случайно. Мой предшественник погиб в авиакатастрофе, через несколько дней после назначения. Начальник позвонил мне и велел вылетать первым же шаттлом. Я стал помощником консула и его референтом. Мы жили и работали здесь в «Самаритен», по большей части. Комитету, с первых же дней его образования, поставили задачу наладить контакт с правительствами колоний, и попытаться дипломатическими методами уговорить их сложить оружие и остановить войну. Легче сказать, чем сделать. Двадцать четыре колонии. Двадцать четыре причины отколоться от метрополии и в два раза больше причин не идти на контакт.

Он вздыхает:

— Как человек, обыватель я понимал их, мог согласиться с несправедливостью, жадностью или надменностью политики метрополии. Хорошо представлял себе, что богатство внутренних миров, строится на выкачивании всего необходимого из колоний. Мог понять их мотивы и цели. В истории человечества такое бывало не раз, всегда по одному и тому же сценарию. Загляните в учебники истории, вы увидите там другие даты, услышите название стран и континентов нашей материнской планеты, имена давно умерших людей, их истории, поступки и деяния, и поразитесь сходством с событиями шестилетней давности. Ничего не поменялось. Люди не поменялись. Можно спорить о мелочах, но суть подобных конфликтов остаётся неизменной.

Наступает момент, когда кто-то скажет — «хватит».

«Мы слишком много им отдаём» или «наши ресурсы должны принадлежать нам» или «мы хотим всё решать сами». Список можно продолжать долго. И это, не принимая в расчёт простую и понятную причину — власть и амбиции, отдельных людей. Я и это понимал.

Что я не понимал и с чем был не согласен, так это с тем какую форму и размах получила эта идея. Из двух с лишним десятков колоний большая часть разорвала все контакты с Землёй. Вспомните, сколько граждан метрополии пропало без вести, были убиты или захвачены в первые недели войны. Гарнизоны, туристы и чиновники. Все эти люди, стали случайными жертвами конфликта только потому, что выполняли свою работу, оказались в неподходящем месте в не то время или имели несчастье быть обладателями паспорта метрополии. Бессмысленно. Жестоко. Бесчеловечно...

Ненависть прорвалась неожиданно и таким потоком, что остановить её было невозможно. Нам потребовалось время, чтобы осознать происходящее.

Мы принялись за работу. Связь не действовала. Её глушили сепаратисты. Личные каналы бесполезны, не скажу, что имел друзей в колониях, но знакомых было множество, никто не вышел на связь, никто не попытался связаться с нами, на первых порах. Полная информационная блокада. Какое-то время единственной возможностью для контакта была высадка наших войск на планету и поиск вероятных связей на месте.

Комитету нужны были контакты, любые представители власти или правительств, полевые командиры, лояльные. Просто люди, которые сохранили трезвый рассудок в этом безумии и могли принимать решения. Как можно больше таких людей. Как это и бывает, первые удачные шаги удалось сделать на передовой.

Первые обмены пленными, первые договорённости об эвакуации гражданских. Временное прекращение огня...Агенты комитета пытались пролезть везде, где только могли. Часто рискуя жизнью.

Наша работа, дипломатия. Хотя мы и представляли одну из сторон конфликта, но смотрели и воспринимали это иначе, чем военные. Для них существовал только враг, которого нужно уничтожить или привести к покорности. Цель оправдывает средства. Армию содержат чтобы воевать, солдат должен выполнять приказ и не рассуждать о политике, забыть, что он человек, не думать о противнике как о себе подобном. Враг, неприятель, одетый в форму манекен, без души и рассудка. Так им проще. Так не нужно думать о совести.

Комитет, мы все, искали возможность понять тех людей. Увидеть их мотивы. Убедить. Помочь, в конце концов. Человечность — стремление к взаимопониманию и вера в людей, двигала нами. Я не говорю о фанатиках и преступниках, о возомнивших себя не пойми кем, психопатах, упивающихся властью и кровью. Нет. Они не стоили нашего внимания. Простые люди, обиженные, гордые, обманутые, недовольные, но сохранившие в себе человеческие качества. Люди, попавшие в ловушку истории и обстоятельств.

— Когда вам удалось наладить постоянные дипломатические контакты?

— Сложно сказать. Мне кажется, это случилось, когда многие поняли, насколько далеко всё зашло. Те дни проходили в хаосе. Внезапная отмена договорённостей, предательства, ловушки, ложь с обеих сторон... Упущенные возможности. Бюрократия. Огромные расстояния и меняющаяся обстановка на фронтах. Задержка во времени, ошибки, плохое взаимодействие, упорство военных, их ограниченность... Представьте себе вашего знакомого, у которого есть к вам обида, мнимая или реальная, неважно. Вы встречаете его на улице и пытаетесь поговорить. В ответ он отворачивается и уходит. Что вы будете делать? Догоните его? Схватите за руку? Он не хочет, неспособен с вами разговаривать, а вам нужны правильные и уместные именно сейчас слова. Только до него они не доходят сквозь шум автомобилей и крики толпы. Вы надрыгаетесь, но говорите в пустоту... А на войне, мнимых обид нет... Ненависть порождает ненависть.

Даже спустя время, когда мы смогли наконец, сесть за стол переговоров, разногласия, упёртость, враждебное поведение и недопонимание, не улетучивалось по мановению руки. Каждый шаг, каждая уступка, маленькая победа достигалась часами и днями криков и взаимных обвинений. Но мы продолжали свою работу. В самые чёрные дни находили ещё одну возможность спасти немного жизней. И не сдаваться. Не опускать руки...

— О чём в то время вы думали чаще всего?

— О том, что каждую минуту, пока мы сидели за столом, обложившись тоннами бумаги, пока мы произносили речи и подписывали соглашения... делали перерывы на

обед...

Ли Во Джонг понижает голос и смотрит сквозь меня:

— Десятки людей расставались с жизнью.

Целый день я трачу на то, чтобы добраться до места назначения. Затерянный в глуши, вдали от цивилизации и людей дом принадлежит Александру Борроу, бывшему чиновнику и руководителю администрации Самуэля Ронгази.

Видимо, мистер Борроу не хочет, чтобы его беспокоили и специально выбрал это уединённое место для своего проживания. Он встречает меня у дома. Высокий, худощавый. Внешность аристократа. Только на лице и в глубине глаз читается разочарование и усталость.

Мы устраиваемся на веранде у дома. Его супруга приносит нам немного закусок и пару бутылок вина и оставляет нас наедине.

— Своё, — говорит хозяин, откупоривая бутылку.

Вино отличное. Ароматное.

— Вы давно тут живёте? — спрашиваю я.

— Шесть лет, примерно. Жена настояла.

Я с пониманием киваю:

— Простите если этот разговор вам будет неприятен. Но он очень важен для меня.

— Не беспокойтесь, мы общались с вами по телефону, ваши цели мне понятны. Надеюсь, буду вам полезен.

— Но всё равно... спасибо, что согласились на интервью.

Борроу кивает.

— Я попытаюсь рассказать вам о человеке по фамилии Ронгази, так... как его знал и видел я, — он делает паузу. — Мы познакомились во время учёбы в университете Старой Праги, на Земле. Мои родители были состоятельными людьми, наша семья владела крупными фармацевтическими фабриками и лабораториями. Мне могли дать лучшее из возможных образований. Я выбрал метрополию, её сердце и центр. Земля... Удивительное место для рождённого в колонии. Человек давным-давно покинул эту планету. Заселил множество миров, но как и прежде она манит к себе нас. Никогда там не бывав, ощущаешь, что вернулся домой. В молодости много романтики. Так, я тогда это чувствовал.

Самуэль, как и я, отпрыск старинной, богатой семьи. Только в отличие от меня, его отношения с родителями никогда не были тёплыми. Он о них говорил редко и неохотно. За время учёбы, насколько я знаю, получил лишь пару писем и столько же отправил в ответ. К тому времени, как мы получили дипломы его мать и отец скончались. Он не был на похоронах. Просто не поехал.

Сами понимаете, наше с ним происхождение, дало толчок к началу нашей дружбы. Мы прилежно учились, знакомились с новым для нас миром, изучали людей и их культуру. Впитывали информацию. Он всегда вёл себя немного отстранённо, где-то холодно, с другими учениками. Не любил больших компаний. Много читал... Ничего необычного. Просто тихий парень. Так, про него говорили.

Особый интерес и страсть в нём пробуждалась, только когда заходили разговоры об истории и устройстве современного государства. Об экспансии человечества, метрополии, колониях. О политическом строе и месте каждого населённого людьми мира в этой системе. Он любил рассуждать на тему самоопределения и возможностей всех планет, людей, живущих на них и целей, которые перед ними стоят. Однажды он спросил у преподавателя:

«Будет ли прав человек, который решится изменить ход истории, руководствуясь исключительно своим, личным мнением, без оглядки на остальных?»

«Смотря какие идеи он захочет реализовать и что это даст обществу» — ответил тот.

«То есть его правоту будут расценивать по результатам его действий?»

«Сейчас один человек не способен изменить мир, мы живём в демократии и решения принимает множество людей.»

«А раньше или, возможно, в будущем?» — не унимался Самуэль.

«Не могу сказать про грядущее, но когда-то таких людей называли либо тиранами, либо спасителями, в зависимости от их поступков».

— Забавно, — Борроу вертит перед глазами бокал с вином, разглядывает, как янтарная жидкость перекачивается по стенкам. — В прошлом всегда можно найти намёки на будущее, если хорошо присмотреться. Или найти объяснения тому, что случилось...

— В общем, — продолжает он. — После университета мы оба вернулись домой. Я, благодаря связям отца, стал помощником сенатора, а Самуэль получил должность в управлении столичного аппарата внутренних дел. Тогда нам было по 25 лет. Мы строили карьеры, не прерывая общения. Виделись нечасто, но не теряли друг друга из поля зрения.

Через несколько лет я стал сенатором. Женился. И жил в столице. Самуэль организовал политическую партию и разъезжал по планете с выступлениями, встречами и собраниями. На очередных парламентских выборах его партия получила места в Сенате и он стал частым гостем на политических шоу и Сетевых программах. Его популярность росла, как и популярность партии. Мы стали видеться больше. Он стал частым гостем в моём доме. И его неуёмный энтузиазм, желание быть всегда на виду, участвовать во всех аспектах политической жизни, страсть с которой он отдавался делу, меня поражала. Я буквально восторгался им. Да и не я один...

По-прежнему скромный, тихий и не очень общительный он менялся, как только, оказывался на трибуне перед слушателями. Чёткий и выразительный голос, горящий взор, твёрдая убеждённость в своих словах — завораживала. Ему рукоплескали...

— Он верил в то, что говорил, так? — спрашиваю я.

— Искренне. По-настоящему. Политики всегда угождают избирателям...

— А он?

— Он говорил как есть. Правду. От всего сердца и люди это чувствовали. Этим он отличался от всех.

— У него была личная жизнь?

— Нет. Говорю с полной уверенностью. Мне кажется, он никогда и не думал о семье и детях. Я никогда не видел его в обществе женщины, не слышал от него ни слова про любовь и отношения. Ничего подобного. Лишь однажды, когда он был у нас в гостях, моя супруга шутливо поинтересовалась:

«Когда ты отдашь своё сердце девушке?»

«Оно занято» — ответил он, — «В нём нет места».

На этом всё. Мы посчитали, что карьера для него самое важное. И не трогали эту тему. Так, в скором времени, Самуэль Ронгази был избран президентом. Он легко обошёл всех своих соперников и получил высшую должность в неполных сорок лет. Став самым молодым лидером в нашей истории. В ту ночь, когда голоса ещё считали, но никто не сомневался в его победе, от него раздался звонок. Я ожидал услышать радостный голос без пяти минут президента, удовлетворение от победы, желание отпраздновать его достижение, но он

спокойно и даже несколько скучающе сказал:

«С завтрашнего дня ты руководитель аппарата президента... у нас много дел».

Я не мог, да и не хотел отказываться. В течение следующих десяти лет он дважды переизбирался на новый срок. Доверие к нему было фантастическим. И пользуясь этим доверием, Самуэль сделал много для нашего народа. Поднял экономику, искоренил коррупцию, добился преференций от метрополии. Там с ним считались, а на родине любили. Потрясающее время... Я постоянно был рядом, помогал во всех его начинаниях. Поддерживал самые опасные и рискованные реформы. Нам всё удавалось...

Мистер Борроу замолкает, глядя на пустой бокал.

— За эти годы парламент, из противовеса превратился в проводника его воли. Многопартийная система ушла в прошлое. Нет, он не менял конституцию, не боролся с политическими соперниками, их просто не стало, они все перешли под его знамёна. Одна партия — один президент — один народ. Лозунг тех дней, — продолжает он.

— Тогда мы думали, что поступаем правильно. Да, демократия стала другой, но ведь она осталась! Что с того? Мы едины, изменения налицо. Прогресс, процветание. Не к этому ли стремится каждая нация? У нас есть сильный лидер, он делает всё во благо людей, даёт им уверенность в завтрашнем дне...

В эйфории этих лет незаметно проросли зачатки, того, что называют поклонением. Доверие переросло в безоговорочную веру. Сомнения уступили место слепой покорности, — вздыхает Борроу. — Мы были так увлечены и воодушевлены, что не замечали этого.

— Как-то вечером, возвращаясь с работы, я слушал местную радиостанцию. Они освещали текущие события и пытались анализировать происходящее. Строили доводы и предположения. Обычная болтовня в эфире. Правительство уверяло нас, что мы придерживаемся нейтралитета... Что беспокоиться не о чем. Пока во всяком случае.

Мы и не беспокоились. События разворачивались далеко, а новости приходили с опозданием и больше напоминали слухи. Сеть тогда ещё работала, но выудить оттуда достоверную информацию было сложно. Поэтому меня больше заботила ситуация с просроченным кредитом на дом, чем далёкая и не понятная война.

Мы находимся в реабилитационном центре, построенном четыре года назад, на деньги, собранные фондом «Детство», его основатель и руководитель Сид Майер, сидит напротив меня. Скромный кабинет на пятом этаже, больше похож на картотеку или архив, всё свободное место занимают папки с личными делами его подопечных. Я устроился на пластиковом стуле у окна, после того как Сид, извинившись за беспорядок, освободил его от стопки бумаг.

— Забот было выше крыши, — продолжает он. — Сара только пошла в школу и ей требовалось больше внимания чем обычно. Я брал дополнительные выходные, всякий раз, как удавалось. И старался проводить с ней как можно больше времени.

Вздыхает:

— Нелегко воспитывать дочь одному... В общем, наша жизнь протекала как и прежде. Заботы и рутина. Я остановился у супермаркета купить продукты к ужину и встретил своих знакомых. Нат и Майкл жили на соседней улице, у них была двойня, того же возраста что и моя Сара. Они грузили в машину коробки и ящики с продуктами. Довольно много.

«Зачем им столько?» — мелькнула мысль.

Мы обменялись приветствиями, поговорили о детях и о работе. Ну, знаете... вся та ерунда, о которой болтают при встрече. Майкл мимоходом рассказал о своём знакомом,

который улетел по делам на Землю и вот уже вторую неделю, родственники не могли с ним связаться. Я тогда подумал «счастливчик, позволяет себе такие перелёты». Мы поговорили, и я отправился за продуктами. Утром Сара просила купить ей консервированных персиков, но на полке их не оказалось. Да и во всём отделе концентратов и консервированных продуктов многие стеллажи пустовали. Обдумывая, где же ещё их купить, я подошёл к кассе и расплачиваясь, поинтересовался у продавца:

«Что случилось с консервами?»

«Последние несколько дней на них вдруг вырос спрос» — ответил он. — Многие берут целыми упаковками».

Забрав пакеты, я погрузил всё в машину и поехал домой.

— Вы обсуждали с вашими коллегами или друзьями политическую ситуацию? — спрашиваю я.

— Редко. Одним из нас было глубоко плевать, что происходит в других колониях, остальные верили, что это не продлится долго и метрополия быстро подавит недовольство.

— Недовольство?

— Да. Именно недовольство. Так, мы это видели. Ограниченный конфликт. Больше политики, чем военной составляющей. Кто-то что-то не поделил. Пересёк чьи-то интересы... Как думает обыватель? Он думает:

«Что у них там произошло? Из-за чего заварушка?».

А следующий вопрос он адресует себе:

«Как это отразится на мне?» — и считает, что «никак». Своих дел полно:

«А те... другие... сами виноваты. Чего им не жилось?».

Я думал так же. Думал, пускай политикой занимаются специальные люди. А наша задача не лезть в это и заниматься повседневными делами. Не наш уровень. Пусть другие разбираются, лишь бы всё шло своим чередом. Спокойно и без потрясений.

— Я не раз слышал подобные слова.

— А чего вы ожидали? Что отец, одиночка, вроде меня, прочитав новости о боевых действиях, которые происходят бог знает где, в местах, что он видел только в Сетевых передачах, бросит всё и будет вникать в судьбы народов, на которых ему чихать? Конечно же, нет... Зачем?

— Я думаю...

— Простите... мы все так думаем... Сейчас... Но не тогда... К сожалению. Человек не хочет забивать себе мозг далёкими и чужими проблемами. Не хочет выходить из созданной, им же, зоны комфорта, где есть повседневные потребности и обязанности. Не хочет ничего знать. Не желает вникать... так мы устроены.

Он делает паузу и продолжает:

— Сейчас я думаю, сколько же судеб загубила такая точка зрения. Сколько жизней положено на алтарь нашему невежеству и бездействию... Мы в ответе не только за себя, но и за своих близких. И мы должны были это предотвратить (кивает на стеллажи с бумагами). Вот доказательства беспечности взрослых... За неё расплатились наши дети...

— Ваше правительство не посчитало нужным сообщать вам о происходящем?

— Нет. Нам ничего не говорили. Уверяли, что всё идёт по-прежнему. Возможно, не хотели паники. Сообщали о переговорах с метрополией, о гарантиях безопасности и невмешательстве. Делали вид, что беспокоиться не о чем. Впоследствии это только усугубило ситуацию. Паника всё же случилась. Если те события можно охарактеризовать как

паника... скорее катастрофа.

На следующий день местные и сетевые трансляции прекратились. Их заменило обращение представителя метрополии, его крутили без перерыва по всем каналам. «Экспедиционный корпус высаживается на планете... не оказывать сопротивления... не покидать своих домов... не выполнять приказы планетарного правительства» и так далее. Я уехал с работы, забрал Сару из школы. По пути заскочили в супермаркет... Толпа пыталась пробиться к закрытому магазину охотничьих товаров, который находился рядом с парковкой. Вспыхнули несколько драк. Крики. Проклятия. Хаос. Я оставил Сару в машине и протиснулся в магазин. Люди сметали с полок всё, что попадалось под руку. Продукты, одежду, медикаменты. Очередь на кассе невероятная. Все толкаются. Лезут вперёд. Персонал пытается успокоить и скоординировать людей, но всё без толку. Накидав в корзину всего, до чего смог дотянуться, я увидел, как люди просто выбегают из здания, не позаботившись об оплате товара. Через несколько секунд остальные последовали их примеру... Работникам магазина не оставалось ничего, кроме как, смотреть на это в бессилии. Я сделал так же. Возвратившись домой, я позвонил Майклу. Спросить, что он думает по этому поводу.

«Я не знаю... зачем они высаживают войска? Мы же ни при чём» — воскликнул он.

«Может, они делают это для нашей же безопасности?» — предположил я.

«А кто или что нам угрожает?»

«Понятия не имею... что будем делать?»

«Ждать!».

Потом пропала телефонная связь. Подключение к сети не работало. Мы легли спать. Утром я проснулся от шума автомобилей. Выглянул в окно. По улице то и дело проезжали машины, водители явно спешили. Многие везли коробки и чемоданы. Их закрепили на багажниках и накидали в салон. Две машины столкнулись на перекрёстке у нашего дома. Их хозяева даже не вышли из салона, один сдал назад, другой развернулся и оба поехали дальше. Наши соседи, семья из трёх человек спешно грузили вещи в свою машину. Мужчина криками подгонял жену и сына.

Я разбудил Сару и попросил её одеться и ждать меня. А сам выбежал во двор с намерением выяснить, что случилось и куда все бегут. Чуть дальше по улице стояла патрульная машина. Я кинулся к ней. Парень, полицейский, наверное совсем недавно окончивший академию, пытался по рации, с кем-то связаться, он всё время повторял «жду инструкций... жду инструкций», динамик выдавал лишь помехи и шипение.

«Что случилось?» — я тронул его за плечо.

«Не знаю сэр, простите, вам лучше вернуться домой.»

«Куда все бегут?»

«Бегут из города сэр!».

И он снова попытался наладить связь. Я оглянулся. Понял, что это не шутка, и бросился домой.

Через час, захватив самое необходимое, мы с Сарой стояли в пробке на выезде из города. Это была трасса E12, я выбрал её, потому что все остальные устремились к ней. Дочка всё сильнее нервничала и беспокоилась. Столь быстрый отъезд, непривычная суматоха и переполох на городских улицах... Я пытался, как мог её успокоить. Говорил, что просто прокатимся на машине по делам... Съездим в другой город, что у меня выходной и мы проведём его не так, как обычно. Сам же в это время думал, что нам делать и куда мы

поедим. Поддавшись импульсу, я оставил дом и бросился бежать, но куда и главное, отчего не знал.

Рядом остановился мотоцикл. Средних лет мужчина и молоденькая девушка пытались протиснуться на нём между застрявшими в пробке машинами. Он оглядывался и искал возможность проехать вперёд. Автомобили стояли довольно плотно. Я открыл окно и крикнул сквозь шум:

«Вы знаете, что произошло?»

Девушка повернула ко мне голову:

«Мы едим от самой столицы. Нужно бежать. Они стреляют во всех.»

«Кто?» — тупо спросил я.

«Солдаты... На Новый Пекин пришла война!».

Янис Анил выглядит старше своих лет. Я бы дал ему около сорока, но этому «молодому» человеку нет и двадцати восьми. События шестилетней давности оставили глубокий отпечаток на его лице. Впалые щёки и ранние морщины, неестественно бледная кожа, с белыми шрамами от ожогов. Его длинные, редкие волосы собраны в пучок. Очень худой для своего роста. Можно сказать, высохший.

— Я жадно ловил и искал любую информацию о «Сопrotивлении». В сети, конечно, нелегко было найти её, но зная ресурсы или нужных людей, через личные каналы, знакомства... можно было найти всё. До сих пор меня удивляет, почему Метрополия проморгала такие вещи. Или не замечали или закрывали глаза, не знаю. Возможно, считали просто незначительным, не стоящим внимания. Ерундой... Поэтому мы довольно быстро нашли человека, который давал нам советы и указания, как организовывать ячейки, убеждать и привлекать людей, как их мотивировать и настраивать. Он передавал нам материалы и листовки, инструкции, руководства. В общем, всё, что требуется для полноценной «подпольной» работы. Само собой, сначала мы побаивались властей, такие вещи всегда противозаконны, но как выяснилось позже, страхи были напрасны. Никому до этого не было дела. Естественно, ходили слухи о какой-то организации, которая пропагандирует... антиправительственные настроения, но это никого особо не впечатляло. Очередная новость, очередные слухи. Полные предположений рассуждения. Кто-то считал это просто вымыслом, а кто-то откровенным враньём. Другие детскими играми.

Я запомнил фразу, которую обронила одна пожилая женщина, сидевшая недалеко от меня в метро, когда я ехал на учёбу.

«Мне кажется, молодёжь придумала себе такую игру... пусть балуются, кому от этого вред?!».

Я лишь улыбнулся тогда, в моём рюкзаке лежала стопка листовок. Уверен, даже останови меня полиция и найди их, они бы и сами не знали, что делать со мной. Наши законы я не нарушал...

Признаюсь, мне было интересно. Будто новое увлечение. Хобби, если хотите. Немного таинственности, чуть-чуть недозволенности ... капля романтики. Мы устраивали «тайные» встречи, собрания. Обсуждали вещи, за которые призывало бороться «Сопrotивление». Находили подтверждения их словам о несправедливости и угнетении колоний, разграблении ресурсов, несовершенстве системы и наших правах. Вступали в жаркие дискуссии о причинах и последствиях, о реформах и изменениях... Мечтали. И верили.

Число наших сторонников росло. В студенческой среде подобные вещи распространяются подобно инфекции, быстро, неотвратимо. Сказанное слово или

показанная кому-то листовка, через час обсуждается десятком, а ещё через час сотней молодых людей. И большинство хотели поучаствовать в этом. Преподаватели знали, видели, но не вмешивались. Тот же принцип, лишь бы не вредило учёбе.

Мы действовали согласно инструкциям. Всё тот же человек через Сеть, наставлял нас...

— Тогда вы понимали, к чему это может привести? — спрашиваю я.

Он грустно улыбается и качает головой.

— Нет, конечно. Откуда? Всё, что нам передавали, не выходило за рамки рассуждений и предложений задуматься, утверждений о несправедливости, подлости и алчности властей Метрополии. Если там и были призывы к чему-либо, так это призывы к рассуждениям, подкреплённые натянутыми фактами. Какие-то мы могли заметить сами, а какие-то принимали за правду.

Говорю же Вам. Просто студенческая, молодёжная организация. Которая скорее идеологически противопоставляет себя центральной власти. Не соглашается с ней и требует перемен... Не более...

— Вас интересовало, кто тот человек из Сети? Откуда он и где находится?

— Нет, ни капли.

— Он когда-либо призывал к вооружённой борьбе?

— Нет... В листовках, которые мы печатали и распространяли, были факты и разоблачения, зачастую грязные подробности жизни высших чиновников Метрополии. Их детей и жён. Тайные расследования о богатстве и коррупции. Гневные тирады по поводу угнетения колоний и т. д. Идеи объединения против центральных миров и их доминирования, противостояния им...политически, идеологически... Никаких призывов брать оружие и свергать власть.

Уверен, будь там изначально такие идеи, многие из нас не пошли бы туда.

Тот, кто это всё придумал, был неглупым человеком, он понимал, что при всём нашем отставании и технологическом и финансовом от внутренних миров, при всей той централизованной бюрократии, которая мешала нашему же правительству принимать те законы, которые в первую очередь пойдут на пользу нам самим, мы не жили так уж бедно, не были под полным подчинением у Метрополии. Нас не притесняли и не унижали. Мы не жаловались. Не противились. Жили по- своему скромно, но стабильно. Поэтому призывы к откровенной, да ещё и вооружённой конфронтации с центром, мы бы не поняли и не поддержали. Он действовал гораздо хитрее. Осторожнее. Кто всегда стремится к переменам? Молодёжь! Кого проще всего всколыхнуть и поднять? Молодёжь! Дайте им идею ... почва уже подготовлена. Она в них самих, в их безрассудности и беспечности.

И этот человек знал, что получит... Тысячи и сотни тысяч парней и девушек, которые устремятся в неизвестность, навстречу новизне и приключениям. Которые сами не замечая станут преданными и яркими сторонниками его идеи о необходимых переменах. Так и произошло...

Из кружка по интересам мы превратились в «Сопротивление».

Из молодых, только начинающих жить людей в фанатиков!

— Среди вас были сомневающиеся?

— Очень мало, мы скорее считали их трусливыми и слабохарактерными. Смеялись над ними. И гордились друг перед другом, что вот мы-то настоящие люди, готовые и способные на борьбу.

— Борьбу?

— Ага, только мы и сами не знали, что это значит. Просто были готовы и убеждали сами себя, что готовы. Нам стали скормливать информацию о других колониях, о таких же, как мы, вставших на путь «избавления». Говорили, что на всех планетах растёт недовольство и это правильно, закономерно. Постепенно риторика стала меняться. Больше неприязни, больше примеров из прошлого и сравнений с борцами за свободу, о которых мы и не слышали. Как-то само собой прозвучало слово "теракт", нападение на чиновника Метрополии, нам передали фотографии с места события, снабдили комментариями. И мы с чистой совестью восхищались этим поступком наших «коллег» и единомышленников. Листовки и болтовня теперь казались пустой тратой времени, мы хотели большего. Действовать... Начав с почти безобидной идеи о неравенстве, пришли к ненависти по отношению к центральным мирам и её гражданам. Ко всем, кто не жил в колониях, ко всем «толстосумам и откормившимся за наш счёт — лентяям». Так, мы говорили... В это мы верили. И тогда же стали враждебно относиться ко всякому, кто думал иначе. Заглотили наживку. Попались, сами того не ведая. И были этому рады.

— Как всё началось? — спрашиваю я.

— Когда пришли первые сообщения о событиях на Марсе, и восстании на Ероне. Все мы к тому времени, уже не считали себя вправе оставаться в стороне. Вот оно! Началось! Нужно действовать. Нам передали сообщение. Предупредили, что это очень важно и каждый из нас должен его услышать. Мы услышали... и пошли...

— Новый Пекин?

— Да.

Янис замолкает и закрывает глаза. Я не могу найти нужных слов. Его боль почти осязаема.

— Вам повезло, что вы выбрались оттуда, — выговариваю я, и тут же замолкаю.

— Вы так считаете? — Янис кивком указывает на свои ноги, обе ампутированы выше колен.

Мария Сиваль встречает меня в школьном дворе. Занятия на сегодня окончены и дети рассаживаются по автобусам, которые развезут их по домам. Она прощается с ними, шутит и подгоняет отстающих. Мы обмениваемся рукопожатиями. Хрупкая на вид ладонь уверенно сжимает мою руку.

— Здравствуйте, мистер Фишер.

— Добрый день.

— Как добрались?

— Я привык к длительным перелётам, обычное дело. Так что всё в порядке, спасибо.

Она широко улыбается и указывает на здание школы:

— Давайте поговорим у меня в кабинете, сегодня на улице прохладно.

— Как скажете, — отвечаю я, поудобнее перехватывая портфель.

Мы входим в опустевшее здание и поднимаемся на второй этаж. Мария пропускает меня в свой кабинет.

— Признаюсь, меня удивил ваш звонок, ещё никогда я не давала интервью, — весело сообщает Мария, — Ну не стойте, присаживайтесь.

Я покорно сел в предложенное кресло:

— Это не совсем интервью, я тут не как журналист, а скорее как писатель. Собираю материал для книги. И истории таких людей, как вы, меня чрезвычайно интересуют.

— Ну и пусть. У меня в гостях настоящий журналист или писатель, это всё равно

большая честь для меня, — засмеялась она. — Потом буду хвастаться.

Я скромно промолчал. Весёлый нрав этой маленькой, жизнерадостной женщины, с большими и добрыми глазами, привёл меня в смущение. Мария будто уловила моё настроение.

— Задавайте ваши вопросы, Билл, вы ведь позволите называть вас Билл, — мягко спросила она. — Я не боюсь воспоминаний.

Кивнув, я включил диктофон.

— Мне так хотелось побыстрее оказаться на месте. Недельный перелёт длился целую вечность. С нетерпением и трепетом я мечтала сойти с корабля и своими глазами увидеть бескрайние, голубые просторы здешних океанов и вдохнуть ароматы планеты, славящейся тропическими лесами и чистейшим, солёным воздухом. Получив багаж, я побежала к выходу из терминала, обгоняя туристов и вызывая улыбки на лицах персонала порта.

Первые секунды под открытым небом Самуи, меня ошеломили. Лазурная синева с барашками белоснежных облаков, неспешно плывущих над головой, яркая непривычная зелень, испускающая новые, незнакомые запахи. Тёплый ветерок, несущий свежесть близкого океана — удивительное зрелище, для выросшего в бетонном мегаполисе, человека. Столько растительности и столько открытого пространства, я никогда не видела. Не говоря уже об океане.

Мечта стала явью. Я впервые вступила на другую планету. И меня переполняли чувства. В то время мне было 25 лет. Жизнь только начиналась, и это начало мне нравилось. В моём кармане лежало приглашение на работу в среднюю школу имени Франциска Колье, первого президента и почитаемого до сих пор на Самуи человека. Городок с одноимённым названием — Колье, столица главного туристического острова колонии, располагался на побережье, там мне предстояло жить и работать. Помню, однокурсники посмеивались надо мной, когда после получения документа об образовании я подала просьбу о своём желании работать в колонии. Это считалось бесперспективным, скучным и непопулярным началом карьеры. Большинство стремились получить места и приглашения на работу во внутренних мирах. Мало кто хотел покидать Метрополию и уезжать в «глухомань». А меня влекла неизвестность и новизна. Разность менталитетов и культур не сильно пугала, я умела находить общий язык со всеми. А гражданство Метрополии давало преимущество для молодых специалистов.

В силу своего характера и любознательности я легко сходилась с людьми. Местные приняли меня неплохо. Некоторые держались настороженно или недоверчиво, но только на первых порах. Потом барьеров не было. Принимать туристов и зарабатывать деньги на «чопорных» путешественниках из богатых внутренних миров, для местного населения было привычно, те жили в курортных зонах на побережье, купались в океане и поглощали отменные морепродукты, но редко кто из них появлялся в других уголках планеты. А таких, как я, приехавших сюда на постоянное место жительства было очень мало. Работники посольства с семьями и небольшой гарнизон в столице, вот и все соотечественники, которых я могла встретить. Планета жила туризмом и по договору с Землёй, на Самуи не допускались иноземцы для ведения бизнеса. А больше здесь делать было нечего.

Работа в школе приносила мне огромное удовольствие, маленький коллектив, добрые, отзывчивые люди. Во многом не похожие на меня, со своими устоями, но в целом хорошие. Ученики с интересом слушали рассказы о моей прежней жизни, удивлялись описаниям огромных городов и фабрик, восторгались событиями и историям из будней Метрополии.

Смеялись над тем фактом, что я не умела плавать...

Я влюбилась в этот мир и в этих скромных, простодушных людей. И они отвечали мне тем же.

Так пролетели пять лет. Весть о начале войны здесь восприняли довольно спокойно. Поток туристов иссяк, те, кто находился на планете, были вывезены в течении нескольких недель. Люди, живущие туризмом, вдруг лишились доходов и правительство развернула программу по трудоустройству оставшихся без работы людей, на морские добывающие и перерабатывающие фермы. Остальных же это не коснулось. Как и прежде большинство населения было занято в пищевой промышленности. Моря и океаны Самуи могли прокормить многих. Я не сильно волновалась из-за разворачивающихся событий. В Сеть заходила редко. На работе об этом почти не разговаривали. Жизнь не изменилась, и мы были этому рады. Местные новостные агентства ограничивались скудным освещением далёких событий и не будоражили умы сограждан. Правда, я не могла уже длительное время связаться с родителями, но считала, что отсутствие связи — временное явление.

Изменения начались когда на Самуи прибыли первые корабли с ранеными солдатами колоний, участвовавших в восстании. Точно не знаю, какой политики придерживалось руководство планеты, полагаю, что невмешательства. Но принять у себя, разместить и кормить пострадавших в боевых действиях, оно согласилось... Или ему не оставили выбора.

Транспорты ежедневно доставляли к нам всё новых и новых людей, тысячи и десятки тысяч раненых, спешно размещали в государственных учреждениях, гостиницах и в быстровозводимых модульных пунктах. Огромное количество людей. Спокойная и размеренная жизнь маленькой планеты сменилась на суету и неразбериху громадного, шумного, полевого госпиталя. Было ощущение, что колонии сделали Самуи своей главной лечебницей. По улицам сновали автомобили и грузовики, повсюду разворачивали новые палаточные городки. В небе то и дело пролетали транспортные самолёты, старые корабли — сейнеры, круизные лайнеры, сухогрузы, всё превращали в плавучие госпитали и пункты приёма пострадавших. Улицы городов заполнили солдаты и гражданские, строители и медики, и ещё целая орава обслуживающего и вспомогательного персонала. Бедлам!

В спортивном зале нашей школы разместили легко раненных и выздоравливающих солдат. Поначалу, работники и родители учеников с сочувствием и пониманием относились к ним, приносили еду, гостинцы. Предлагали необходимую помощь, если потребуется. Брались стирать вещи, несли из дома всякие мелочи, вроде полотенец, бритв или постельного белья. Некоторые давали немного денег. Солдаты с радостью принимали всё это и постоянно просили ещё.

Постепенно дети стали сторониться их, побаивались громкого смеха и грубых шуток. Их манер и непривычной внешности. Солдаты расхаживали по территории школы, дразнили учащихся и педагогов, кидали недвусмысленные взгляды и отпускали непристойные замечания в адрес молодых женщин учителей. Часто были пьяны. Директор школы лишь разводила руками, жаловаться было некому.

Спустя время обстановка стала накаляться. Военные становились всё наглее. Они уже не просили, а требовали. Еды, денег, выпивки. Один раз произошёл конфликт, когда подвыпившие солдаты, не стесняясь детей, приставали к учительнице. Только вмешательство офицера, военного врача, успокоило их. Многие дети перестали посещать школу, родители не хотели ни отпускать туда детей, ни появляться самим.

Я старалась как можно меньше находиться вне класса. Так было спокойнее.

В один из дней, на обеденном перерыве моя коллега сказала:

«Тебе нужно было уезжать, Мария, когда ещё была возможность... Подумай, что будет если они узнают откуда ты».

Тогда я впервые, по-настоящему испугалась.

Я не виню тех людей. Многие из них прошли через такое, что и представить сложно. Они и есть настоящие жертвы той войны. Да, всегда и везде жалеют мирных граждан, напоминают об их беспомощности и ужасах, что они пережили. Это так. Это ужасно. Не стоит на миг представить, какой выбор встаёт перед тем, кто берёт в руки оружие, как он оставляет дом, семью или родителей, ломает свою привычную жизнь и оказывается на фронте... Там он должен либо убивать, либо... не мне судить о морали. Мне их жаль. Миллионы отправились на войну под бой барабанов и звуки трубы, многие остались там, на полях сражений, где перед ними вставал тот самый выбор. Либо, либо... тем же кому повезло вернуться живым, потом предстоит решить ещё более сложную задачу, остаться человеком. Вернуться оттуда не только физически, но и морально, убить в себе того зверя, что был необходим для выживания и вновь стать отцом, мужем или сыном...

Многие скажут, среди солдат той войны были и плохие люди. Бездушные, злые и жестокие... Я это знаю... Но разве это не наша общая вина? Разве злодеями и негодьями рождаются? Я долго работаю с детьми и знаю, что это не так. Этого можно избежать. Покоряя звёзды и совершая технологические рывки, человек не должен забывать о своём духовном развитии, иначе однажды мы уничтожим сами себя (делает паузу).

Случайно или нет, меня выдала мать моего ученика. Эта одинокая женщина сблизилась с проходившим лечение молодым офицером, и, скорее всего, влюбилась. Уж не знаю, как это произошло, но правда обо мне раскрылась. О моём происхождении. Как-то утром я пришла в школу, зашла в класс, но вместо учеников, меня ждали трое солдат. Среди них тот офицер.

Глава 1

Маркус Альери

— Как человек практичный и неглупый я понимал, что мой бизнес может находиться под угрозой. Сложив в голове все элементы мозаики мне, стало очевидным, что грядущие события, если они произойдут, положат конец моей деятельности. В лучшем случае. А в худшем собственная жизнь окажется под угрозой. Нужен был план. Для начала тихое и надёжное место, где бы я мог пересидеть преддверие кризиса. Вот только где оно? Что мне было известно?

Организация под названием «Сопrotивление», с которым я часто работал через подставных лиц, уже пару лет приобретало оружие и технику. Масштабы закупок говорили что, по крайней мере, на нескольких колониях местные правительства покровительствовали ей. Её представители сидели в высших эшелонах власти. Или имели огромную поддержку. Вся картина мне неизвестна, но чутьё подсказывало, что оружие не будет долго лежать в ящиках, им воспользуются. И очень скоро. В Метрополии, конечно же, не допустят сепаратистских выступлений, направят войска на подавление возможного мятежа. Это означает войну. Будучи не обременённым патриотической чувшью, мне, было понятно, что во время войны лучше держаться нейтралитета и раствориться. Дома ко мне могли появиться вопросы. Если кто-то из людей, замешанных в моих операциях, заговорит и выдаст меня, мне конец. А они обязательно заговорят, если припереть их к стенке. Будут спасать свою шкуру, ценой моей.

Возможно, я ошибался и слишком драматизировал, возможно, мятежа и не будет, возможно «Соппротивление» это просто кучка террористов и фанатиков, у которых не хватит силёнок тягаться с правительством, но провернув сделку с тем покупателем, продав самое разрушительное и мощное оружие, созданное человечеством, я всё же решил подготовиться к худшему сценарию.

Деньги я распределил по нескольким счетам. На разные фамилии. Обзавёлся пятью поддельными паспортами. Слегка изменил внешность, в частной хирургической клинике. И купил недвижимость, небольшой дом на окраине Лузье, столице Третьей Республики.

— Почему именно там? — удивился я. — Не Земля, но всё же довольно близко от центра.

— А где ещё скрываться от властей такому человеку, как я? На планете увеселительных заведений, притонов, казино и ресторанов! Среди таких же мошенников, жуликов и преступников со всех известных миров. Я всегда любил Республику, за развратный и жизнерадостный нрав её обитателей и за те скромные радости, которые она может предложить обладателю пухлого кошелька!

В общем, мои приготовления оказались своевременны, через неделю произошёл мятеж на Ероне. Фактическое начало полномасштабной войны.

Это известие пришло, когда я только прибыл на Третью Республику и разбираю чемоданы. Я успел.

— Выглядит так, будто Вы досрочно вышли на пенсию.

— Чёрт возьми, так оно и было. Денег на тех банковских счетах хватило бы и моим внукам, если бы они у меня появились. В новом доме было всё, что мне необходимо, поддельный паспорт давал гарантию безопасности, пусть неполную, при доскональной проверке мою личность легко бы выяснили, но возможность этого была мала. А множество баров и ресторанов, не давало поводов для скуки. По-своему я был счастлив. Деньги — это хорошо, но ещё лучше, если у вас есть время и возможность их тратить! Наверное, я мог бы даже жениться (смеётся), но как только заканчивалась очередная бурная ночь и наступало утро, я терял интерес к женщинам, спавшим в моей постели.

— Вы обрубали все деловые связи? — спрашиваю я.

— Почти. Это могло быть опасным. Я не собирался рисковать. Маркуса Альери больше не существовало. Конечно, было пару нор, где можно укрыться и несколько надёжных людей, которые могли бы мне помочь при необходимости. Но это на крайний случай. Я надеялся не прибегнуть к их услугам.

— А последний заказ, Лучевое оружие, вас оно не волновало?

(мистер Альери тянет с ответом)

— Не удивляйтесь. Волновало. (пауза) — Я знал имя заказчика.

Я молчу. Вижу, как в моём собеседнике идёт внутренняя борьба. Громко выругавшись Маркус Альери выпаливает:

— Да, да, да! Проклятье... Ещё как волновало! Я продавец оружия, а не маньяк, слетевший с катушек. Конечно, я зарабатывал деньги преступным путём. Естественно, с помощью оружия не разбивают райские сады. Их уничтожают им. Я продавал и плевал на всё. На мораль, закон, собственную совесть. Делал деньги... Но не я нажимал на курок, не я заставлял одного психа наставлять оружие на другого, подобного ему. Не я сбрасывал бомбы на города. Не я убивал детей... Хотите меня осудить? Судите тех, кто воспользовался оружием... я здесь ни при чём.

Несколько минут мы молчим, ярость мистера Альери уступает место спокойствию, он продолжает:

— Я прожил на Третьей Республике почти год и не привлекал к себе внимания. Следил за военными действиями из официальных источников. В меру тратил состояние. Отдыхал... Но помнил фамилию покупателя... Догадывался, на что он способен.

— Как Вас нашли?

— Никогда бы меня не нашли! Идиотский случай прервал мою размеренную жизнь. Время от времени колониальные войска устраивали налёты на Третью Республику. Одиночные либо плохо скоординированные удары кораблей этих вояк, с лёгкостью отбивала планетарная система защиты. Раз в несколько недель, а то и месяцев сообщалось о попытке атаковать поверхность планеты, но они оказывались безуспешными. Пару тройку раз бомбы попали в объекты инфраструктуры, но это была скорее слепая удача и чудо. Поводов для страха не было. Третья Республика наслаждалась обычной, спокойной жизнью.

Вот и в тот субботний вечер всё было как обычно, я охаживал очередную даму, по моему она работала в гостинице «Самаритэн», во всяком случае так она сказала. Мы сидели в баре, рядом с этой самой гостиницей. В моих планах была долгая и запоминающаяся ночь. Когда по нелепому стечению обстоятельств корабль-одиночка, принадлежавший колониям, сумел прорваться сквозь заслоны ПВО и за секунду, до своего уничтожения успел сбросить довольно мощные бомбы на центр города. До нас докатилась ударная волна, зазвенели выбитые ею стёкла. Послышались крики людей и протяжный, запоздалый сигнал воздушной тревоги. Признаюсь мне не улыбалось, встретиться со «своим» товаром. Я немного встревожился. Испытывал неприятное чувство, похожее на удивление и злость одновременно. Насмешка судьбы, нелепая маловероятная смерть, вдали от фронта, и предмета который, возможно, я же и продал.

Моя спутница не пострадала, как и я. Бар располагался в цокольном этаже, и всё ограничилось разбитыми стёклами. Посетители стали расходиться. И мы вышли на улицу. В квартале от нас стояло облако дыма и пыли. Туда истошно вопя сиренами, спешили машины скорой помощи и пожарные. Женщина предложила поехать к ней домой. «Запить стресс» как она выразилась. Я ни секунды не раздумывал. Взял такси и мы поехали прочь от центра. Машина остановилась в тихом, но не очень престижном пригороде Лузье. Мы прошли несколько десятков метров до ворот трёхэтажного дома из красного кирпича, когда внезапно из темноты к нам навстречу направились две фигуры. Двое мужчин. С однозначными намерениями, как я тогда успел подумать.

Прозвучало такое банальное «Стой»! Не менее банально поднялась рука, сжимающая рукоятку пистолета. Не банальной была только эта парочка грабителей, они предпочитали сначала стрелять, а потом уже всё остальное.

Пуля угодила мне в шею. Что стало с моей спутницей я так и не узнал, да и не пытался если, честно. Очнулся я в центральной больнице Лузье, прикованный одной рукой, наручниками к стойке кровати. Оказалось, я десять дней был в коме и чудом остался жив. Потерял много крови. На моё счастье, жильцы домов слышали выстрелы, в тот вечер и вызвали полицию. Меня без сознания успели доставить в больницу. Успели спасти.

Поверьте, я оценил иронию. Жаль, не удалось сохранить пулю, которую врачи вытащили из меня. Был бы неплохой сувенир.

Ко мне в палату зашла медсестра, увидела, что я пришёл в сознание и позвала кого-то невидимого, находившегося в коридоре. Это был полицейский. На мои требования

объяснить, почему пациент в моём лице прикован к кровати, они не отреагировали и не сказали ни слова. Полицейский вызвал кого-то по рации и запер дверь снаружи. Я был ещё слишком слаб, даже эта попытка восстановить справедливость, вызвала головокружение, и я вновь потерял сознание.

Когда снова очнулся, было утро или день. Не знаю. В палате, кроме меня, находился средних лет мужчина азиатской внешности. Строгий костюм и пристальный взгляд не сулил мне ничего хорошего.

«Вас зовут Маркус Альери, верно?» — скорее утвердительно произнёс он.

Мои мысли путались. Голова гудела. Я почти машинально ответил «да».

«У меня к вам вопрос, от которого зависит ваше будущее мистер Альери. Ваше прошлое нам известно».

«Что вам нужно?» — проговорил я, гадать как они вычислили меня не было сил.

«Нам нужно найти оружие, большое оружие. Вы ведь можете нам помочь?»

«Да» — ответил я, теряя связь с реальностью.

Том Линк

— Мысленно возвращаясь в прошлое, прокручивая в голове одни и те же события, раз за разом вспоминая сказанные слова или поступки, я пытаюсь понять — могло ли всё быть по-другому. Сам не знаю, что мне это даёт. Иногда облегчение, а чаще боль. Разум ищет ответ на вопрос — «почему», но не находит. Возможно, его просто нет. Превратности судьбы. Слепой случай или череда неизбежных событий. Вот лёгкий ответ. Но заставить себя смириться с ним, не получается.

Джейк ушёл. И с ним ушли многие из нашего города. Будто охваченные религиозным рвением, христиане древности, тысячами и тысячами отправлявшиеся на восток, в Святую землю, чтобы стать защитниками веры. Крестовые походы, религиозные войны. Читали о таком?

Наши дети бросили свой дом и стали новыми «крестоносцами». Транспорты уносили их в неизвестность. А родственникам оставалось лишь ждать и надеяться.

— Куда их везли?

— По-разному. Спустя две недели, Джейк прислал короткое сообщение, что он находится на Кои. Что-то вроде сборного пункта. Больше никаких подробностей. От своих знакомых я слышал и о других местах, куда попали их дети. Но насколько можно было судить, большинство отправилось туда.

— А Ваше правительство?

— Вы имеете в виду их официальную позицию?

— Да.

— Мы присоединились к восстанию. «Сопrotивление» не было запрещённой организацией у нас. Их идеи поддерживало много людей из правящей верхушки. Парламент — эти старые, выжившие из ума, глупцы, единогласно приняли и подписали соглашение о взаимной борьбе против Метрополии. Конечно, тогда никто не мог предположить, чем всё это обернётся для нас. Но они намеревались «бороться». (делает паузу).

Лёгкое решение для тех, чьи дети никогда не попадут на фронт!

— Ваша планета посылала только добровольцев?

— Да. На войну отправлялись добровольцы. А когда в нашем небе появились корабли Метрополии... правительство даже не успело объявить мобилизацию. Всё закончилось быстро. Безумцы.

— Что стало с Джейком после Кои?

— Несколько месяцев от него не было вестей. Через знакомых я не мог получить сведений о нём. Наша военная администрация пыталась составлять списки отправляющихся на фронт, отслеживать подразделения и места дислокации и переброски, но оказалась совершенно не готова к такой задаче, и вскоре выдохлась. Ограничиваясь лишь отчётами об отправленных и их количеством. Под радостные крики политиканов наша молодёжь уходила навстречу неизвестности и через совсем короткий промежуток времени о них забывали и с теми же речами провожали следующих. Войне требовались жизни. Сопrotивлению требовались бойцы.

Джейк позвонил сам. Нашёл способ. Связь была плохой, часто прерывалась. Но мы смогли поговорить. Очень коротко:

«Здравствуй, отец» — сказал Джейк. «Рад тебя слышать».

«Привет, сын, как ты?» — ответил я.

«Жив и здоров».

«Где вы сейчас? Мы тут волнуемся и ничего не знаем о вас».

«Уже месяц на Новом Пекине... в аду»

Связь прервалась, но тут же восстановилась. Я хотел задать вопрос, но Джейк продолжил:

«Прости меня отец, я ошибся, я виноват перед тобой и мамой, а вы были правы»

Вновь помехи и тихий еле различимый шёпот Джейка:

«Мы все ошиблись... нам здесь не место».

Больше связь не восстановилась, это последние слова, которые я услышал.

Супруга, узнав о нашем разговоре, всю ночь прорыдала. У меня не находилось слов утешения для неё. Но тогда я понял, что должен вернуть нашего мальчика домой.

Посылать запросы и обивать пороги министерства обороны, было бесполезно. Они всем говорили одно и то же. «Ваш родственник или сын, находится в боевых частях, их месторасположение, не разглашается». Коротко и официально. Через сеть найти такие сведения и вовсе не представлялось возможным. Новости, которые до нас долетали, позволяли составить лишь общую картину, происходящего. Война набирает обороты. Всё новые и новые миры вступают в конфликт. Миллионы людских судеб перемешиваются в этом котле безумия и хаоса. Куда уж тут найти одну!?

Нет, я не сидел сложа руки, вместе с женой мы каждый день писали запросы, обзванивали друзей и знакомых, посещали встречи комитета солдатских матерей. Рылись в Сети, искали хоть малейшие намёки о том, что происходит на Новом Пекине. Безрезультатно. Правительство ввело цензуру. Новостные ленты транслировали только победные репортажи или вести об очередных военных успехах союзных войск. Запросы оставались без ответа или сводились к сухому — «Ваш сын жив. Находится в местах боевых действий». Дурацкая отговорка.

С каждым днём моя супруга мрачнела всё больше и больше. Её стали преследовать головные боли и начались проблемы с сердцем. Да и я не находил себе места. Неизвестность пугала нас обоих.

Как-то на встрече комитета солдатских матерей, который собирался каждую субботу в здании мэрии. Нам сообщили, что Сопrotивление превратило Самуи в свой самый большой пункт по приёму раненых. Со всех миров, со всех фронтов, значительную часть пострадавших бойцов направляли туда на лечение и реабилитацию. Это было хоть что-то.

Хоть какая-то возможность узнать всем нам о судьбе своих близких. Мы составили поимённый список из всех горожан, отправившихся на фронт и руководитель комитета, собирався послать официальный запрос по гражданским каналам, на Самуи. Возможно, там уже были наши соотечественники.

— Неужели власти совершенно не интересовались судьбой своих сограждан? — спросил я.

— Вам, жителю центральных, густонаселённых миров, это покажется странным. Вы живёте в огромном социуме, подчинённом правилам и законам, интересуетесь политикой, а она напрямую влияет на вашу жизнь. Отдавая свой голос на выборах, устанавливаете линию поведения государства. Руководители действуют с оглядкой на вас, своих избирателей. Таковы устои Метрополии.

Наше общество отличается от вашего. Наш мир не похож на другие. Мы живём здесь обособленно. Сельское хозяйство — основной и единственный вид деятельности. Крупных городов нет. Всё строится вокруг общин, которые владеют и обрабатывают свои земли. Это определяет наш менталитет — независимые, гордые, несговорчивые. Центральная власть присутствует, но лишь номинально. Мы создали государственные институты как дань прошлому. Играем в демократию раз в шесть лет и с чистой совестью плюём на это и продолжаем жить своими проблемами. Кого-то выбрали, кто-то стал официальным главой колонии. Других вопросов нет? Расходимся!

Стареющее население, малая плотность. Большие территории. Вот как мы жили. Метрополия даже не имела здесь своего гарнизона. Десяток другой чиновников, считающих эту службу скорее ссылкой, жили в столице и не вмешивались в наши дела. Лишь следили за ежегодной отправкой налогов в центр и соблюдением торговых договоров.

Министерство с громким названием «обороны», состояло из нескольких тысяч полицейских и офисных работников, а их основная задача, расследование мелких преступлений и борьба со стихийными бедствиями.

Поэтому молодёжь и пошла на эту войну. Наш мир казался им затхлым и отсталым. Скучным.

И поэтому руководство так к ним и относилось. Добровольцы идут на фронт. Парламент верит, что выбрал правильную сторону в конфликте. Да и поставки нашей продукции подтверждены долгосрочными союзными обязательствами... Ну а то, что за это нужно заплатить каким-то количеством жизней — не беда.

— Самуи стало вашей отправной точкой? — интересуюсь я.

— Да. Мы стали получать сообщения о наших ребятах, попавших туда. Много раненых, ещё больше изувеченных. Но это было хоть что-то. Люди радовались и такому. Пусть ранен, пусть стал калекой, но жив и в тылу. Оттуда, по крайней мере, приходила полная и правдивая информация. Вся планета с ожиданием и трепетом следила за сводками, передающимися с Самуи.

— Джейка вы там так и не нашли?

— Нет. Время шло. Его в списках не было. Тогда стало ясно, что все «наши», рано или поздно перебрасывались на Новый Пекин. Кто-то в первой волне, кто-то в частях пополнения. И тем, кому посчастливилось вернуться, оказывались в списках раненых. Я решил полететь на Самуи. Возможно, там я что-то раз узнаю о сыне. Возможно, найду его сослуживцев. Если потребуется, сказал я себе... отправлюсь на Новый Пекин.

Зак Черезку

— Не знаю, кто планировал операцию, наверное, какой-то умник из штаба, ни разу не бывавший на передовой. Но благодаря чину ему было виднее, как водить и расставлять полки. Нас, вместе с другими подразделениями высадили в ста километрах от столицы. Мы разбили лагерь. Могли бы просто сбросить нас на головы сепаратистов, неожиданным ударом быстро захватить крупные города и промышленные центры, но вместо этого, нам приказали укрепить зону высадки и ждать. Нет ничего хуже ожидания. Какой смысл собирать такую кучу людей и в момент, когда нужно действовать, заставлять их томиться бездельем?

— Тогда ещё можно было решить вопрос дипломатическим путём, — вставляю я. — Правительство пыталось достигнуть соглашения с руководством Нового Пекина.

— Пустые разговоры. Они либо с нами, либо против нас. Если есть малейшее сомнение, значит думать тут не о чем. Только так можно держать в подчинении Колонии. Железной хваткой и страхом. Страх делает людей сговорчивее. А проявление великодушия делает тебя слабее.

— Думаю, они пытались избежать ненужных жертв.

— Вы себя слышите? Ненужные жертвы? Это ещё что такое, мать его!?! Решили бить, так бейте, не давайте время на размышления! Мы всегда так делали на Стамбульских улицах и благодаря этому выживали.

Впрочем, неважно. У политиков был шанс, они им не воспользовались. Пришёл наш черёд. Полк погрузился на технику и выдвинулся в сторону столицы. Наступление началось и на других участках. Основная задача всех подразделений — взятие под контроль всех городов и населённых пунктов, на нашем пути. Установление военной администрации и выявление нелояльных. Поиск и разоблачение мерзавцев из «Сопротивления» и сочувствующих им.

Погода стояла отличная. Мягкий климат Пекина не мог не радовать. Ранняя весна. Чем-то напоминающая мне дом. Тёплая и солнечная. Тем более, после вечной сырости и дождей Самира. Я был доволен.

Хорошо помню первый убогий городишко, в который мы вошли. Одноэтажные, по большей части, деревянные дома, с колоннами и покатыми крышами, облепленные древней глиняной черепицей. Резные изображения каких-то ящериц, наверное, драконов из детских книжек, украшали фронтоны жилищ. Повсюду низкорослые деревья, покрытые белыми цветами, пруды и причудливые алтари предков, или кому там поклоняются эти потомки Мао. Будто оказался в древнем Китае. Не знаю, так ли он выглядел, когда был древним, но мне так показалось.

Колонна встала. Прозвучал приказ занять оборону и глядеть в оба. Нам навстречу вышло несколько стариков. Мэр, старейшина или кем он там был, вышел вперёд и заговорил с нашим полковником. Я находился далеко и не слышал, о чём они разговаривали. Несколько минут мы ждали. Я озирался по сторонам, местные жители, вероятно попрятались в своих домах, улицы были пусты.

Полковник оставил старика и подошёл к группе офицеров, ожидавших его, и отдал распоряжение. Те повторили приказ нам. Разбившись на пары обыскать дома, построить всех местных на центральной площади, следить чтобы никто не сбежал. Мы бросились исполнять.

В первом доме, в который я вошёл, жались друг к другу пожилые мужчина и женщина. Они безразлично смотрели на меня, пока я обходил большую комнату, служившую по всей

видимости гостиной. На маленькой кухне и в спальне никого не оказалось, и я велел им выйти на улицу. Они безропотно подчинились, не проронив ни звука. Перед дверью я ещё раз обернулся и пробежал взглядом по комнате — и взять-то нечего, голодранцы. На улице уже стояли люди, выгоняемые из своих домов, солдаты и офицеры прикрикивали на них, когда они мешкали или делали вид, что не слышат. Всё это происходило в странном молчании. Ни криков и причитаний, ни протестов и слёз, которые я видел раньше на Самире. Угрюмая покорность и молчаливость.

Старейшина стоял рядом с нашим полковником и также, обречённо помалкивал. Внезапно из глубины одного из домов, раздались крики и шум борьбы. Громыкнул выстрел. За ним последовал звон стекла. Двое солдат выскочили из того дома и бросились к его задней части, на ходу вскидывая винтовки. Толпа на улице заволновалась. Мы приготовились. Навели оружие на местных. Прозвучало ещё несколько выстрелов и повисла тишина. Я увидел, как те двое солдат волокут за руки молодого мужчину. Его рубашка была в крови. В толпе поднялся ропот, но тот старик, выдававший себя за главного, что-то прокричал на неизвестном мне языке и гомон стих.

Солдаты подтащили раненого к полковнику и офицерам и что-то показали им, какие-то бумаги. Я ухмыльнулся. Всё понятно — «Сопrotивление», мы нашли, что искали.

— Этот человек был единственным? — спрашиваю я. — В том городе.

— Куда там! У него имелись дружки. Их выдал старейшина, после того, как полковник пригрозил убивать по одному человеку каждые двадцать секунд. Сработало моментально. Подняв костлявую руку, он указал ещё на троих молодцов. Их вытащили из толпы и поставили к стене ближайшего дома, а с ними бросили и того парня, подстреленного нашими ранее. Он был жив, хоть и без сознания.

— И они не пытались защищаться, уговаривать или оправдываться?

— Удивительно, но нет. Эти молчуны безразлично слушали короткий приговор, который зачитал офицер, так же безразлично смотрели, как расстрельная команда поднимает оружие и даже не зажмурились после слова «Огонь».

— Что стало с остальными жителями города?

— Мы составили списки, перевернули всю округу вверх дном, в поисках тайников с оружием, правда ничего не нашли и утром двинули дальше. Военная полиция и вспомогательные части должны были разбираться с ними. Меня они больше не интересовали.

— Много на вашем пути было таких городов? — спрашиваю я.

— Достаточно. Мы продвигались быстро.

— Встречали сопротивление?

— Иногда. Но сто второй не церемонился.

— Что было дальше?

— Дальше начались проблемы. Города и посёлки пусты. Жители в панике убегали от нас. Основная их масса двинулась на запад. Но многие прятались в лесах. А потом на планету посыпались корабли с десантом. Союзные колонии, так же как и Метрополия, решили, что ценность Нового Пекина слишком высока, чтобы отдавать его противнику. И началось веселье...

Сепаратисты на западном полушарии, мы на восточном. Между нами мечется местное население. Признаюсь было жарко. Всё что мы видели или представляли себе раньше, померкло перед войной на Новом Пекине. Это была мать всех войн! Звучит громко, но это

так. Мясорубка. В воздухе, на земле, под землёй — было и такое, мы вгрызались друг другу в плотки, не чувствуя боли и не обращая внимания на такую мелочь, как собственная смерть. Главное — забрать с собой побольше тех ублюдков, сидящих в окопе, в ста метрах от тебя. Десятки тысяч бросались в безнадежные атаки и откатывались на прежние позиции, усеивая поля телами своих товарищей. В небе носились истребители и корректировщики, загорались, падали объятые пламенем, или устраивали захватывающие воздушные поединки, на радость грязным пехотинцам, следящим за ними. Города пылали. Потери с обеих сторон были огромными.

Отбивая очередной населённый пункт, мы больше не искали членов «Сопротивления». Стреляли во всех, кто попадался нам на глаза, во всех, кто не носил ту же форму что и мы. Никакого милосердия.

Правда, через три месяца нас отвели с передовой. Пришло пополнение. Нас сменили. Дали короткий отдых и поставили новую задачу. Проклятые партизаны стали доставлять много хлопот тыловым подразделениям, люди гибли, не доехав до линии фронта. Колонны пропадали. Нарушалась логистика. С ними нужно было что-то делать.

— Это были местные жители?

— Многие. Но не все. Повстанцы забрасывали за линию фронта маленькие группы добровольцев, в основном состоящие из ярких членов Сопротивления, фанатиков. Те с помощью местных организовывали такие отряды и координировали их деятельность. С ними было много хлопот. В основном молодые мужчины, иногда женщины. Даже бывалые солдаты удивлялись, а потом и побаивались их. На войне ты должен если не убить, то, по крайней мере, напугать врага. А когда видишь перед собой безумца-фанатика, который спрятал свой животный, человеческий инстинкт самосохранения где-то в глубине себя и вместо него излучает лишь ярость и ненависть, если ты видишь, что ему неведом страх... по неволе по телу пойдут мурашки.

Сто второй должен был покончить с такими фанатиками и их пособниками в нашем тылу.

Ли Во Джонг

— Главная причина наших неудач — нехватка людей. Мы не могли поспеть всюду. Конфликт разрастался и работать становилось всё тяжелее. Настроение правительства менялось. Ястребы в его составе требовали решительных действий. Они не желали мириться с тем утверждением, что колонии заслуживают шанса. В их представлении любая форма диалога строится на простой истине. Либо вы поддерживаете восставших, либо ясно и уверенно обозначаете свою покорность метрополии. Двоякое поведение, размышления и задержки — раздражали этих людей. Вместе с деньгами, потраченными на войну, упадком экономики, нехваткой рабочих рук и военными неудачами, они теряли терпение, выступая всё жёстче и жёстче. Многие граждане прислушивались к ним и поддерживали. Пока война шла далеко, пока её отголоски не докатывались до внутренних миров, они пребывали в состоянии покоя и спокойствия. Но когда атаковали Марс — парадную дверь их дома, настроения стали меняться.

Это уже из области психологии. Возьмите сытого и довольного своей жизнью человека, его мышление укладывается в простую и понятную картину — я заслужил, то что имею. Почему? Да потому что я гражданин великого государства! Я плачу налоги, работаю, воспитываю детей. Могу пользоваться благами цивилизации, построенной моими предками. Всё это доступно мне по праву рождения. Я презираю или в крайнем случае не замечаю

жителей далёких колониальных миров. Это неотёсанные деревенщины, чьи предки по собственной воле оставили дом и поселились на окраинах цивилизованного, прогрессивного мира. Они остались людьми, но людьми второго сорта. И когда такой напыщенный, от собственной исключительности человек, слышит как посторонний, слабо развитый и чуждый ему индивид, вдруг с оружием в руках ломится в его дверь, он протестует и возмущается. Удивляется наглости, на которую посмел этот тип... и требует от государства наказать смутьяна, нарушающего основы основ — уникальность жителя метрополии.

Простите меня за это отступление, я лишь пытаюсь объяснить вам, как сложно работать с людьми, какие барьеры они выстроили перед собой и что за предрассудки властвовали над ними. Можно подумать, я обвиняю только жителей внутренних миров, но это не так. С той стороны существовали свои заблуждения и надуманные причины, побудившие тех людей, начать войну. Глупость противников примерно равна.

— Но люди, работающие с вами в те годы, не были такими, — говорю я.

— К счастью, они были другими. Но нас было слишком мало. Испытания, что выпали всем нам, в очередной раз оголили человеческую сущность — индивидуализм, во всех его проявлениях. Плохое и хорошее смешалось в нас. Или всегда присутствовало, но было скрыто под покрывалом цивилизованных людей. Гордость — вот первопричина той войны. В этом я уверен. Как и в том, что деление на МЫ и ОНИ, всегда приводит к конфликту.

— Наш комитет, — продолжает он. — В условиях всеобщей войны стал отодвигаться на второй план. Военное руководство не желало слушать о дипломатии. Им претило вести диалог с противником. Чем яростнее сопротивлялись колонии, тем несговорчивее становились военные. Приходилось договариваться с ними. Выпрашивать и настаивать. Сложная задача — убедить врага сесть за стол переговоров. В двойне сложная, если перед этим ты должен уговорить своё руководство дать на это время и ресурсы.

— Я уверен, вы спасли много жизней.

— Не так много, как хотелось бы... Особенно на Новом Пекине, — вздыхает мистер Джонг. — С началом войны на свет стали вылезать вопиющие эпизоды коррупции и халатности наших чиновников. Государственный аппарат — громоздкий и неповоротливый оставлял большие возможности для разворовывания денег и незаконных махинаций с государственной собственностью. Раздутая армия всевозможных управленцев и руководителей, всех мастей, тратили бюджетные средства, словно они были неисчерпаемы. Кумовство, взятки, лоббирование интересов, фальшивые отчёты о проделанной работе. Всего хватало. В мирное время на это не обращали внимания, а потом ужаснулись масштабам. Но было поздно...

Когда выяснилось, что не задолго до войны мы поставили в одну из колоний элементы лучевого оружия — многие не могли в это поверить. Как такое случилось? Кто виновен? Посыпались вопросы, подкреплённые праведным гневом. Оно лежало в закромах с самого своего создания, никто и никогда не рассчитывал им воспользоваться, даже представить такую возможность было нелепо — слишком большая мощь, избыточная для любого вероятного конфликта. А тут его достали, попросту украли и передали нашим теперешним врагам. Нужна была жертва, виновник, причастные. Одни размахивали верёвкой и мылом в её поиске, другие упорно молчали, осознавая свою вину. Но виноваты были все.

Мой начальник вызвал меня к себе в кабинет. Он только что получил документы, отчёт предварительного расследования о деятельности департамента обеспечения колоний. Я прочёл.

«Что ты на это скажешь?» — спросил он, когда я закончил.

«Мы выпустили джинна из бутылки», — ответил я.

«Да... Бросай все дела, ими займутся другие. Бери столько людей, сколько потребуется. Я даю тебе карт-бланш на любые решения... Только найди это оружие!» — сказал он.

Я собрал команду и начал действовать. Мы получили копии всех документов из архива ДОК, за несколько последних лет и показания арестованных по этому делу людей. Нас не интересовало КТО? — с этим всё уже было ясно, нас интересовало КУДА? В документах указывался Ерон, но колония, первая открыто восставшая против Метрополии, к тому моменту была под нашим контролем. Восстание подавлено, планета оккупирована. Оружия там нет. Любой, кто способен сложить дважды два, придёт к выводу, что оттуда его передали дальше. Иначе оно бы уже всплыло. Тут мы заходили в тупик. На Ероне семь месяцев шли бои, военное положение, разруха, голод, болезни. Гражданское население живёт в карантинных зонах, под надзором оккупационного корпуса. Старое правительство, властная верхушка уничтожена или пропала без вести. Все сдавшиеся руководители уже приговорены и казнены за измену. Чёрная дыра.

Рядом с Ероном стояла фамилия Альери. Чиновник средней руки, с одной стороны, и король теневого рынка оружия, с другой. Пропал перед самой войной. Растворился. Про него мы знали всё. Но понятия не имели, где он находится. Теперь только Альери мог сказать, в чьи руки попал предмет наших поисков. И он был нам нужен.

— Почему это поручили вам, я имею в виду комитету? — спрашиваю я.

— Наверху понимали, что эта задача не для службы внешней разведки — они утратили доверие, проморгав восстание, и не для военного ведомства — они не умеют договариваться с людьми, слишком настырны и прямолинейны. Мы подходили для этого больше остальных. Мы умели разбираться в людях. Не делили их на наших и чужих. А чтобы найти пропавшее оружие, необходимо для начала, разыскать нужных людей.

— За что вам удалось зацепиться?

— Я был уверен, что Маркус Альери покинул Землю. Он, как и все люди подобного сорта, обладал способностью видеть на пару ходов вперёд. И имел несколько запасных вариантов. Наверняка он улетел по поддельному паспорту. Скорее всего, изменил внешность. Мы начали с клиник пластической хирургии. Полиция Земли по нашей просьбе, искала людей, занимающихся незаконным документооборотом. Всё тщетно. Никаких следов, впрочем, не удивительно. Человек столько лет проворачивающий такие махинации не мог допустить ошибку. Иначе он бы не был тем, кем был. Снова тупик... Всё равно что искать иголку в стоге сена, как говорили раньше. Он мог быть где угодно, скрываться под любой фамилией и иметь любую внешность. Никаких зацепок.

Помните изречение древних — маленький камень способен вызвать лавину? Они были правы. Поступок одного человека может повлиять на многих. Сразу или по прошествии времени, но рано или поздно он приведёт к большим последствиям. Или изменениям. Вот и у нас оказался такой «камень».

Среди сотен сотрудников комитета была одна женщина — Лаура Рэнне. Помощник начальника информационного отдела. Молодая, скромная, на хорошем счету. Упорный и усидчивый офисный работник. Она попала в больницу. Двое грабителей, напали на неё, когда она вечером возвращалась домой. Обычная уличная шпана, которым нужны были деньги на наркотики. Она получила удар по голове. Ничего серьёзного, небольшое сотрясение и ссадины. Через пару дней врачи отпустили её домой. Полиция начала

расследование. Нападавших нашли. Но дело не в этом. Согласно нашим внутренним инструкциям, работникам запрещались контакты с посторонними людьми. Круг общения тщательно отслеживался службой безопасности. Письма, звонки, личная жизнь, семьи — всё было под надзором. Сами понимаете почему.

Оказалось, в тот вечер она была не одна, с ней был мужчина. Припадении он получил пулевое ранение, довольно серьёзное. Также попал в больницу... Она получила неприятности и выговор, а мы нашли наш камушек.

Пострадавший мужчина потерял много крови, ему делали переливание. Для этого провели полную биометрию тела. (улыбается). Можно взять чужое имя, изменить внешность, подделать документы, поменять привычки, но индивидуальные особенности организма — скрыть невозможно.

Янис Анил

— Глядя, как в иллюминаторе челнока, уменьшается в размерах моя планета, я чувствовал себя свободным. Прожитые годы казались закономерной прелюдией, к длинному и полному смысла приключению, которое я, будучи старым, назову своей жизнью. Что может быть волнительнее, чем ожидание больших перемен, в коих ты примешь непосредственное участие? Мир перерождался у нас на глазах. Осыпался в труху старый порядок, где несправедливость стала нормой, где угнетение воспринималось как стабильность, а покорность считалась добродетелью. Тот мир должен сгореть в огне сопротивления. Уступить место новому порядку. А несогласные и противящиеся этому — исчезнуть. Миллионы свободных, очнувшихся ото сна, людей вскоре скажут — «хватит», тем, кто поставил себя выше остальных, кто в своей подлости и алчности узаконил новое рабство и возомнил себя центром вселенной.

И я буду одним из них. «Сопротивление», эта организация, выросшая на благодатной почве человеческих страданий и боли, укажет нам дорогу к единству и благополучию. Даст нам всё что нужно. Позаботится и направит накопленную энергию на строительство свободного, счастливого и прогрессивного мира, где не будет места старым устоям. Для общего блага.

Мы направлялись на Кои. С челнока пересели на обычный гражданский лайнер, предоставленный союзными колониями. Нас сопровождали офицеры «Сопротивления». В красивой, новенькой форме. Подтянутые, с гордостью носившие красные береты с изображением орла — символа «Сопротивления». Они хлопали нас по плечам, широко улыбались и поздравляли. Охотно отвечали на наши вопросы и рассказывали о себе. Это было похоже на церемонию вступления в новую семью. Семью, где тебе рады, где помогут и позаботятся, выслушают и дадут совет. Вид этих людей, их энергия и чуткое, добросердечное отношение к нам, вселяло уверенность. Я читал это на лицах, сидящих рядом со мной молодых людей. Моих единомышленников.

Кои встретила нас чёткой, отлаженной деятельностью. Сюда стекались добровольцы со всех колоний. Лайнеры, транспорты и военные корабли сновали на орбите планеты как пчёлы вокруг своего улья. В доках спешно строились и модернизировались крупнотоннажные авианосцы и крейсера, эсминцы и мониторы, переоборудовались гражданские и торговые суда. Бесчисленные челноки стартовали с поверхности планеты и возвращались, умудряясь не сталкиваться между собой, в нескончаемом потоке. Красивое зрелище.

Один из этих челноков доставил нас в учебный лагерь.

— Можете рассказать о тех людях. Какими они были?

— Члены Сопротивления?

— Да.

— В основной своей массе молодёжь. Большинство между двадцатью и тридцатью лет.

Из разных колониальных миров. С разным оттенком кожи и чудными привычками. Бедняки с аграрных планет и отпрыски богатых домов с индустриальных колоний. Жители крупных городов и провинциалы, не привыкшие к такому скопищу людей. Получившие высшее образование и едва окончившие школу. Студенты, работяги и изгои. Разные.

Кто-то, как я, начинал с листовок и тайных встреч. Кто-то совсем недавно загорелся идеями «сопротивления» и только вступил на этот путь. Некоторые прошли школу вооружённой борьбы и знали, что такое противодействие властям. Опыт, если его так можно назвать, зависел от планеты и отношения на ней, к идеалам «Сопротивления».

Руководство, инструкторы и командиры получили свои посты благодаря личным качествам, мотивации и заслугам. Большинство из них в течение нескольких лет участвовали в антиправительственных операциях. Мы смотрели на них как на героев.

Здесь можно было проявить свои лучшие качества и внести вклад в общее дело. Всем могли найти место и занятие. Хорошо стреляешь — возьмут в ударную группу. Умеешь работать с аппаратурой и техникой — инженерный батальон. Логистика, связь, обработка информации — дело найдётся. Всех остальных готовили в общевойсковые бригады и вспомогательные части. Главное, что нас объединяло — вера в нашу правоту и желание поскорее показать себя в деле. Мы были готовы на всё. Кажется, это называется психология «толпы»... Когда ты один, в голове есть место страхам и сомнениям, есть возможность задать себе вопросы и трезво на них ответить, но оказавшись среди множества, человек поневоле впитывает общую атмосферу, не замечает причинно-следственные связи. Меньше думает и забывает страх. Он становится частью, винтиком в системе, порождённой его же желанием быть в этой толпе. Если большинство верит — и я должен верить. Если они правы, то и я прав.

— Неужели людей так легко обмануть? — удивляюсь я.

— Хм... нас не обманывали. Нам дали то, чего мы хотели. Поразмыслите... был ли кто-то обманут на той войне? Может, мы все этого хотели?

Янис угрюмо смотрит в пол:

— Обман и ложь отвратительны по своему содержанию, но...знаете... я ведь изучал древнюю литературу в университете, был такой поэт — Данте. В своём произведении он описал, как грешники после смерти попадают в один из девяти кругов ада и несут там вечное наказание за свои грехи... Девять грехов — девять кругов, но я бы добавил к ним десятый — глупость! Там для нас самое место.

Сид Майер

— Когда у нас закончился бензин, мы пошли. Заправки, встречающиеся на нашем пути, осаждались сотнями желающих заправиться, но большинство из них уже опустели. Запасы топлива на них закончились быстро. На шоссе и его обочине стояли десятки брошенных машин. Возле них кучами мусора валялось барахло, оставленное хозяевами. Одежда и техника, сумки, чемоданы, рюкзаки, личные вещи. Всё, что люди не смогли взвалить на свои плечи или утащить в руках. У нас было два больших рюкзака и пакет с продуктами. Сара несла маленькую сумку со своими игрушками. В том же направлении, что и мы двигался поток людей, группами или по одному, многие с детьми. Я видел несколько больших семей.

Более старшие дети помогали взрослым. Несли на руках своих маленьких сестёр и братьев. Я до сих пор не знал, куда мы все идём. Просто шёл. Как и большинство, я думаю. У нас за спиной была пугающая неизвестность и встрече с ней мы предпочли движение вперёд. Организовал ли кто-то это бегство или мы приняли в нём участие, глядя друг на друга? А что там впереди? Вдруг убегая от одной беды, мы прямиком попадём в другую? Да и в чём заключается беда? Вопросы без ответа. Метрополия высадила войска. Это всё, что мы знали. У меня в голове крутились слова, сказанные той девушкой — «Они стреляют во всех». Может быть, она ошиблась? Видела ли она сама, как солдаты Метрополии стреляют в людей? Или лишь повторяла слова, услышанные от кого-то? А если они действительно стреляют? Мы же остались лояльны центру. Мы не приняли участия в войне колоний против Метрополии. Или нам так казалось? Правительство, не сообщив своим гражданам, поддержало восстание, присоединилось к сепаратистам, и Метрополия решила наказать нас за это? Слишком много вопросов.

Сара, на удивление стойко переносила наш поход. Конечно, она была напугана, я видел это. Но держалась хорошо. Прижимая к груди свои вещи, она шла впереди, иногда оглядываясь и дожидаясь, если я медлил. Лямки рюкзака тёрли мне плечи, я часто останавливался, поудобнее перехватывая сумки и пытался не отставать.

Уже начинало смеркаться. Мы оставили машину утром и шли с передышками весь день. Сара очень устала, всё медленнее переставляла ноги, спотыкалась. Мы делали остановки всё чаще. Я бросал вещи на землю, усаживался на них, а она устраивалась у меня на коленках, прижимаясь всем телом. И устало молчала. Хорошо ещё что была весна. Относительно тепло. Зимой бы нам было совсем тяжело.

Автострада делала крутой поворот, обегая невысокие холмы и в сгущающейся темноте, мы с радостью увидели огни. Типичная для Нового Пекина деревня. До неё оставалась миля с небольшим. Люди, рядом с нами прибавляли шаг. Послышались возгласы облегчения. Устали все. Всем хотелось отдыха и новостей.

Остановившись у крайнего дома, я сбросил вещи на землю и огляделся. Всюду стояли автомобили, сбившись в кучки и негромко переговариваясь, люди жгли костры и разогревали на них еду. Во всех домах горел свет. Двери то и дело открывались, впуская и выпуская людей. Женщины нянчились с детьми. Несколько мужчин, устанавливали большие туристические палатки, рядом с составленными полукругом машинами. Мимо нас пробежал мальчишка с канистрами, в которых плескалась вода. Я окликнул его и спросил, где мне найти старшего, он задержался на секунду и неопределённо мотнул головой в сторону большого двухэтажного дома, отделанного деревом. Взяв вещи, мы направились к нему.

У входа две женщины усаживали кучку детишек, на расстеленные одеяла и разносили им тарелки с едой. Одна из них, увидев нас Сарой предложила горячий суп и чай. Я поблагодарил её, усадил дочь рядом с детьми и вошёл в дом.

В ярко освещённой комнате находилось с десятков человек. Из них двое полицейских. Они о чём-то спорили с пожилым, крепким мужчиной, у разложенной на столе карты, затем сложили её и поспешили к выходу. Он был главой поселения. Его звали Пэн Вэйдун.

— Я видел его фотографии, — киваю я. — И читал о нём. Интересный человек.

— Лучший из тех, кого я встречал.

— Его сын...

— Двое, — перебивает меня Сид. — У него было два сына.

— Я не знал, — говорю я.

— Об этом мало кто знал. К началу войны его старшему сыну было сорок пять лет, он работал в министерстве финансов. На серьёзной должности. В столице. Невероятный успех если твой отец — деревенский староста на Новом Пекине.

— А младший?

— Жена мистера Пэна умерла вскоре после родов. Официально он не женился повторно. Но позже у него появился ребёнок — мальчик, от малоизвестной женщины. Он жил в Метрополии, кажется, на Земле.

Наша история в этом конфликте, я имею в виду население Нового Пекина, основана на нашем же образе жизни. Как выразился один мой знакомый однажды — «Пекин — это смесь ультрасовременного и допотопного». Во многом он был прав. Наше общество можно было условно разделить на две категории. Городские жители и жители глубинки, деревень и посёлков, за чертой крупных агломераций. В крупных городах прогресс, экономика, связи с другими мирами. Обмен культурой и новыми идеями. Открытость. Возможности. Образование. Рабочие места и карьера. Много переселенцев с других миров.

А сельское население, белее многочисленное, жило традициями предков. Отстранённо, тихо и скромно. Поколение за поколением, с тех самых пор, как представители древней страны с нашей прародины, впервые установили тут свой красный флаг и объявили её частью Поднебесной. Уже сменилось много поколений, но народ чтит и помнит своё прошлое. И следовал традициям. Вот такой была наша колония. Неофициальное и упорное противостояние нового и старого образа жизни. И люди вели себя впоследствии так, как им было привычно.

Мы с Сарой прожили на Новом Пекине восемь лет. И редко выбирались из города. Общались в основном с такими же, как мы — «иностранцами». Люди, живущие в глубинке, были для нас загадкой.

Вот и сыновья мистера Пэна... были из разных миров.

Это повлияло на него, а через него на всех нас, решивших последовать за ним.

— Почему Вы пошли с ним?

— Я не могу вам объяснить почему. С первых же минут знакомства что-то притягивало меня к нему. В суете нашего бегства, в криках и растерянности, в сомнениях и страхе за жизнь, я будто увидел перед собой островок спокойствия и надёжности. Как-то сразу поверил ему... Сильная личность. Знающая, что нужно делать. Вот каким он показался мне.

В ту ночь, когда переполненная беженцами деревня, погрузилась в сон, когда Сара уснула вместе с другими детьми, в отведённой для них палатке, я долго сидел на крыльце дома мистера Пэна и разговаривал с ним. Тогда он рассказал мне о своей жизни, о своих сыновьях и о плане, который он задумал.

— Юнхэгун?

— Да. Монастырь Юнхэгун. Наш будущий дом. Место, где милосердие встретилось с жестокостью.

Александр Борроу

— Годы, проведённые на высоких правительственных постах, научили меня хорошо разбираться в людях. Видеть их сильные и слабые стороны. Предугадывать их поступки и объяснять их мотивы. Доверять, опираясь на личный опыт, или относиться с осторожностью. Замечать скрытые таланты и пагубные пристрастия. Самуэль Ронгази, также и даже лучше чувствовал людские сердца и их тайные желания. Играл на них. И постоянно выигрывал...

Это было за три года до начала войны. В загородном доме, у озера. Куда, иногда позволял себе уединяться Самуэль. В тот раз он пригласил меня. Одного. Мы сидели на плавушем пирсе, наблюдая, как заходит солнце. И молчали.

«Помнишь такие же закаты на Земле, во время нашей учёбы, — спросил он.

«Конечно, как такое забыть, они были восхитительны, — ответил я с улыбкой, предаваясь воспоминаниям.

«И я помню, — протянул он»

«Что тебя тревожит?»

«Сейчас меня тревожит закат этого мира»

Я тихо рассмеялся. Сам не понимая почему. Просто чтобы хоть как-то отреагировать на его слова.

«Будет ещё много закатов, каждый из них ты будешь тревожиться? — попытался пошутить я.

«Ты не понимаешь... Время пришло. Я знаю это... Пора».

Он встал и ушёл в дом, не сказав больше ни слова.

«Пора» — сказал он. А я не разобрался. Наверное, впервые в жизни.

По договору с Землёй, нам разрешалось иметь собственные силы самообороны, их было около ста тысяч. На службу брали по контракту, на пять лет. Спокойная, хорошо оплачиваемая работа. Служили и женщины, и мужчины. Престижной она не считалась, но давала возможность заработать неплохие деньги. В основном туда шла молодёжь. За годы службы у них было время решить, чем они хотят заниматься в жизни.

Метрополия держала у нас несколько крупных военных баз и орбитальную станцию слежения за космическим пространством. Всего двадцать тысяч солдат. Плюс несколько тысяч гражданских, занятых на вспомогательных работах. В наши дела они не лезли. Никаких неудобств или проблем они не доставляли. Отбывали свой срок службы и улетали, им на смену прибывали новые.

На очередном заседании парламента Самуэль выступил с предложением организовать партийное молодёжное движение. Руководимое членами партии. Эдакую школу резерва кадров. Но с патриотическим уклоном и военным воспитанием, основанным на дисциплине и самоотдаче. Предложение было принято единогласным «за».

Общество встретило эту идею с восторгом. Государственные и частные школы, профессиональные училища и университеты, получили средства из бюджета, на организацию и содержание первичных ячеек нового движения. В них набирали по возрастным группам. Младшим было не менее шести лет, а старшим не более двадцати. Родители с радостью записывали своих чад в эту организацию, подталкиваемые чувством патриотизма и солидарности. А дети и подростки с гордостью носили на своей одежде символ их организации — значок с орлом.

— Партия имела большой вес в обществе? — спрашиваю я.

— Огромный, к тому времени. Личное детище Самуэля, построенная им, им же и управляемая. Она заменила ему семью. Партийная верхушка, к которой принадлежал и я, заменила ему друзей и близких. Самые преданные и самые доверенные люди нашего государства, обладавшие невиданной властью и амбициями. Подавляющее большинство граждан были членами партии. От министра до школьного учителя — все имели партийный билет. Это стало нормой. Это считалось проявлением патриотизма. Это нас объединяло и сплачивало. Партийная символика была везде. На фасадах домов и государственных

учреждениях висели флаги и полотна с изображением орла. Люди цепляли на одежду значки и нашивки, подтверждающие их приверженность партии. И всюду можно было встретить изображения Самуэля Ронгази и цитаты из его выступлений, подхваченные прессой и обывателями. Нация с гордостью создала себе кумира и ждала от него новых свершений.

Вы спросите «на что это было похоже?». Мне сложно ответить. Массовый психоз, в хорошем смысле этого слова. Патриотический подъём. Единство... Я бы провёл аналогию с религией. Да! С религиозным рвением, поклонением и ожиданием чуда. С непреклонной уверенностью в завтрашнем дне и культом одной личности, стоящей выше остальных.

— А недовольные?

— Их не было.

— Совсем?

— Ну... были те, кто молчал...

Делает паузу. Смотрит в пустоту.

— Самуэль становился всё более жёстким и несговорчивым. Он всё реже советовался со мной. Чаще принимал решения сам. Стал раздражительным и нервным. Я уверял себя, что от усталости, от напряжения и отсутствия отдыха. На попытки поговорить об этом, он упрямо молчал и не слушал меня. На заседаниях совета партии всё реже и реже давал другим возможность высказаться. Порой вёл себя агрессивно. Прилюдно мог накричать на кого-нибудь, что за ним раньше никогда не замечали. Отметал все попытки найти компромисс, не слушал чужое мнение...

Совет Министров, партийная верхушка — вторили ему. Атмосфера стала меняться. Работать становилось всё тяжелее. Люди — упрямее и злее. словно мы перешагнули невидимый барьер. Что-то в обществе изменилось. Изменилось в политике. Да во всех сферах. Я видел, как гаснут улыбки. На их место приходят суровые и озабоченные лица. Замечал, как открытые и жизнерадостные люди становятся подозрительными, угрюмыми и резкими. Напряжёнными. Злыми.

Сейчас я описываю это в двух словах. Но на эти изменения ушли годы. Медленно, но неотвратимо мы приближались к точке невозврата...

— Что стало для вас этой точкой? — перебиваю я.

Мистер Борроу молчит. Шумно выдыхает.

— Он пригласил меня в кабинет и дал личное поручение. Без свидетелей. Попросил присесть и предложил выпить. Я сильно удивился. Он никогда не употреблял спиртного. Я и не думал, что в его кабинете найдётся что-то подобное. Мы выпили. Самуэль объяснил мне, мою задачу.

«Я могу доверить это только тебе», — закончил он. — «Ни о чём не спрашивай, просто сделай как я говорю».

Через две недели, на спутнике Кеплера — Цироне, я встретился с одним человеком. С Земли. Он ждал меня на старом, заброшенном горном комбинате. С вооружённой охраной. Я был один. Это было его условие. Шаттл высадил меня и поднялся обратно на орбиту, ждать моего сигнала.

Я сделал всё, как мне было велено. Побеседовал с этим немногословным человеком. Передал ему документы, которые мне вручил Самуэль. И улетел. Получив от того джентльмена маленький запечатанный конверт. По возвращении домой я передал его лично Самуэлю. В присутствии меня одного, с плохо скрываемым нетерпением, он вскрыл его. Изучил содержимое и спросил:

— Ты выполнил мою просьбу?

— Я думаю, этому человеку можно верить. В его глазах лишь алчность. Он выполнит обещанное.

Мария Сиваль

— Если говорить честно, я плохо помню те дни. Нескончаемая вереница допросов, угроз и тёмных ночей, которые я проводила в подвале полицейского участка, постоянно плача. Я была напугана. Проклинала себя, что не покинула планету, пока была возможность. Боялась завтрашнего дня и того, что со мной могут сделать эти люди. Я осталась одна. Помочь мне было некому. Моё происхождение стало моей единственной виной. И проклятьем.

Камера — маленькая клетка два на два метра с крошечным окошком у потолка, да жёсткая скамья у стены. Вот и вся обстановка, даже негде справить потребности. Мне приходилось кричать охраннику, унижаться, прося его разрешения пройти в уборную. Видели бы Вы, его лицо, когда это случалось. Кормили скудно, пару раз в день мне приносили воды и немного еды, не всегда свежей. Но я быстро привыкла. Голодный человек становится менее разборчивым и менее брезгливым...

Наверное, они думали, что я шпион. (улыбается). Конечно, документы и личное дело с работы, да допросы моих коллег, не подтверждали это. В этом плане от меня взять было нечего. От меня отстали. Ограничившись содержанием под стражей. Я и этому была рада. Страшно сидеть на стуле в присутствии людей, которые ненавидят тебя, требуют отвечать на вопросы, кричат и угрожают, а тебе и сказать то нечего, только раз за разом повторять то, что уже говорила.

Вздыхает.

Хоть это закончилось... Так, я прожила в камере около трёх месяцев. Пленником. В том месте, которое уже считала своим домом. Однажды меня вытолкали из камеры и вывели на улицу. Впервые за три месяца. Я успела отвыкнуть от открытого пространства и яркого солнца, мне было неуютно. Запахи, шум, снующие люди. Зелень деревьев. Всё это было из другой жизни. Стёртой одиночеством, страхом, да серыми стенами моей клетки. Мне почему-то захотелось обратно... Осыпая оскорблениями, меня усадили на заднее сидение гражданского автомобиля и приказали ждать. Солдаты захлопнули дверь и закурили. Через несколько минут к машине подошёл какой-то мужчина, в офицерской форме. Сел за руль, мельком взглянул на меня и молча повёл машину.

Мы подъехали к большому дому. В центре города. Особняк с белыми колоннами и балконами, обвитыми диким виноградом. Красивый. Как и его хозяйка, встретившая нас у дверей. Высокая, худая, с надменным аристократическим лицом. Она презрительно меня оглядела, перекинулась парой фраз с сопровождающим меня мужчиной и велела идти в гостиную. Я подчинилась. Гадая, что меня здесь ждёт.

«В этом доме живёт генерал Макрид, он мой гость. А ты ... будешь помогать мне по хозяйству» — сообщила она, когда мы остались одни. «Ко мне обращайся миссис Каниган».

Я кивнула.

«Если будешь пайнкой, у нас не будет хлопот с тобой, а нет... Отправишься в ту дыру, где тебе самое место. Поняла?»

Я снова кивнула. Что мне оставалось?

«А теперь иди вымойся. От тебя воняет» — закончила она. «По коридору прямо, вторая дверь».

Так, я сменила тюремные стены, на жизнь прислуги. Унизительно и дико. Мне выдали скромную, но чистую одежду. Моя за три месяца пришла в негодность. Стирала я её тогда в раковине уборной и тут же одевала на себя. Сменной у меня не было. Выбросила, нормально помылась. Расчесалась. Посмотрела в зеркало. Удивительно как за такое время человек привыкает к обстановке. Работа в школе казалась чем-то далёким и не настоящим. Мои знакомые, маленькая квартирка, прогулки по выходным. Всё. Всем чем я жила. Как я жила. Будто было сном. Три месяца... а ты уже другой. Без общения привыкаешь к одиночеству. Без нормальной, привычной пищи с лёгкостью и удовольствием ешь то, от чего тебя стошнило бы раньше. Справляешь нужду чуть ли не на глазах посторонних людей и не испытываешь при этом смущения. Ко всему привыкаешь. За стенами полицейского участка был тот же тропический рай, жили люди, морские отливы, как и прежде, оголяли чудесные коралловые рифы, у которых я так любила нырять. Дети, наверное, ещё посещали школу. Взрослые ходили на работу. Конечно, жизнь Самуи изменилась, но все изменения были не такими уж и страшными. А вот моё существование в бетонном квадрате камеры было страшным. Но только для меня. Для меня одной. В зеркало на меня глядела знакомая, но исхудавшая, бледная, напуганная девушка, так непохожая на ту, что сошла с трапа челнока, тогда пять лет назад.

— Если вам неприятно... — начинаю я.

— Нет. Всё в порядке, — перебивает меня Мария. — Вы же писатель. А писатель должен понимать героев своей книги. Я ведь герой?

Улыбается. Широко. Искренне.

— Да. Вы героиня.

Мне неловко.

— Вот и здорово, — беззаботно машет рукой. — Не нужно бояться прошлого. Я справилась с воспоминаниями. Многие из нас нет. И многие не справятся никогда. А это намного страшнее...

Попав в дом миссис Каниган, я начала новый этап своей жизни. В мои обязанности входила готовка, уборка дома, выполнение мелких повседневных задач. У меня была своя комната. Чистая кровать. Небольшой гардероб. Хозяйка всегда требовала, чтобы я выглядела опрятно. Хорошая еда. Даже немного личного времени, которое я проводила за чтением книг из хозяйской библиотеки. Позднее мне разрешали ездить в магазин за продуктами, в сопровождении адъютанта генерала. Того самого, который привёз меня в первый день. Это было похоже на некоторую свободу. Я безропотно выполняла все поручения и делала всю, возложенную на меня работу. Страх за свою жизнь и волнения о завтрашнем дне уступили место спокойной и тихой рутине, работе, в которой я отвлекалась от дурных, тяжёлых мыслей. Хозяйка общалась со мной холодно, но спокойно. Эта строгая, чопорная женщина презирала меня, но не оскорбляла. Скорее терпела как неприятную, но функциональную и полезную вещь. Молчаливое сосуществование.

Генерала Макрида я видела нечасто. Мне не позволялось заходить в ту часть дома, где был его кабинет и спальня. Если ему что-то требовалось, когда он находился в доме, хозяйка делала это сама. На меня он вообще не обращал внимания. Миссис Каниган была его любовницей и порхала вокруг него как бабочка.

Однажды хозяйка объявила, что вечером в доме будет ужин, на который придут много людей. Хотела, чтобы всё было пышно. Мы украсили цветами большую гостиную на первом этаже дома, я несколько раз ездила в магазин за покупками, потом мы готовили ужин,

сервировали стол, в общем, ожидали гостей. Миссис Каниган желала удивить и угодить им. Торопилась, нервничала. Много хлопот. К вечеру я так устала, что она даже махнула рукой и отпустила меня в свою комнату, лишь бы я не мозолила глаза. Сказала, что с остальным справится сама. И наказала не покидать свою комнату. Я с облегчением ушла. Взяла книгу и читала весь вечер. Далеко за полночь гости разошлись. Ещё некоторое время я слышала шаги и голоса. Потом дом затих.

Дверь в мою комнату не имела замка. Только я выключила свет и прикрыла глаза, как почувствовала, что она открывается. На пороге стоял генерал Макрид. Я так опешила, что только молча смотрела, как он захлопывает за собой дверь и приближается к моей кровати. Он был в стельку пьян. Страх сдавил горло. Тело онемело. Я не издала ни звука... Слёзы катились из остекленевших глаз во время и после того, как он, сделав ЭТО, ушёл...

Мария прерывается. Поправляет волосы.

— Не помню, как началось утро. Не знаю, как об этом стало известно миссис Каниган, возможно что-то слышала или заметила, может генерал сам ей сказал, но не успела я встать с кровати, как она набросилась на меня и стала избивать, осыпая проклятьями. Я пыталась защищаться, но она была сильнее меня, к тому же ярость придавала ей сил, а я после произошедшего ночью, была как в бреду. Она сильно меня побила. До потери сознания. Чудом не покалечила. Я очнулась на полу, вся в крови. Еле нашла в себе силы одеться. Не знала, что делать. Сидела на кровати и плакала. До самого вечера. Потом пришла хозяйка дома.

«Будешь солдатской подстилкой, дрянь» — прошипела она с ненавистью и вытолкала меня в коридор. Там меня ждал какой-то мужчина. Среднего роста, тучный, с крысиным лицом и маленькими хитрыми глазами. Меня вытолкали на улицу и усадили в автомобиль, он сел рядом. Закурил и выпустил мне в лицо облако дыма.

«Ну что красотка... Тебе понравится у нас» — ехидно сказал он.

Снова меня везли в неизвестность. Снова я испытывала страх. Только теперь надежда во мне умерла. Я сломалась. Покорилась судьбе. Исчезла. Осталось лишь тело.

Видя, как я неловко молчу и отвожу взгляд, она продолжает:

— Писатели сочиняют не только сказки, мистер Фишер. Вы должны это знать. Но каждый ужас обязан закончиться сказочно.

— Как закончился ваш?

— Благодаря моему мужу, — кивает она. — С его появлением.

Я перевожу взгляд на фотографию в рамке, стоящую на столе. На белом песке у воды сидят три человека — Мария, её маленькая дочь на цветастом покрывале и молодой мужчина, в инвалидном кресле.

Глава 2

Маркус Альери

Меня выписали из больницы через неделю. Всё это время у дверей палаты круглосуточно дежурили полицейские. Будто в моём состоянии я был способен на побег. Хороший беглец — без штанов, обмотанный больничным одеялом. Ну да понять их можно. До сих пор удивляюсь их везению. Из десятков планет, из миллиардов и миллиардов их обитателей, им нужен был один. И нашли они его у собственного крыльца. Беззащитным и слабым. Да... Чёртов случай.

Меня отвезли в гостиницу «Самаритен». В штаб «Комитета». В большом кабинете, для совещаний, на двенадцатом этаже меня ждали. Ждали с нетерпением. Когда я вошёл, шесть

пар глаз пристально впились в мою персону и, казалось, не мигая смотрели как я неуклюже бреду к свободному стулу и усаживаюсь на него. После ранения мне было тяжело передвигаться. Врачи предложили трость, но я отказался. Уж лучше так. Самостоятельно.

Я сел. Перед каждым из присутствующих лежала толстая папка сшитых бумаг. Наверное, полный перечень моих прегрешений — усмехнулся я. Или подробное описание всех способов моей возможной казни. Ну да ладно. Выход есть всегда. Я ещё поторгуюсь.

Из присутствующих я знал только Ли Во Джонга. Остальные мне были не знакомы. Он крутил в руке карандаш и созерцал картину на противоположной от него стене. Репродукцию работы какого-то великого, дохлого художника, двадцатого века. Не помню его имени. На полотне был изображён чёрный квадрат в белом поле. Будто чёрная дыра в их усилиях остановить войну. Засасывающая в себя все их старания и силы.

«Мистер Альери, как ваше здоровье?» — спросил человек, сидящий рядом с Вонгом.

«Ваши молитвами... неплохо, жить буду.» — ответил я.

«Хорошо. Надеюсь, вы за прошедшие семь дней не изменили своё решение?»

«Это зависит от нескольких факторов.»

«Каких?»

«В первую очередь от того, какие гарантии вы можете мне дать. От ваших возможностей и...»

«Гарантий чего?» — перебил меня он.

«Моей свободы. На меньшее я не согласен.»

Сидящая напротив меня молодая женщина фыркнула и выругалась. Остальные промолчали.

«Понимаю. Моя фамилия Дрейк, я глава комитета. Я могу дать вам такие гарантии. Это в моих силах.»

«И защита от преследования. Гарантии моей будущей свободы.»

«Хорошо.»

«Уж слишком просто», — сказал я. — «Как вы это провернёте? Я должен знать.»

Вместо Дрейка голос подал Джонг, всё ещё играя карандашом он сказал:

— «Ваша подлинная личность известна только служащим комитета и то, не многим. Настоящего вас знают два врача из больницы, где вы проходили лечение, наша служба безопасности и присутствующие в этом кабинете. Ни полиция, ни местные власти не знают о вас. Врачи будут молчать. Даю вам слово. А остальные, — он обвёл взглядом присутствующих. — В случае вашего согласия и искреннего желания помочь, станут вашими коллегами.»

Ли Во Джонг уставился на меня. Бросил возню с карандашом и, встав со стула, подошёл ко мне.

«Видите, мы играем в открытую. И от вас ждём того же.»

«Ладно», — протянул я. — «Чего конкретно вы от меня хотите? Вдруг это не в моих силах?»

Джонг медленно обошёл большой стол, за которым мы сидели. Встал у окна, спиной ко мне и не оборачиваясь произнёс:

— «Мы хотим найти Лучевое оружие. И предотвратить его использование.»

Я задумался. Лучевое оружие. Общее название лазерного вооружения, созданного более ста лет назад лучшими учёными Метрополии. Невиданная мощь, сосредоточенная в компактной установке, с лёгкостью уничтожающая Миры. Устанавливается на больших

военных кораблях, способных обеспечить его необходимой энергией. В теории. На практике ничего подобного никто не делал. Испытания в поясе астероидов, проведённые больше века назад продемонстрировали его силу. А компьютерные модели дали представление о том, что такое оружие может сделать с планетой и её населением, если его применить. Атомный заряд — игрушка по сравнению с этим.

«Достойная цена», — заметил я. — «Более чем.»

«Кому вы его продали?» — спросил Дрейк.

Я на секунду задумался. Выбора у меня, по сути, не было. Если не соглашусь, меня ждёт тюрьма или казнь. А если соглашусь и помогу, меня всё равно могут с чистой совестью передать в руки властей. Придётся довериться этим людям. Или сделать вид, что я доверился. План нужен всегда.

«Посредником настоящего покупателя выступал Александр Борроу.»

На этот раз никто не смог сдержать эмоции. Послышались ругательства, обращения к Всевышнему и просто стоны.

«Ронгази», — глядя на своего шефа, сказал Джонг и замолчал.

Я кивнул:

«Да. Он самый.»

«Вы контактировали только с Борроу?»

«Да лично с ним. Я осторожен и никому не доверяю. Тем более, в таких делах. Хотя мне они доверяли ещё меньше.»

«Нужно найти всё, что у нас есть на этого Борроу», — сказал Дрейк, обращаясь ко всем сразу. — «За работу. Мистер Альери, вы с нами?»

«Да. Как это ни удивительно, с вами», — ответил я.

Мне отвели отдельные апартаменты. Правда, у двери постоянно дежурил человек из службы безопасности. Он же сопровождал меня повсюду, куда бы я ни пошёл, в пределах отеля. Выходить за территорию мне запрещалось.

Вечером, когда уже смеркалось, я сидел на балконе бара, занимающего весь пятнадцатый этаж «Самаритен» и пил. Несмотря на запрет докторов и их предупреждения, повременить с употреблением спиртного. Развалившись в удобном, мягком кресле я любовался опускающейся на город ночью. На время отбросив свои размышления и переживания. Просто хотел напиться. Бар уже закрылся. Я остался один.

Позади меня послышались шаги. Ли Во Джонг с пустым бокалом прошёл мимо и облокотился на перила. Поглядел вниз. На пустеющую улицу. Молча подошёл, налил себе виски из моей бутылки и устало опустился в кресло рядом со мной. Какое-то время мы молчали. Слышен был лишь стук льда о стенки наших стаканов.

«Вы когда-нибудь о чём-то сожалели, мистер Альери?» — спросил он.

«Сожаление не входит в число моих привычек», — ответил я.

«Нельзя прожить жизнь ни о чём не сожалеея.»

«Можно, если не ждать от неё слишком много.»

Он задумчиво кивнул.

«Цинизм.»

«Реальность. Её нужно принять. И тогда станет проще.»

«По-вашему, мы живём в нереальном мире?»

«По-моему, вы идеализируете людей.»

«Возможно... А вы?»

«Я по роду деятельности сталкивался со многими людьми. Да они не были святошами. Мой деловой круг общения, так сказать, за гранью закона. Но у них были семьи, дети, матери и отцы, друзья. Думаете, их родные не знали, чем их близкие зарабатывают на хлеб? Прекрасно знали! Думаете, они пытались уговорить их бросить это занятие и найти другой источник дохода? Конечно нет! Их всё устраивало! Поверьте, для них это была обычная работа, ничуть не хуже любой другой. Как и для меня, кстати. Они дружили с соседями, выбирались с детьми на прогулки, путешествовали, обедали в ресторанах, стояли в пробках и посещали театры. Жили как все. Просто работа».

Я налил себе ещё порцию.

«Вы действительно считаете, что близкие тех уродов, что стреляли в меня, сейчас в недоумении? Думаете, они шокированы произошедшим? И льют горькие слёзы по несчастной судьбе своих мужей или братьев или кто там у них есть? Нет! Если они и сожалеют, то исключительно о том, что у них не появились деньги. Что эти неудачники не смогли всё сделать гладко и попались полиции. Вот правда».

«А остальные люди, добропорядочные граждане?»

«Вы имеете в виду тех, кто сейчас на полях сражений рвёт друг другу глотки? Тех, кто отдаёт приказы, и тех кто их безропотно выполняет? Или ту толпу, которая требует крови, потрясая кулаками? Нет... Они... Мы все одинаковые. Других я не видел. Вы всех хотите спасти? Валяйте! Но не ждите от них благодарности. А те немногие, в которых вы так свято верите... рано или поздно разочаруются и расплатятся за свою наивность».

«Звучит невесело».

«Уж как есть».

Мы замолчали, погружённые в собственные мысли.

«Завтра мы должны начать действовать. У вас есть идеи, как нам выйти на Борроу?» — спросил Джонг.

«Почему именно он?» — устало спросил я. — «Борроу один из самых доверенных людей Ронгази. Его правая рука. Преданный на все сто процентов. Надеетесь на его благоразумие?»

«Я надеюсь, он способен сожалеть».

«Ну-ну...»

«Так что насчёт действий?»

«Нам нужен человек, который знает, как туда добраться. А главное может это сделать.»

Зак Черезку

— Мы искали пропавший конвой. Они не дошли до передовой базы. Исчезли. Будто растворились. Никаких сигналов или сообщений. Гористая местность, леса, в которых заблудиться — раз плюнуть. Попробуй найди. Конечно, они не заблудились. Со всеми то современными системами навигации. Мы понимали, что дело в партизанах. Пробрались к нам в тыл, используя горные тропы, под прикрытием непроходимых джунглей и напали. Как обычно. Когда никто не ожидал. Проводники — местные, хорошо знали каждый куст и тропинку. Они были дома. Используя их, заручившись их поддержкой, сепаратисты могли неожиданно появиться где угодно. А потом также быстро раствориться. Переждать. И напасть снова. Простая, но эффективная тактика. Придуманная тысячи лет назад.

Это раздражало. Люди быстро устают. Опасаться каждого куста и камня — напрягает и выматывает. Злит. Конечно, на войне нет правил, и для победы все средства хороши, но... Не для меня такое... Уж лучше лицом к лицу.

В общем, конвой мы нашли. То, что от него осталось. Понятное дело, шансов у них было мало. Горная речушка, дорога шла вдоль неё. Со всех сторон отвесные скалы и множество пещер, созданных природой, будто для того, чтобы укрывать нападавших. Но другой дороги не было. Поэтому наши шли там. Их ждали.

Искорёженные броневики и транспорты остались стоять там, где их подбили. Выгорели и превратились в груды железа. Повсюду тела. Нападавшие забрали всё, что смогли. Амуницию, припасы, оружие. Всё, что могло им пригодиться. Остальное бросили. Вполне возможно эти ребята, лежащие на той горной дороге, ни разу и врага-то ещё не встречали, а уже своё отвоевали. Мне даже их было жаль.

В нашем отряде был один парень — следопыт, до войны он занимался проводником и следопытом к богатым любителям поохотиться на экзотических животных. За хорошие деньги устраивал для них туры, в разных мирах, и помогал обзавестись новым трофеем. Он умел выслеживать жертву и в джунглях, и в пустыне. Везде. Опытный человек. Немного помешанный на холодном оружии. Сукин сын любил орудовать ножом. И оставлял себе на память сувениры... Меня от этого воротило, но у каждого, свои причуды.

В общем, с его помощью мы пошли по следу партизан. Путь вёл к одному из перевалов. Где-то за ним у них наверняка был лагерь. Нужно было его найти.

Ночью мы остановились и разбили лагерь. Топать среди деревьев в темноте, проваливаясь по пояс в ямы с вонючей, застойной водой и карабкаться по крутым откосам, поросшим, цепляющимся за одежду кустарником, было непросто. Люди устали. Мы разбили лагерь. Сжевали холодные пайки и улеглись спать, выставив часовых. Это не помогло...

Проснувшись от беспорядочной пальбы, среди ночи, я схватил оружие, лежавшее рядом со мной, и не успел даже понять, что происходит, как получил прикладом в лицо и потерял сознание.

— Они знали, что вы идёте за ними? — спрашиваю я.

— Да. Знали. А мы то думали, что мы охотники. Но нет. Эти умники следили за нами с самого начала. И как только люди уснули, напали на лагерь. Часовые их заметили. Но было поздно.

Очнулся я на рассвете. Нос сломан. Голова гудела. Руки связаны. Вокруг эти молодчики. Из наших в живых остались двое. Как и я, они лежали на земле, рядом со мной, связанные. Помню, я увидел нашего любителя охоты, его тело свисало с дерева, на верёвке, головой вниз, а из груди торчал его собственный нож. В этот раз дичь оказалась умнее тебя, парень — подумал я тогда.

Нас связали общей верёвкой и повели по лесу. Кто спотыкался или тормозил, тут же получал прикладом или сапогом. Они спешили. Но нас тащили с собой. Целый день мы пробирались по лесной чаще, делая редкие остановки, а к вечеру вышли к маленькой деревушке. Ничего толком не рассмотрев я очутился в яме, вырытой в земле, сверху её закрывала деревянная решётка. Меня и ещё двоих счастливчиков бросили туда, не развязав руки. Конвоиры ушли. Швырнув нам вниз, напоследок, бутылку с водой.

— Что это были за люди? — спрашиваю я.

— Скопище голодранцев! — ухмыляется Зак. — Что вы имеете в виду?

— Я пытаюсь понять, что двигало теми людьми. Почему они оказались там, какими были.

— Аааа... Думаете о морали? Ищете её на войне?

Я пожимаю плечами.

— Сейчас я расскажу вам о тех людях. Выводы делайте сами... Мы просидели в яме пару дней. Воду и еду нам давали. Немного. Не из гуманности, уж поверьте. Мы им были нужны. А точнее информация. О наших подразделениях, планах и возможностях. Одного из ребят вытащили из ямы и увели на допрос. Его крики в течение нескольких часов, оглашали окрестности. Не знаю, что он им рассказал и рассказал ли вообще, но назад его не вернули. Что с ним стало, я не знаю. Если честно меня интересовала собственная шкура. Когда вы вспоминаете о 102-м полку, о нас, презрительно называемых карателями, не мешало бы вам поприсутствовать на допросах пленных, попадавших в лапы этих ублюдков. Соппротивление... Идеалы свободы и равенства... Освобождение... Чепуха — это всё. Половина из них, опьянённые этой чушью, делали такие вещи, о которых неприятно говорить даже мне. Да, мы не ангелы! Уж я, то во всяком случае нет. Да и те, кто служил со мной... Чего уж говорить... Государство нуждалось в таких, как мы. Непростые времена. Нам дали работу, и она была нам по нраву. Жестоко? Несомненно. Не для всех? Конечно.

Делает паузу.

— Я ничего не смыслю в философии и этике. Я всего лишь мальчишка из трущоб... Вместо образования меня учили жестокости. Но подобие чести есть даже у такого, как я. И представление о людях у меня есть. И вот что я вам скажу! Там не было праведников. Но я и мне подобные, хотя бы не прикрывались идиотскими мотивами, оправдывая или объясняя свои поступки. Мы были честны и понятны. Мы любили насилие и, конечно же, деньги. А эти молокососы из Соппротивления... Вы понимаете, что это были дети. Подростки. Сколько им было? Что они видели? Что знали о жизни? Ничего! Им вбили в головы полнейший бред их сделали жёсткими и мстительными. Ими пользовались. Посылали на убой. Под красивые сказки о справедливости и свободе! И они шли. И обманывали себя, называя нас палачами и преступниками, но сами же ничем от нас не отличались. Спросите их сейчас, что они думают о Соппротивлении и бойне, которую учинили, о миллионах убитых ими людях, которых они посчитали препятствием на своём пути... Фанатики... С ними не о чем говорить... Их доводы не рождены опытом и знаниями, они заложены извне. А их жестокость была не меньше нашей.

— Может, она была ответом на вашу?

— Не без этого. Ненависть помогает выжить. Уж я-то знаю. Вот вам совет — не ищите правды, её нет. Или у каждого она своя. Но поверьте мне, на Пекине — всех можно было в чём-то обвинить.

— Понимаю.

— Да. Надеюсь... Взять, к примеру, местное население. Тех же обитателей деревни, в которой я оказался. Эти тихие миролюбивые крестьяне. Кто мешал им жить спокойно? Даже не беря в расчёт политику. Противостояние Метрополии и Колоний. Эти люди были изгоями на собственной планете. Правительству было плевать на них. Оно стремилось в будущее, а они безнадёжно застряли в прошлом. Но половина из них схватила оружие, начитавшись этих дурацких бумажек, распространяемых Соппротивлением, и решила сражаться. А за что? Что конкретно их не устраивало? Их собственная жизнь? Тогда какого дьявола они не устроили революцию или мятеж, или что там должны делать недовольные граждане? Свергать правительство, менять строй? Вот и хорошо. Сделали бы это, и всё. Все довольны. Все счастливы. Справедливость восторжествовала... Но произошло не так... Они направили оружие, на людей, которые на их жизнь никак не влияли. И не мешали им.

Зак с досадой машет рукой.

— Дурацкий разговор.

— Что было дальше, — меняю я тему.

— Дальше эти ребята решили пообщаться со мной. Утром меня окатили ледяной водой из ведра и вытащили из ямы. Завели в какой-то сарай. Привязали к стулу. Их было четверо. Ещё совсем молодые. Но глаза... Ничего хорошего их взгляды не сулили. На всех полевая форма Сопротивления. У всех оружие. Движения, поведение, манеры выдавали в них бывалых людей. Я не был уверен, что смогу остаться равнодушным к методам, которыми они наверняка воспользуются в нашем разговоре. Хотя строить из себя героя тоже не собирался.

Мне задавали обычные вопросы. Но что может рассказать простой рядовой?! Планы командования? Откуда мне было знать. Маршруты конвоев и расположения частей? Я этого не знал. На моей форме были нашивки 102-го полка. И это им не нравилось. Слышали, гады, про нас. Неважно устраивал их мой ответ или нет, почти каждый раз я получал удар. Лицо кровоточило. Выбили зуб. Палкой лупили по коленям и плечам. Я не издал ни звука. В молодости со мной пару раз уже так общались, когда я попадал в лапы членам Стамбульских банд. Ничего нового. Терпимо. Пока они не взялись за мои ногти на пальцах... В общем им доставляло это удовольствие. Не знаю, сколько бы я протянул и что ещё они могли, но вскоре это закончилось. Послышались возгласы, топот ног. С улицы раздавались команды и окрики. Мои новые друзья оставили меня в покое и ушли.

Левый глаз совсем заплыл. Правый заливала кровь из рассечённой брови. Я почти ничего не видел вокруг. Меня грубо подняли. Освободили ноги и отвели обратно в яму. Швырнули туда, как мешок с дерьмом и захлопнули крышку. Мой товарищ по несчастью, сидевший там, помог мне устроиться поудобнее и кое-как смог протереть мне лицо рукавом куртки.

Через несколько часов шум и гомон в деревне утих. Я немного пришёл в себя. Состояние было — будто на меня упала кирпичная стена. Болело везде и сразу. Паршивцы знали, куда бить. В наступившей тишине мы слышали осторожные шаги. Они замерли у нашей ямы. Там кто-то был.

«Вы, двое, вы меня слышите?» — раздалось сверху. «Можете не отвечать, знаю, что слышите. У меня мало времени, у вас ещё меньше. Либо делаете, как я велю, либо к рассвету будите мертвы. Выбирайте.»

Мы с товарищем переглянулись. Не похоже на обычное поведение наших тюремщиков.

«Говори» — откликнулся он.

«Это место вычислила ваша разведка. К началу следующего дня они будут здесь. Мы уйдём раньше. Вас с собой не потащат. Пристрелят в этой же яме. Я могу помочь.»

«Зачем тебе это?» — прошепелявил я.

«Неважно. Достаточно смертей. Тут я им не помощник.»

«Хорошо... что ты можешь?»

«Я приду через час. Вытащу и проведу через посты. Ждите.»

Он не обманул. Пришёл, как и обещал. Открыл решётку. Помог выбраться. Всучил небольшой мешок с водой и несколькими сухпайками. Провёл к краю деревни. Знаками велел подождать, пока мимо нас, сидевших в кустах, прошёл патруль из двух человек и вывел в поле.

«Идите на запад, вон туда, оттуда скоро придут ваши.»

«Спасибо парень, мы твои должники» — ответил товарищ, поддерживая меня. Я хромал и с усилием переставлял ноги.

«Не стоит. Я знаю, вы продолжите убивать и дальше. Но я с этим покончил. Больше до вас всех мне нет дела. Уходите»

Мы сделали несколько неловких шагов в указанном им направлении, и я обернулся.

«Друг, эй... Как тебя зовут?»

«Джейк» — ответил он уходя.

Том Линк

— Собирая вещи и готовясь к отъезду, я понимал, что это глупая затея. Но не мог поступить иначе. Я полетел бы и на Новый Пекин, но добраться туда от нас было невозможно. Сообщение между колониями, перелёты, были доступны. Хотя цены на билеты, в условиях войны подскочили сильно. Но Пекин был закрыт, только военные могли туда попасть. Никаких гражданских. Сняв со счёта в банке приличную сумму, откладываемую нами с супругой, на экстренный случай, я купил билет на Самуи. В один конец. Плохо представляя, что буду там делать. Но бездействие и неизвестность — убивала. Лучше уж так. Полечу, а там будет видно. Эта поездка могла закончиться ничем. Но, приняв решение во мне и в моей жене, загорелась надежда. Пусть крохотная, но всё же. Признаюсь, мы и не подумали, что будет, если я найду сына. Он связан присягой, нельзя просто взять и уйти, бросить службу. За это могли расстрелять. Как дезертира. О таких вещах я тогда не размышлял. Просто хотел его найти.

На Самуи я добрался на грузовом транспорте. Часть его трюма переоборудовали для перевозки пассажиров. Старая развалина доживала свои последние дни, но мы благополучно долетели до места. Помимо меня, на борту было пару десятков пассажиров. Некоторые из них спешили к родственникам, проходившим лечение. Счастливики. Я им завидовал.

Порт походил на огромный муравейник. Суэта. Скопления людей, как штатских, так и военных. На таможне мои документы тщательно проверили и пропустили. На месте — подумал я. А что дальше? Оказавшись там мой пыл, признаюсь, несколько угас. Стоя с вещами у здания космопорта, я растерянно смотрел по сторонам и не мог решить, что мне делать теперь.

Первой задачей было найти временное жильё, а потом уже начинать поиски. Поиски! В этом людском водовороте. В хаосе и спешке. Столкнувшись у себя дома с наплевательским отношением начальства к людям, я не питал особых иллюзий. Хорошо, если меня хоть выслушают. Уделят минуту своего драгоценного времени. Да и куда идти? В военную администрацию? С таким вопросом меня даже не пустят дальше приёмной. К местным властям? Вряд ли они интересуются судьбой поступающих к ним людей. У них свои заботы. Да и что мне там могли сказать? Если в их списках Джейка нет, значит, его нет на планете. Либо он жив и всё ещё на Пекине, либо... об этом я старался не думать.

Я знал номер части, в которой служил мой сын. Если, конечно, за прошедшее время его не перевели в другую. И мог искать его сослуживцев. Такой был план. Безнадёжный и сложный. Здесь были сотни тысяч людей. Десятки огромных палаточных лагерей и ещё больше маленьких больниц и госпиталей, раскиданных по всему архипелагу. Самому крупному и густонаселённому на планете. Я начал с жилья.

— Вы общались с местными?

— Я снял комнату у молодой семьи. В Колье. После начала войны планетарная экономика пришла в упадок, и люди искали способы выжить и прокормить свои семьи. Большинство остались без работы. Многие мужчины трудились на морских фермах, а женщины частенько ухаживали за ранеными в госпитали. Тяжёлый труд. Но

выбора у них не было.

— Как они видели ситуацию?

— Как люди, в чей дом пришли посторонние и установили в их гостиной новые правила. А потом ещё привели своих друзей, а те своих и так далее. Хозяевам оставили комнаты поменьше и разрешили заниматься незначительными делами. И большая часть дома им уже не принадлежала. Но если постояльцы опустошали содержимое холодильника, именно хозяин должен был его вновь наполнить. Вот так. Вкратце!

Я с пониманием киваю.

— Из разговоров с этими простыми и тихими людьми я понял, что у каждого народа та война забрала самое основное — будущее. Перевернула всё вверх дном и принесла лишь разочарование. Где-то больше, а где-то меньше. Взять Самуи. Вы знали, что популяция знаменитых устриц уничтожена? Её не восстановить. А это была половина от их доходов. Колония жила промыслом этих моллюсков, не меньше, чем отелями и пляжами. И что теперь? Туризм когда-нибудь выйдет на довоенные объёмы, на это есть надежда, но морской промысел, которым веками кормила себя добрая половина жителей планеты — уничтожен. А с ним и их история, навыки, судьбы. Безработица, кризис и чахлая экономика. Вот что теперь на планете. Да, на её поверхность не падали бомбы, и люди не гибли миллионами, как на других колониях. Но того тихого, тропического рая больше нет и не будет. Следующие поколения проведут свою жизнь в борьбе за существование. Это их личная трагедия.

Уже тогда они это понимали. Понимали, что масштабный, промышленный вылов разрушит морскую экосистему, а люди, временно поселившиеся в их доме, превратят его в помойку. Но сделать ничего не могли. Как и многие из нас.

Том устало вздыхает:

— Хорошие люди, мне их жаль.

— А тех, кого вы видели на больничных койках?

— Не всех. Многих нет.

Я вопросительно поднимаю брови.

— Ожидали другого? Я считал и продолжаю считать их дураками. Единственное о чём сожалею, так это о том, что мой сын оказался среди них.

Том вздыхает.

— Я побывал в администрации, сидел в центре распределения раненых, у военных. Фамилия Линк нигде не звучала. Джейк на Самуи не попадал. В списках погибших его также не было. Но как мне сказали, эти перечни неполные. Очень много пропавших без вести. Всё, что мне удалось достать — это фамилии ребят из его бригады, лечившихся сейчас на планете. Почти тридцать имён. Я решил поговорить с каждым. Надеюсь, кто-то из них знал его лично.

— Что они вам рассказывали? — спрашиваю я.

— Метрополия и Колонии вцепились в Новый Пекин мёртвой хваткой, никто не собирался отступать. И тем, и тем была нужна его производственная база. Промышленность. Мегазаводы и ресурсы. Обе стороны остро нуждались в этой планете. И каждый понимал — отдать её в чужие руки, означает проигрыш в войне. Поэтому сил и средств не жалели. Особенно людских ресурсов. Бойня. Как сказал мне один парень, побывавший там — «Если так пойдёт дальше, победитель получит лишь пепел».

Где-то там был мой сын... Несколько человек которых я нашёл и расспросил, слышали о Джейке, но не были с ним знакомы и не знали где он. Они рассказали, что их бригада вела

партизанскую войну. Разбитая на отдельные отряды, действовала в тылу войск Метрополии. Поэтому информации о них было мало. Некоторые группы пропадали или неделями не выходили на связь, существуя автономно. На свой страх и риск. Многие попадали в плен.

С каждым таким разговором моя надежда узнать что-то конкретное о Джейке таяла. Да он там. Да, возможно жив, если не оказался в руках правительственных войск или не пропал без вести. Но больше никаких подробностей.

- А пленные? Он мог быть среди них.

— Про них ходило множество слухов. Одни уверяли, что членов Сопротивления расстреливают на месте. Другие говорили будто с ними поступают «по-разному».

— По-разному?

— Да. В зависимости от их звания. Или смотря кто их пленил. Метрополия использовала карательные отряды. Поговаривали они хуже зверей. Впрочем, уверен, обе стороны специально распускали такие слухи. Чтобы их солдаты боялись плена... Конечно, существовали договорённости, случались и обмены военнопленных, но я про это знал мало. Если Джейк и мог попасть в плен... если бы его обменяли... и он был здоров... его тут же вернули бы в часть, а это значит он там же, на Новом Пекине...

Вместе с надеждой таяли и мои деньги. Порой я по несколько дней проводил в пути, к следующему госпиталю. К следующему пустому разговору и разочарованию. Добирался туда на общественном транспорте или ловил попутку. Пару раз пришлось плыть до нужного места на морских судах. Большие расстояния отнимали время и наличность. Иногда давал взятки или платил за разрешение встретиться с очередным человеком из моего списка. Многие требовали денег за это. Врачи и начальство отмахивались от меня, не позволяя общаться с их пациентами и деньги иногда решали этот вопрос. Как и бывает обычно — личная выгода всегда на первом месте. Однажды я провёл две ночи у ворот бывшего отеля, ставшего реабилитационным центром, прежде чем смог уломать охрану, пропустить меня внутрь... Не мне их судить.

Мои поиски закончились в одном из баров столицы. Не так, как я рассчитывал, но вмешался случай. Я искал парня по фамилии Анил. Он часто здесь бывал, как мне сказали. Его лечение закончилось, и вскоре он должен был улететь. Протиснувшись в шумный зал, полный пьяных солдат, я стал расспрашивать о нём. Его знали, но никто его сегодня не видел. Один верзила у стойки, размахивая пустым стаканом, громко загоготал, услышав его имя, и указал мне на лестницу, ведущую на второй этаж:

«Янис здесь не пьёт, старик, его интересует другое...» — сказал он и отвернулся к своим собутыльникам. Я поднялся по ступеням. Там меня встретил какой-то толстяк. Мерзкий тип. Одного взгляда на него достаточно, чтобы понять — подонок. Он сидел за письменным столом и дымя сигарой, листал новостной журнал.

«Чего вам?» — спросил он.

«Я ищу одного человека»

«Тогда вы не по адресу»

«Мне сказали он был здесь»

«И что? Здесь много кто бывает»

«Я могу заплатить»

Толстяк задумался. Задумался и я. Стоит ли отдавать деньги ради этого? Их осталось у меня не так много, а результат может быть нулевым.

«У нас есть девочки, если у вас другие предпочтения проваливайте»

У меня был словесный портрет Анила. Я разговаривал с его лечащим врачом. Один из немногих людей, встреченных мной, кто с пониманием отнёсся к моей истории.

Я рассказал толстяку, как выглядит, тот, кого я ищу. Он кивнул.

«Понял про кого вы... Деньги»

Пересчитав банкноты этот тип, встал из-за стола и жестом приказал идти за ним. Мы прошли по коридору и остановились у одной из многочисленных дверей.

«Его время вышло пять минут назад».

Сказав это, он повернул ручку и выпустил меня.

Ли Во Джонг

— Моя мать часто говорила мне, что я очень мягкий человек. Вижу в людях только хорошее. Всегда надеюсь на лучшее и верю в человечество. Она правильно меня воспитала. И говорила это с гордостью.

Поднимаясь по карьерной лестнице, я руководствовался тем правилом, что в любой ситуации останусь верен своим принципам. Выполняя работу, искал в людях тот стержень, за который мог зацепиться и дать им шанс. С такой позицией нелегко жить. На каждом шагу ты видишь примеры падения человеческой нравственности и моральных принципов, но мы те — кто мы есть. И главное — не изменить себе. Я всегда хотел быть честным и ждал того же от других. Иногда ошибался. Но продолжал верить.

Когда мы нашли Маркуса Альери, я в очередной хотел верить. Когда он пошёл с нами на сделку, я пытался доверять своим ощущениям. Не подумайте, что моё мировоззрение мешает разбираться в людях. Отнюдь. Я то как раз, хорошо в них разбираюсь и в силу своей профессии и из-за моих принципов. Я не жду от них чуда. Я лишь нахожу и использую то хорошее, что есть в каждом из нас. И за свою жизнь я всегда убеждался, что правильные аргументы, позиция и обстоятельства, могут заставить человека задуматься и принять верное решение. Единственный мотив, который я никогда не рассматривал, были деньги. Большие деньги. И вскоре мне удалось самому увидеть их влияние на выбор людей.

О таком выборе мы много разговаривали с Альери. Попытка связаться с Борроу могла закончиться ничем. Он вообще считал это глупой затеей. Хотя признавал, что общаясь с Борроу, не видел в его глазах фанатичный блеск...

Военные выделили нам корабль. Маленький и быстроходный, с отличными пилотами. Глава комитета не хотел меня отпускать, но я его убедил. Я должен был это сделать. Не мог по-другому. Альери предоставили средства связи и он через несколько дней получил ответ, на посланный им кому-то запрос. С нами готовы были встретиться. На Флопее. Мы отправились туда.

— Там в это время шли бои?

— Да. Колонии бросили большие силы на эту планету. Пожалуй, только Марс пережил подобное. Но там была орбитальная бомбардировка, а на Флопее полномасштабное вторжение. Большая часть планеты, когда мы прибыли туда, находилась под контролем Колоний.

Наш корабль висел на высокой орбите, под прикрытием флота, пока мы ждали разрешения на посадку. И я видел множество челноков и шаттлов, поднимающихся с поверхности. Они эвакуировали всех, кого удавалось вывести в безопасные зоны и спасти. Гражданские лайнеры, принимали их на борт и улетали, уступая место следующим. Метрополия понимала, что планета потеряна, но сухопутные силы, на её поверхности отчаянно держались и гибли, спасая гражданских. В этой веренице кораблей я видел

собственное бессилие. Помню, как Маркус, сидя рядом со мной и с таким же интересом наблюдавший за происходящим, пробормотал — «Спасут тысячи... но расплатятся десятками тысяч...» Я его понимал. Холодный расчёт. От циничного человека. Но такой удручающе точный. Я прикрыл глаза и постарался не думать об этом.

Наконец, военные дали нам разрешения на посадку. Наш корабль мог приземляться прямо на поверхность и также успешно взлетать с неё, поэтому не пришлось пользоваться шаттлом. Я был рад. Хотя наша миссия и имела огромное значение, но людей нужно было спасать там прямо сейчас. Каждая посудина на счету.

Мы сели в указанном районе. Формально его контролировали наши войска, но военные предупредили нас, что не гарантируют безопасность. Мы и не просили. У наших пилотов были точные координаты места встречи. Их дал тот человек, которого мы ждали.

«Что теперь?» — спросил я у Альери.

«Терпение, дайте ему время» — ответил он.

«Ты ему доверяешь?» — поинтересовался я. Имея в виду ЕГО человека.

«Конечно, нет».

Маркус Альери был собран и неразговорчив. В своей стихии. Я доверился и ждал. Мы находились в низине, между холмов. Рядом лес. До ближайшего селения судя по карте пару десятков километров. Отличное место для засады, если нас сдадут сепаратистам. Вскоре на склоне холма появился человек. Он направлялся в нашу сторону. Маркус коротко бросил «Пошли. Не бери охрану». Мы вышли из корабля. Два офицера нашей службы безопасности остались, готовые к любым неожиданностям.

К нам подошёл высокий мужчина, плотного телосложения. В форме офицера «Сопrotивления». С нашивками капитана на рукавах.

Мистер Джонг прерывается. Трёт глаза.

— Форма была прикрытием. В то время этот человек действовал на территории Колоний и авторитет нашивки с изображением орла на его одежде, играл ему на руку. Я не участвовал в разговоре. Почти. Альери с профессионализмом опытного мошенника и дельца взял это на себя. Его собеседник и давний знакомый, не уступал Маркусу ни в осторожности, ни в алчности. Говорил сухо. Уклончиво. В общем, как и подобает человеку, чей промысел идёт вразрез с законом. Они друг друга стоили.

Признаюсь вся моя дипломатическая подготовка и опыт не значили ничего в этой встрече. Тот разговор вёлся на других условиях, и играли там по другим правилам, чем я привык. Оба собеседника прощупывали друг друга. Искали слабинку. Но не ту что обычно пытался найти я, общаясь с людьми, по заданию комитета. Нет. Ничто их не интересовало, так как деньги. Только деньги. Сложность, опасность предприятия была на втором плане. На первом — заработок, нажива.

Стоя рядом с ними, я невольно испытал чувство уважения к Маркусу Альери. То, как он вёл себя, как говорил и действовал... «Может он и сукин сын, но он наш сукин сын» — вспомнил я слова одного древнего политика.

«Ладно... допустим, мы договорились» — произнёс мужчина, выведя меня из задумчивости. «Кто будет платить?».

«Он» — кивнул Альери на меня.

Деньги могут всё. Мы договорились. Этот контрабандист наживался на войне не меньше, чем на заказах до неё. Неразбериха и бардак, творящиеся во всех известных мирах, осложнили его работу, но вместе с этим принесли новые заказы и новые гонорары, зачастую

плата за его услуги удваивалась, по сравнению с довоенными временами. А она и тогда, я убеждён была не маленькой.

Он должен был попасть на Эссен и найти способ передать наше предложение мистеру Борроу. Он уверял что хорошо знаком с ситуацией на планете. Знает политическую обстановку и даже тайные интриги в руководстве партии. Я почему-то ему верил. «Боюсь представить, что со мной сделает их тайная полиция, если меня поймают» — засмеялся он. Все были наслышаны о политике Рангози и его методах. Представить было легко. Мы условились, что будем ждать от него сообщения. Чем бы его попытка ни окончилась.

Сейчас я понимаю, на какой риск шёл знакомый Альери. Борроу один из сподвижников Рангози — диктатора, чья власть основывалась на всеобщем поклонении и пропаганде, доверенное лицо человека, взрастившего «Сопrotивление», мог не внять голосу разума. Зная рвение рядовых членов этой организации, легко представить, что твориться в головах их руководства. Мы поставили на сомнительную карту... И шансов было мало.

Возвращаясь на Третью Республику, я получил сообщение о высадке наших войск на Новом Пекине.

Сид Майер

— В этой деревне мы провели три дня. Беженцы шли нескончаемым потоком. Шли на запад. Пешком или на автомобилях, если успели запастись топливом и не израсходовали его ранее. Днём и ночью деревня принимала новых «гостей», предоставляя им кров и позволяя перевести дух. Было много слухов, рассказов, переданных через третьих лиц. Сеть давно не работала, а радио молчало. Только разговоры и предположения. Войска Метрополии продвигаются на запад. Убивают гражданских. Ищут членов «Сопrotивления». Помню как-то днём, в деревне появился один парень, лет тридцати, суетной и дёрганный. Он убеждал всех, что правительство покинуло планету и бросило нас. Ему никто не поверил. Были и такие, кто намеревался сражаться против войск Метрополии. «Для этого», — говорили они. «Нужно организовать и найти представителей власти или раздобыть оружие, а там уже нас поддержат и придут на помощь». Другие спорили с ними, спрашивали «что вообще хочет от нас Метрополия и почему мы должны против них воевать»? Это приводило лишь к бесполезным спорам и ругани. Каждый считал, что он прав.

Я не вмешивался в подобные дискуссии. Чтобы там ни происходило, я должен был защитить и уберечь свою дочь. Если к нам пришли с оружием, а руководство скрыло или не успело донести до нас правдивую информацию, лучше переждать. Не испытывать судьбу. Мистер Пэн был такого же мнения. Из разговора с ним я понял, насколько по-разному мы воспринимали произошедшее. Он рассказал, как популярны были идеи «Сопrotивления» у крестьян, бедняков и жителей глубинки. Как сильно они противились насаждению цивилизации и попыткам правительства урбанизировать Пекин. О молодых людях, в том числе и его знакомых, покинувших колонию и вступивших в ряды «Сопrotивления». О дискриминации и притеснении сельских жителей со стороны властей. И о его уверенности, что рано или поздно это должно было произойти. Он открыл мне глаза, на проблемы, о которых я даже не представлял, существуя в своём мирке, обеспеченного городского жителя. Я и не подозревал. Плохо знал Новый Пекин. Хотя прожил здесь долго.

— А сам мистер Пэн, что он думал о войне? — спрашиваю я.

— Он хотел мира и спокойствия для своего народа, но верил в судьбу. И считал, что каждый вправе сам выбирать свой путь.

В общем в эти дни мы готовились к нашему «путешествию». Желающих отправиться в

монастырь было около ста человек, половина из них дети, разных возрастов. Почти все жители деревни. Из городских были лишь мы с Сарой и ещё одна семья, из столицы.

Мы отбирали одежду. Делились друг с другом необходимыми для долгого перехода вещами и обувью. Упаковывали и пересчитывали продукты. С этим была самая большая проблема. По расчётам мистера Пэна, на дорогу до монастыря мы потратим дней десять-двенадцать, в зависимости от погодных условий и скорости, на которую будут способны идущие с нами маленькие дети. А запасы провизии в деревне быстро таяли. Жители не отказывали приходящим к ним людям в еде и воде. Кормили нуждающихся. Не прося ничего взамен. Больше всего нам нужны были консервы и концентраты. Всё, что не портилось. Их было мало. Но по расчётам должно было хватить. Женщины сшили большие мешки, с лямками для плеч, из имеющейся у них ткани, для переноски всего необходимого. Мужчины упаковали палатки и тенты, соорудили несколько носилок, по задумке каждую из них по очереди должны были нести самые сильные из нас. Туда складывали наиболее ценное из нашего груза.

Сара быстро нашла себе друзей среди детворы. Они вместе выполняли несложные задания взрослых и помогали в меру своих сил. Я с радостью и облегчением видел, как её страхи по не многу отошли на второй план, уступив место заботам и общению с другими детьми. Вообще, мне нравились окружающие меня люди. Они отличались от привычных мне менеджеров, работников больших заводов и государственных служащих. В них не было той суеты, характерной для жителя крупного города. В них была врождённая безмятежность их предков, потерянная теми, кто перебрался в города Нового Пекина. И среди них не было никого, кто поддерживал «Сопротивление».

Забавно, да? В наше время, когда межзвёздные перелёты, норма, а человек давным-давно заселил и освоил далёкие прежде миры, когда чудеса науки и инженерии подарили человечеству удивительные открытия и технические достижения, мы шили мешки для переноски продуктов и мастерили носилки, из подручных материалов. И собирались пешком преодолеть расстояние, которое автомобиль проделал бы за несколько часов.

Мы вышли рано утром. При этом хозяева не закрыли жилища, но выполнили нечто похожее на ритуал прощания со своим домом. Я стоял в сторонке и вспоминал наш брошенный дом. В спешке и без прощания. Даже в этом мы отличались. Мистер Пэн вместе с группой мужчин проверил всё ли готово, и мы направились на север, в сторону гор. Под удивлёнными взглядами оставшихся в деревне людей.

В монастырь вела одна дорога. Узкая, двум автомобилям сложно разъехаться. Ей пользовались редко. Никто почти туда не ездил. Она петляла по предгорьям и поднималась к самому монастырю. Но мы побоялись идти по ней. Решили пробираться напрямик. В ночь перед нашим выходом в небе носились штурмовики и были слышны взрывы. Мы даже не знали, кто это был и что взрывалось. На дороге такая группа людей — хорошая цель. Лучше поостеречься.

Больше всего мы переживали за наших детей. Особенно маленьких. Им было тяжело. Представьте, что стоит трёхлетнему ребёнку совершить такой переход. А постоянно нести его на руках тяжело даже самому сильному взрослому. Из-за этого мы часто останавливались. Поджидали отстающих. Менялись. Кто-то брал большой груз, давая возможность другому нести на руках малыша. Затем наоборот. К концу первого дня дети очень вымотались, как впрочем и взрослые.

— По пути вы встречали других людей? — спрашиваю я.

— Лишь однажды, на пятый день... До этого никого. Места глухие. Там никто не жил, а автострада, проходящая через деревню мистера Пэна, была единственной на много километров вокруг. Конечно, нам встречались едва заметные просёлочные дороги. Грунтовые, размытые дождями и заваленные упавшими деревьями, но они существовали давно и люди ими явно не пользовались. Мы шли по предгорным лесам, поросшими аналогами земных кедров, вечнозелёным кустарником и мхом. Иногда переходили вброд маленькие речушки, стекающие с гор. Красивые места... Дикие. Я не привык к такому.

Мистер Майер делает паузу.

— Те люди пришли к нам рано утром. Когда все спали. Мы оставляли нескольких мужчин караулить лагерь, каждую ночь. Скорее как защиту от диких животных, которые могли появиться. У нас имелось несколько охотничьих карабинов. Людей мы тогда не боялись. Оказалось зря...

Я спал прямо на земле. Завернувшись в одеяло. Рядом с потухшим костром. Сара с несколькими детьми неподалёку, в палатке. Проснулся от шума моторов. Встал. Увидел, как из перелеска к нам мчатся два внедорожника. Машины, специально предназначенные для езды по пересечённой местности. С огромными колёсами и открытым кузовом. В них были люди. С оружием — сразу же отметил я. Двое мужчин, охранявших наш лагерь уже бежали в их сторону, вооружённые ружьями. От шума стали просыпаться остальные. Я увидел мистера Пэна, идущего среди палаток и навесов, на ходу одевающего куртку и поспешил за ним.

Машины остановились рядом с нашим лагерем. Протиснувшись сквозь образовавшуюся толпу, вслед за мистером Пэном, я оглядел их. Девять человек. Взрослые, одни мужчины. В камуфляжной одежде, с ножами, пистолетами и винтовками. На некоторых бронежилеты. Оружие держат уверенно. Явно умеют им пользоваться. Самоуверенные, даже наглые. Смотрели свысока. Я тогда подумал, что они похожи на богатых прожигателей жизни из крупного города, обеспеченных и самодовольных. Тех, кто от скуки и наличия лишних денег, увлекается охотой или ещё чем-то подобным. Покупает дорогостоящее оборудование и амуницию, чтобы хвастать своими обновками перед такими же, как они. Пижоны...

Разговор сразу же пошёл по их сценарию. Здоровый детина, метра два ростом, видимо, бывший у них за старшего, оглядел нашу толпу и громко спросил кто тут главный и откуда мы. Мистер Пэн сделал несколько шагов ему навстречу, представился и коротко объяснил кто мы такие и куда идём (пауза).

Я мирный человек, никогда не державший в руках оружие. Моя жизнь протекала в окружении людей, соблюдающих законы и осуждающих преступления и проявления насилия. Да что там говорить я и мне подобные никогда и не сталкивались с таким. Мы могли поругаться с кем-то в очереди на заправку, покричать и успокоиться. Или столкнуться с хамским поведением сослуживца на работе, но это объяснялось скверным характером и плохим воспитанием. Этих людей сторонились и старались с ними не общаться. Мы не знали, что такое угроза собственной жизни. А на представителя закона смотрели с робостью и уважением. Как говорят, существовали в «тепличных условиях».

И вот война изменила нашу жизнь. Вырвав нас из привычного окружения. Вместе с привычного офиса мы очутились в диких лесах, собирая хворост для костра. На место домашнему уюту пришла тонкая подстилка, расстеленная на земле и валик из одежды вместо подушки. Общий котёл и наспех приготовленная простая еда, заменила любимый ресторан. А мечты о выходном дне после напряжённой недели, уступили место радости от скорого привала и пятнадцатиминутного отдыха. Как мало человеку, оказывается нужно...

Но всё это меркло перед ошеломляющим открытием — не всех людей можно назвать хорошими. А многих стоит и бояться.

Этим людям требовались наши продукты. Они пришли за ними. Вот так просто. На правах сильнейших. Заметили нас ранее и решили пожить за наш счёт. Я видел, как они вскинули оружие, подчиняясь команде своего главаря. Видел их решимость и нашу беспомощность. Все мы понимали, что не в состоянии дать им отпор. Конечно, нас больше, но с нами много детей, женщин... Да и не думаю, что кто-то из находившихся рядом со мной мужчин в тот день, готовы были вот так легко, ради еды, стрелять в другого человека. И убивать. Дикость... И они это знали. Как знает хищник, что он сильнее своей жертвы и итог их схватки предрешён.

Мистер Пэн не стал спорить или убеждать их. Всё было ясно. Эти молодчики, так же как и мы, не приняли ничью сторону. Ушли подальше от густонаселённых районов и обосновались в лесах. Пережидали. Только в отличие от нас превратились в хищников. Дерзких и циничных.

— Думаете, они стали бы стрелять, откажись вы отдать им то, что они потребовали? — спрашиваю я.

— Уверен, что да. Стали бы. Тогда на меня их появление произвело сильное впечатление. Растерянность и непонимание. Как такое возможно? Нас постигла общая беда. Почему? Сейчас пройдя через это, я понимаю почему. И уже не удивляюсь как в первый раз.

В общем, мы отдали им часть наших припасов. Хорошо, что не забрали всё. Мистер Пэн велел нам не сопротивляться, пока они рылись в общих вещах, отбирая для себя нужное. Под нашими угрюмыми взглядами. Потом погрузили всё в автомобили и уехали.

Когда они скрылись из виду, мы стали приходить в себя от случившегося. Некоторые робко переговаривались, другие униженно молчали, вздыхали и застенчиво отворачивались. Особенно мужчины. Женщины поспешили заняться детьми. Уныние окутало нас всех. Я смотрел вслед уехавшим людям и увидел мистера Пэна. Он поднял на меня взгляд, грустно улыбнулся и пошёл собирать людей. Нужно было идти дальше.

Янис Анил

— В подготовительном лагере на Кои я провёл четыре месяца. За это время меня научили основным навыкам боя, тактике и умениям выживать в сложных условиях. Научился обращаться с оружием — выяснилось, что я неплохо стреляю. Лучше, чем большинство из моих сослуживцев. Я гордился этим. За это время я хорошо узнал тех, с кем мне предстояло служить. Со многими подружился. Привык к ним. Мы с нетерпением ждали отправки на фронт. Вести, приходившие с разных районов боевых действий, подпитывали наше желание поскорее внести вклад в общее дело. Колонии восстали. Борются. Всё новые и новые миры отправляют своих сыновей и дочерей на эту освободительную войну. Метрополия отчаянно сопротивляется. Под ударами наших союзных войск теряет контроль над планетами. Гибнут её солдаты, воюющие за деньги, а не за правое дело. Нужно только верить в нашу победу и скорое освобождение от гегемонии Метрополии. Мы рвались в бой. Да... Не видели ещё войну. Относились к ней с лёгкостью и восхищением.

Наконец, наша бригада получила приказ на сборы. Мы вылетели на Новый Пекин.

Помню, как вышли из корабля. Щурясь от яркого солнца, сгибаясь под тяжестью оружия и личных вещей. Я, вслед за остальными, спустился по пандусу шаттла и наткнулся на внезапно остановившегося парня, шедшего передо мной. Хотел было толкнуть его и возмутиться его нерасторопностью, но подняв взгляд, промолчал. Он, как и остальные

смотрел куда-то вдаль. Горизонт закрывало сплошное, поднимающееся до самого неба, облако серого дыма. Густого, жирного, постояннодвигающегося. Чёрные султаны пожаров, повинувшись направлению ветра, сливались в сплошную полосу, над ним, медленно рассеиваясь. При этом над нами светило солнце, а возвышенность, где мы находились, была покрыта сочной зеленью. Но там на горизонте, зелёная растительность и солнечные лучи будто упирались в сплошную стену серо-чёрного цвета и исчезали. Там был другой мир. Удивительный контраст.

Потом я огляделся вокруг. Увиденное мной сильно отличалось от Кои. Отличалось настолько, насколько отличается детский оздоровительный лагерь от стоянки кочующей толпы варваров. Я увидел беспорядочное нагромождение медицинских палаток и всевозможных навесов, надувных жилых модулей с кучей ящиков и оборудования, сваленного возле них. Горы мусора, армейского обмундирования, коробок, валяющихся где попало. Технику, покрытую копотью и комками земли. Грязь и людей. Особенно людей...

Там было очень много раненых. Их грузили в транспорты и отправляли на орбиту. Ожидающие своей очереди сидели на земле, ютились на каких-то ящиках или лежали на носилках. Белые бинты у многих пропитались кровью. Кого-то перевязывали, помогали одеться или поили водой. Мимо нас пронесли носилки с каким-то парнем, он громко стонал, его форма местами обгорела, а голова и руки были полностью перетянуты бинтами. Я проводил его сочувствующим взглядом.

Недалеко от нас на импровизированном столе из обычных досок, лежал человек, санитары держали его, дёргающегося и кричащего, а в это время врач ампутировал ему часть руки. Бедняга, сквозь хрипы и проклятия, просил его не делать этого. Жуткое зрелище. Вдвойне жуткое тем, что рядом находилась куча людей и все они даже не смотрели в ту сторону. Не проявляли интереса, не удивлялись.

Больше всего мне запомнились их лица и глаза — пустые и равнодушные ко всему...

Вы, наверное, подумаете, что должен был испугаться тогда, увидев всё это... Странно, но нет. Не испугался. Сам не знаю почему. Я испытывал трепет, смущение, но не страх. И вместе с этим злобу, на врагов, проклятую Метрополию. Вот доказательство нашей правоты. Вот с кем мы боремся.

Нас погрузили в машины и повезли на передовую. Колонна шла на запад, а оттуда, нам навстречу, двигалась вереница автомобилей и техники, груженные нашими товарищами, выполнившими свой долг.

— Я думал на передовой, действовали только кадровые части, — удивляюсь я.

— Вы имеете в виду регулярные войска Союза и ополчение?

— Ну да.

— Как правило, так и было. Но не всегда. «Соппротивление» не подчинялось военному командованию Союза. Действовало самостоятельно. Однако по факту возглавляло восстание. Всё дело в мотивации, подготовке, в том числе и идеологической. Если где-то требовалось усилить позиции или появлялась слабость, на помощь регулярным частям посылали наши бригады. А в остальном вы правы, диверсии, проникновения, быстрые и точечные удары — вот наша задача.

— Куда же послали вас?

— В самое пекло... Как говорят — с корабля на бал. Фронт трещал. Потери росли. Некоторые части, набранные в спешке, плохо обученные и переброшенные на Новый Пекин, таяли как лёд на солнце, под ударами противника. Я даже слышал о дезертирах, но не очень

верил в это. На линии соприкосновения постоянно не хватало людей. Кадровый голод, как говорили штабные. Бывали случаи, когда пополнение производили прямо в траншеях, просто присылали новобранцев, не отводя части для переформирования и отдыха. Никакого слаживания и распределения. Количество имело значение.

Вы скажите, какие окопы в наше время, при таких-то технологиях и суперсовременном вооружении? Всё это высокоточное и высокоэффективное оружие, где оно? Достаточно просто нажать на кнопку...Всё это там было. Поверьте. Я видел его эффективность. Но к этой кнопке ещё нужно протянуть руку, а если вы лишите противника этой руки, вы победите... Как и сотни лет назад, итог схватки зависел от пехоты, сколько кнопок ни нажимай. А пехотинцы как и раньше, любят землю, она может дать пусть и не надёжное, но хоть какое-то укрытие и чувство безопасности. У меня в руках была самая современная винтовка, напичканная всем чем только можно, от лазерного целеуказателя до функции распознавания «свой-чужой», но пару раз я отбрасывал её в сторону, используя старый, проверенный временем способ отстоять свою жизнь — увесистый камень или кусок арматуры...

Знаете, как я получил первое ранение? Мне чуть не проломили голову! В полуразрушенном доме мы натолкнулись на противника, выскочили на них неожиданно, никто не успел поднять оружие... В ход пошло всё — от прикладов до ножей... Тот солдат Метрополии повалил меня и бил своим же шлемом, пока я не потерял сознание. Вот вам и современная война...

Когда всё закончилось, мой товарищ стащил с меня труп того солдата. Один из наших всадил ему нож в спину, пока он боролся со мной. Его бездыханное тело лежало на мне, придавив к земле. Меня оттащили в блиндаж. Уложили и перевязали. Очухался я позже. Меня рвало, голова кружилась, о том, чтобы самостоятельно встать не могло быть и речи.

После того боя нас отвели на отдых. Командованию пришлось это сделать. Из нашего взвода в пятьдесят человек в живых осталось восемь. То ли самые везучие, то ли лучше подготовленные. В остальных взводах картина была примерно такая же. Две недели я провалялся на койке. В тылу. В полевом госпитале. Меня постоянно навещал товарищ. Рассказывал новости, сообщал о положении дел... Но чаще просто сидел рядом с моей кроватью и молчал. Мне тоже не хотелось говорить. Я устал. Те недели, проведённые на передовой, в постоянном стрессе и страхе за свою жизнь, в грязи и в окружении опасности, не давали времени на размышления. Мы, оказавшись там, превратились в механизмы, выполняющие две функции — убить и не быть убитым. Отключили мозг, направив всю энергию только на это. Выживание. Теперь мы приходили в себя, возвращались.

Однажды я проснулся, а он сидел рядом и листал какую-то книгу. Я пошевелился, и он посмотрел на меня. Глаза. В них ничего не было. Пустота. Как у тех, кого мы встретили в день нашей высадки... Говорить было не о чем.

Я был измотан, увидел, что такое война, своими глазами. Признаюсь, те мои размышления и побуждения, заставившие прийти сюда, немного померкли. Стали стираться. Стреляя в людей, я всё реже и реже думал о политике. Нажимая на спусковой крючок, поражал цель, а не идеологического противника. Перестал испытывать ненависть к врагу. Видел, как гибнут мои товарищи, но удивительное дело, это приводило лишь к опустошённости, а не мстительности. Стал замечать, что мне жаль, тех кто нам противостоит. Созданный «Сопротивлением» образ врага — жестокого, бесчеловечного, беспринципного, рассеивался, когда я смотрел на мёртвых людей, убитых мною — они были

так похожи на нас... А в глазах живых... я видел ту же пустоту и усталость...

Как-то раз, разглядывая вражеские позиции в снайперский прицел, я увидел сидящего солдата Метрополии, он прислонился к полуразрушенной стене дома и ел свой паёк, орудуя ножом вместо вилки. Спокойное, умиротворённое лицо... Я не смог выстрелить...

— Почему?

— Не знаю.

— А другие?

— Возможно... Шла война...

Янис молчит. Я не тороплю его. Жду.

— Вскоре я поправился, хотя головные боли ещё долго преследовали меня. У командования на нас были планы. Наша бригада практически перестала существовать, оставшихся распределили по разным частям. Меня и моего друга направили в один из отрядов, действующих в тылу войск Метрополии. Они понесли потери в последнем рейде. Им требовались люди. В группе было двенадцать человек, вместе с нами стало четырнадцать. Сплошь “ветераны” — опытные, идейные. Хотя старшему не было и тридцати. Давно друг друга знают, давно воюют вместе, не только на Новом Пекине. Много где побывали.

Мы пересекли линию фронта, ночью, пройдя несколько километров, по колено проваливаясь в речной ил, вдоль реки. Дальше наш путь лежал через горы. Отряд проделывал это уже не раз, и всё прошло гладко. Наша цель — штаб 102 полка Метрополии, известного своей жестокостью и расправами над мирным населением. Разведка знала, где он располагается. «Нанесём им визит» — весело сказал наш командир. Остальные кровожадно ухмыльнулись. Тогда я увидел другую сторону «Сопротивления».

Александр Борроу

— Я питаю огромную любовь к своей родине. Люблю Эссен всем сердцем. Это не просто пустые слова политика, которому необходимы голоса избирателей — сейчас-то уж точно они мне не нужны. Это моё воспитание. И жизненные принципы. Благополучие народа — в этом цель и единственное моё желание. Я считал, что мы этого достойны. Как и любая нация. Упорный труд многих поколений, самодостаточность, гибкость, позволили нашей планете занять своё место в истории. А крепкие связи с Метрополией давали нашей экономике возможность обеспечивать граждан всем самым современным и необходимым. По экономическому развитию, культурным связям и интеграции в жизнь внутренних миров Метрополии, Эссен далеко превосходил прочие колонии. Мы не были изгоями, как некоторые. Не закрывались от остального мира и не чувствовали себя людьми второго сорта.

Первая волна колонистов, прибывших сюда, состояла в основном из выходцев с Центральной Европы, с Земли. Они не были искателями приключений и не бежали, как многие, от нищеты и перенаселённости. Не мечтали о лучшей жизни и не прельстились богатствами не освоенной человеком планеты. Это произошло после бума колонизации. Когда страсти по поводу заселения и освоения вновь открытых миров, поутихли. Когда выяснилось, что человечество не столь многочисленно, как казалось и темпы обнаружения новых пригодных для жизни планет, обгоняли количество желающих на них поселиться.

Эти люди оставили Землю, так же легко, как мы порой меняем свой дом, на другой, только потому, что в семье произошло пополнение и старый уже мал или потому что новый район удалён от центра и там тише и спокойнее, меньше суеты. С тех пор прошло много времени, но те люди основали и дали жизнь целой нации, впитавшей их особенности и

культуру. Спокойствие, трудолюбие, открытость и готовность к переменам — вот что заложили в нас наши предки. Вот кем мы были... Ещё совсем недавно...

Если бы вы посетили Эссен лет пятнадцать назад и встретились со мной, провели вечер в моём старом доме и послушали бы рассказы о наших проблемах... Боже, проблемы! Сейчас это смешно... В общем, я бы надоел вам со своими проектами и заговорил бы вас до смерти, перечисляя необходимые реформы, требующиеся нашему обществу. Тогда это казалось важным. Мы не понимали, что у нас есть всё необходимое. И не представляли, во всяком случае я, что не всё нужно менять. Что не всегда изменения приносят пользу. Но Эссен изменился, нашими стараниями. Попади вы к нам вновь, но уже шесть лет назад, вы бы очутились в другом обществе, среди других людей, на другой планете.

Когда Самуэль поручил мне встретиться с тем человеком, торговцем оружием, передо мной будто исчез оптический фильтр, мешающий разглядеть реальность. Мои глаза открылись, а разум стал замечать, истинную картину происходящего. Знаете, будто очнулся ото сна, медленно и постепенно. Пробуждение не было похоже на вспышку — шок, трепет... Нет. Не так ярко и больно. Будто пытаешься восстановить в памяти подробности ночных снов, казалось бы, не связанных, размытых, почти забытых и далёких, но складывающихся в определённую картину.

Я взглянул на Эссен другими глазами.

— Вы испугались? — спрашиваю я.

— Сначала я был в смятении. Ведь всё это произошло и моими стараниями. Затем удивление и наконец полное осознание к чему мы пришли. К чему позволили себя привести...

— Ронгази не замечал в вас изменений?

— Он уже ничего не замечал. Мы отдалились друг от друга. Былой дружбе пришёл конец. Страх я испытал намного позже. Когда понял, что мне и моей семье может грозить опасность.

— Она была реальна?

— Более чем. Не смотря на свой высокий пост, я не знал всего. Увлечённый работой, поручаемой мне Самуэлем, я не мог охватить всё. Да и не пытался. Верил ему. И доверял. Даже сейчас я не совсем понимаю, как я мог быть так слеп. До сих пор не верю, что он меня обманывал и скрывал истину.

Я не оправдываюсь, как может показаться. История запомнит меня как ближайшего соратника Самуэля Ронгази — военного преступника и тирана, принёсшего столько горя, собственному народу. Остальное неважно. Я не ищу прощения и не пытаюсь обелить себя. Случившееся моя вина. Она будет со мной до конца дней. Худшего наказания и не придумаешь... Но вам я честно говорю — не проходит и дня, чтобы я не думал о тех временах и допущенных мной ошибках.

— Что же происходило на Эссене в годы войны?

— Начать стоит с того, как мы подошли к этой войне.

— «Соппротивление»?

— Оно самое... Историки ещё долго будут спорить о том, как Самуэлю пришла в голову эта идея. Ещё дольше им предстоит ломать голову, как один человек смог сделать это. Но не зная его лично, эти попытки лишь пустая трата времени. Оцените гений, оцените безумие! Вообразите масштаб и личность, способную проделать такое и остаться за кулисами, до последнего момента. Нет, не зря говорили раньше — от гения до безумца один шаг. Верное

выражение!

Он сделал это. В одиночку. Кто ещё способен на такое? Только такой человек, как он. Сейчас я уверен, он посвятил этому всю свою жизнь. Боже! Только представьте! Всю жизнь! Разве это не доказательство его уникальности?

— Вы и сейчас восторгаетесь им?

— Если бы вы его знали... Да... Даже сейчас...мне его жаль...

— Но миллионы погибших...

— Сотни миллионов! Об этом спорят до сих пор. Скорее всего, точную цифру мы так и не узнаем. Вы правы. Мне их очень жаль... Мне жаль тех людей, которые приняли в этом участие и отдали свои жизни, а может быть и души за ложные убеждения. За заблуждения одного человека.

— Как же ему это удалось?

— На это ушло много лет. Всё было сделано так, что ни я, ни кто другой, не знал истинных масштабов и целей. В его плане каждому отводилась отдельная маленькая роль. На первый взгляд не существенная, но важная. Он взял нас, как строитель берёт груды кирпичей и, работая с каждым по очереди, выстраивает крепкую стену. Предыдущий является основанием для следующего, убери один, и всё рухнет. Так и его план, состоял из сотен и сотен маленьких людей-кирпичиков.

Представьте, какие средства требовались для этого! Он решил эту задачу — поднял экономику нашей планеты. Вот так просто. Следующая проблема метрополия, центр не должен был выйти на него, ни при каких обстоятельствах. Раньше намеченного срока слово «Сопrotивление» и колония Эссен, не должны стоять рядом. Без проблем! Он часте посещает Землю, заводит знакомства с Сенаторами из внутренних миров, мелькает в Сети, участвует во всех мало-мальских знаменательных событиях, жмёт руки, обещает, уговаривает и льстит. На все запросы и требования метрополии отвечает услужливой улыбкой и дружескими обещаниями. Он нравится толпе. Нравится правительству метрополии. Активный, сговорчивый, инициативный. Свой! Никто не подумает что Эссен и его президент — мозг и сердце, набирающей популярность, антиправительственной организации.

Дальше больше. Колонии. Чем меньше мир и чем он беднее, тем легче его убедить, что все беды идут от Метрополии. За примерами ходить не нужно. Налоги! Архаичный и дикий способ забирать часть доходов у колониальных миров, прикрываясь необходимостью поддерживать экономический баланс, устоявшийся в течение нескольких веков. Разве это справедливо? Найдётся ли житель колонии, считающий это нормой? Был ли хоть один человек, за пределами внутренних миров, кто не поносил бы центр за этот «грабёж»? Ну конечно, были, не спорю... Но большинство...

Будто кукловод он дёргал за ниточки, оставаясь никому не известным, и управлял доверчивыми, глупыми и алчными людьми. Спонсировал террористические организации. Находил недовольных. Подталкивал сомневающийся. Запугивал трусливых. И при этом всегда держался в тени. Конечно, он не делал это лично. Через других людей. Через тех, кто ему доверял и поддерживал или любил деньги и не задавал вопросов. Тех, кто выполнит за приличную сумму любую работу, не интересуясь именем и мотивом заказчика. За каждым его шагом и поступком стояла маленькая цель, не видимая остальным. Все мы выполняли его волю, с дьявольской хитростью, направляемые его рукой и не способные увидеть все части огромного замысла.

Ну а потом, посеянные зёрна «Сопrotивления» взoшли. Разрослись. Стали самостоятельными. Окрепли. Оставалось лишь следить за ними и направлять в нужную сторону их рост.

— Я уже спрашивал это у многих, хочу спросить и вас. Как же так получилось, что Метрополия не разглядела угрозу в «Сопrotивлении» и позволила ему появиться и набрать такую популярность?

— В этом тоже часть успеха Самуэля — в безалаберности центра. Сытость и богатство внутренних миров. Самоуверенность. Недальновидность их политиков и руководства. Самодовольство и алчность. Как и любая «империя» до неё, метрополия пала жертвой собственного благополучия и застоя. Рано или поздно это должно было произойти.

В отличие от центра с нами случилась другая беда. Мы пали жертвой собственных амбиций. Когда я попытался всё исправить, было уже слишком поздно.

Мария Сиваль

— Бар назывался «Флорес», самое грязное и шумное место, из тех, что я видела. Раньше он пользовался популярностью у туристов и гостей столицы, но сейчас превратился в притон. Он занимал два этажа в здании бывшего морского управления, на одной из центральных улиц. Я в нём не бывала. Его хозяин быстро смекнул, что бизнес, каким он был раньше, придёт в упадок из-за отсутствия туристов из Метрополии, но увидел для себя новую перспективу — огромную толпу солдат, желающих развлечься и вкусить простые радости жизни, вдали от боевых действий. А для этого им нужна лишь выпивка и женщины. Особенно женщины.

Лучшего бизнеса в сложившихся условиях и не придумаешь. Затраты минимальные, а выручка превзойдёт самые смелые ожидания. Что может быть более желанным для владельца бара, чем заполонившая улицы, не спящая ни днём, ни ночью солдатская братия, готовая оставить имеющиеся у них деньги на барной стойке, взамен получив порцию пойла, снимающего их усталость, скуку и страхи?

А основательно выпив, эти люди, хотели развлечений не только для души, но и для тела. Предприимчивый хозяин, освободил пустующий второй этаж от разнообразного хлама, потратил определённую сумму на ремонт и соответствующий интерьер, и получил в свои руки ещё один источник дохода. Не менее выгодный. Десять небольших, вульгарно и безвкусно обставленных комнат для «развлечений». Пусть они не отличались роскошью и чистотой, от них этого и не требовалось. Со своей основной функцией они справлялись отлично.

В былые времена за такой «бизнес» он получил бы приличный тюремный срок, но сейчас подобное стало нормой. Старые законы на Самуи не действовали.

Сами понимаете, что входило в мои обязанности, помимо обслуживания клиентов в зале... Крысиная Морда, как я его называла, тот тип, что привёз меня сюда, был, если так можно выразиться, соучредителем предприятия и отвечал как раз за интимную сторону дела. Постоянно торчал в баре, рекламируя свой «товар» и следил за тем, чтобы не случилось никаких неприятностей и эксцессов. Иногда ему, вместе с помощником, приходилось применять грубую силу, приводя в чувства и осаждая слишком пьяных или перешедших границы дозволенного гостей. Своеобразная забота о нас, о своих подопечных. Правда, причиной этому были не тёплые чувства к нам, а забота о сохранении товарного вида, источника своих денег.

— Вы говорите НАС, а откуда были другие девушки?

— Две или три прилетели с колоний. Не спрашивайте зачем. Я не знаю. Как и не знаю, что заставило их этим заниматься. Каждому своё. Они были свободны, в отличие от меня, могли уйти в любой момент. Жили в городе, возможно, промышляли ещё чем-то. Я правда не знаю. Мне было неинтересно.

Большинство из нас были местными, не приезжими. Горький и отвратительный итог, постигшей Самуи беды. Им нужно было зарабатывать на жизнь, таким способом. Потеряв другие источники дохода, им пришлось устроиться на такую «работу». У многих были семьи. Уж не знаю кому пришлось тяжелее, у меня хотя бы не было выбора. Бежать было не куда и не к кому. А они... может и у них этого выбора не было, раз они очутились там. Не знаю...

Я тогда вообще мало что замечала вокруг. Мир сузился до этого полутёмного помещения, в котором я проводила дни и ночи. Не покидая его, не видя солнечного света и забыв, что воздух не обязан пахнуть алкогольными испарениями, потом и табачным дымом. Я превратилась в робота. Бездушный, бесчувственный механизм, покорный судьбе и выполняющий примитивные действия. Молчаливый и пустой.

Могу сказать — я была местной звездой, достопримечательностью и главной изюминкой заведения. Крисина Морда старался вовсю. Он проявлял удивительную для такого человека эрудированность, используя всё новые и новые эпитеты, находя ёмкие и колкие фразы, для представления и подачи моей персоны для своих клиентов. Не буду перечислять все слова, которыми он давал понять окружающим, что я гражданка Метрополии, враг... И что со мной можно и нужно делать... И всё это под взрывы хохота одних и ненавистные взгляды других. Часто убирая деньги в карман, он хлопал по плечу очередного клиента и напутствовал его — «Оторвись на ней, приятель!»...

— Мария я...

— Вы женаты, мистер Фишер? — перебивает меня она.

— Нет.

— Близкие родственники?

— У меня никого нет.

— Не обижайтесь, но я вам сочувствую. Раз вы один, вам не знакомо ощущение сопереживания и поддержки от близких людей. Вы не знаете насколько один человек может изменить жизнь другого, спасти его, дать самое ценное — теплоту и заботу, а также уверенность что нужно... есть ради чего продолжать жить. Вытащить из такой ямы... Подарить второй шанс...

— Вы говорите про своего мужа?

— Да. О нём. И о дочери, чьё появление в нашей жизни, показало мне, как важно преодолеть самое страшное, забыть, не думать о прошлом, спасти себя и наслаждаться настоящим. В окружении любящих людей, исцеливших твои раны.

— Возможно, я ещё узнаю, какого это, — улыбаюсь я, глядя на Марию и радуясь, что на её лице счастье, а не слёзы от воспоминаний.

— Непременно!

— Так как вы его встретили? — спрашиваю я, имея в виду супруга Марии.

— Мы встретились в тот момент, когда остро нуждались в ком-то. И стали спасением друг для друга. Я «работала» во Флоресе три, может, четыре месяца, не могу сказать точнее. Кошмар — растянувшийся на недели и месяцы, без малейшего шанса на освобождение. Будь у меня в то время, возможность соображать и мыслить, я бы задумалась о самоубийстве. Это

был бы выход. Избавление...

В тот вечер Крисиная Морда подозвал меня к себе, когда я проходила мимо, неся убранные пустые стаканы на кухню, и велел подниматься в мою комнату. К очередному клиенту. Я подчинилась. Как обычно. Зашла, закрыла дверь, села на край кровати и тупо пялилась в стену. Как бывало — не раз. Вошёл он. Сделал несколько шагов. Тихо присел рядом со мной и стал разглядывать стену, напротив нас. Молча. Я честно не помню подробности нашей первой встречи. Не помню, как он нарушил молчание и о чём говорил, не уверена, что он называл своё имя. Не помню свои ощущения и были ли в моей голове какие-то мысли. Всё как в тумане. В спасительном для меня небытие, сопровождающим каждый такой визит, очередного подвыпившего солдата.

Единственное, что я запомнила — это его уход. На мне была одежда. Он не дотронулся до меня и пальцем.

В том ужасе, окружающем меня в эти дни, любое событие, будь то драка на первом этаже, неожиданное разрешение данное Крысиной Мордой на лишние несколько часов отдыха или очередной мужлан, вознамерившийся отомстить всем и сразу, в моём лице за гибель своих товарищей, ничего не пробуждало во мне. Никаких эмоций. Но тот случай... Его приход... Словно в давно потухшем костре, неожиданно один из угольков разгорелся и дал надежду на появление пламени.

Потом он появился ещё раз, через два дня. Затем снова и снова. Он приходил постоянно. На час или два. Сидел рядом со мной, разговаривал. Рассказывал о себе. Делился воспоминаниями о доме и семье. С каждым его приходом во мне что-то оживало, возвращалось. Минуты, проведённые с ним наедине, затмевали всю горечь и отчаяние моего положения. Воспламеняли во мне потерянную надежду. Я, в свою очередь, постепенно смогла довериться ему и рассказывала о доме, о своём детстве, учёбе и жизни на Самуи. Я вспомнила рядом с ним о забытых мечтах и планах. О мире, существующим за стенами той комнаты и о людях — других людях, ещё не знающих войны, добрых и отзывчивых, весёлых и озабоченных, разных. Тех, кого я помнила и встречала раньше.

Мы действительно были нужны друг другу. Оба нуждались в собеседнике и друге. Из его рассказов я поняла, как мы похожи — в нём также, что-то умерло. Ушло. Растворилось и потерялось под влиянием произошедших событий. Я слышала горечь в его словах. Сожаление и боль человека, совершившего ошибку. Обманутого. Увидевшего ужасы войны и загнанного в тупик. Янис рассказал мне всё — о Новом Пекине, о «Сопротивлении», с Метрополиии, о том, что он делал... Обо всём. Выплёскивая друг другу свои переживания, мы становились близки.

Помню, как однажды он взял меня за руку и сжал её. Молча. В тишине. Тогда он впервые коснулся меня... и этот простой, незамысловатый жест стал самым ярким проявлением чувств, которые я до этого испытывала. Тогда я поняла, что во мне зародилась любовь. Незнакомое чувство, но я точно знала — это она.

В свой последний визит, перед отправлением на фронт. Он пообещал вернуться и вытащить меня отсюда, чего бы ему это ни стоило. Пообещал найти способ. И взял с меня слово не терять надежды и верить ему. Он не хотел больше участвовать в том безумии. И не хотел бросать меня. Я плакала, прощаясь с ним. Пыталась ему верить, но понимала всю безвыходность ситуации, мы оба не могли распоряжаться нашими жизнями, они принадлежали другим людям. Я на правах рабыни, а он солдат, обязанный подчиняться приказам.

Наверное, я должна верить в судьбу, иначе как объяснить, то, что произошло потом. За минуту до его ухода, когда мы стояли, прижавшись друг к другу, и уверяли себя, что эта встреча не последняя, дверь в комнату открылась и в неё вошёл незнакомый мужчина... так непохожий на обычных клиентов «Флореса».

Глава 3

Маркус Альери

— Люди, с которыми я обычно имел дело, хитры и осторожны. Считайте это необходимыми профессиональными качествами. Без которых в нашем бизнесе быстро потеряешь голову, в прямом смысле слова. Нельзя просто взять и позвонить или приехать в гости, будто старый друг и обстряпать дело. С идиотами и дилетантами никто не будет вести бизнес. А уж про доверие не может идти и речи. Никто никому не доверяет. Каждый сам за себя.

Вот и я не мог просто выйти в Сеть, набрать номер и сказать — «Эй, Джонни, как дела? Это Маркус, не мог бы ты мне помочь...». Словно звонишь бывшему однокурснику или своему стоматологу.

А ещё их нужно заинтересовать. А что вызывает больший интерес, чем пачка банкнот в два моих роста?

Я предупредил Ли Во Джонга, что потребуются расходы. Не буду же я платить из своего кармана. Он заверил — деньги не проблема. Затем я потребовал связь, с условием отсутствия слежки и проверки контактов. Если уж Комитет взял меня в штат, то пусть не лезут со своими играми в «наблюдение и контроль», мои тайны должны были остаться моими. Если я пообещал вывести на Борроу значит, сделаю это, каким способом — моя забота. Конечно, они понимали, что я нужен им больше, чем они мне. Чего бы они добились, сдав меня властям? Удовлетворения от заслуженного наказания? Чепуха! Одна жизнь против гипотетических миллионов, если то, что мы ищем, применят на какой-либо планете! На это они пойти не могли. Не такие люди. С убеждениями...

Заклучив с ними сделку, я видел свой шанс. Если всё выгорит, доживу до старости. Ну а если уж делать дело, то со всей ответственностью, таковы мои правила. В конце концов, моя задача — свести их с Борроу, как они его будут убеждать и уговаривать их проблема. Таков был уговор.

Нам повезло. Нужный человек был жив и не потерялся в суматохе войны. Всё ещё был при деле. Мы встретились и договорились. Передали аванс. Оставалось ждать.

— Чем он мог помочь?

— Он занимался контрабандой — грузы, люди, информация, всё что угодно. В его распоряжении был небольшой личный флот, несколько быстроходных и малозаметных кораблей с проверенными и преданными людьми. До войны его бизнес процветал, вы не представляете, сколько всего незаконного и нелегального перевозилось такими, как он. Назовите откуда, что и куда, заплатите деньги и получите всё в лучшем виде. Никаких вопросов и сомнений. Я нередко прибегал к его услугам. Проверенная временем теневая транспортная компания, с хорошими рекомендациями.

— Он мог попасть на Эссен?

— Хитрый чёрт мог в тихую посадить одну из своих посудин у президентского дворца на Земле... Мог, поверьте. Но в этот раз всё осложняла война и место назначения. Эссен находится далеко. О том, что творится в этой колонии, известно только со слов пленных, попавших в руки Метрополии, да немногих здравомыслящих в руководстве колоний, севших за стол переговоров. Слухи, бредни и байки. Но общую картину знали все. Ставлю свою

жизнь против ржавого гвоздя, наведаться в гости к Рангози мало кто хотел.

Уж про его тайную полицию и её методы, в то время мы уже слышали. Поэтому и мой человек, не собиравшись приземляться посреди их столицы и выйдя из корабля, интересоваться, где можно найти Александра Борроу, у меня мол к нему дело.

— Тогда за что же он взял деньги?

— Он взял аванс. Для начала за информацию. Ему нужно было время всё обдумать и найти лазейку. А даже на это нужны средства. Главный вопрос — где сейчас Борроу. Покидает ли он Эссен? Если — да. То, как часто, куда и с какой целью он летает? Искать его на родной планете и встречаться с ним, было бы чистым самоубийством. Риск слишком велик. Он общественный деятель, член партийного руководства, круглые сутки на виду, наверняка с охраной. И дома и вне его под постоянным наблюдением. Если честно, я плохо представлял какие есть варианты передать ему сообщение от нас. Кто-то должен был сделать это лично. Устно. И получить ответ, боясь быть тут же арестованным и переданным в лапы их полиции. Я бы первым делом выяснил, где он бывает и чем занимается. Для этого лучше всего подходят взятки. Нашёл бы нужных людей и подкупил бы их. Но деньги хорошо стимулируют мозговую деятельность, поэтому мы и заплатили моему знакомому. Теперь это его проблемы.

Я доверял его деловым качествам. Он попытается сделать всё возможное. Если нет, откажется от договора и честно вернёт непотраченные деньги. В этом я был уверен.

Мы условились, что как только он соберёт информацию и разработает план, способный привести нас к цели, мы получим его подробности и передадим причитающуюся ему сумму. Оставалось только ждать.

— Звучит так, будто Вы искренне решили помогать властям.

— А какой у меня был выбор? Сбежать?

— Ну да, не думали об этом?

— Я всегда чётко знаю чего хочу. И не меняю своих решений. Условия договора меня устраивали. Как и моя роль в этом деле. Если метаться, сомневаться или действовать наудачу, велик риск остаться ни с чем, а в этой игре на кону стояла моя жизнь. Так что я не собиравшись отступить и тем более искать пути побега. Куда бы я отправился, по-вашему? Кругом шла война. Спокойного места не найти. В Метрополии я преступник, а в колониях чужак, не заслуживающий доверия. Когда меня раскрыли, по большому счёту выбора у меня не оставалось. Этот вариант был самым лучшим. И в моих намерениях было довести дело до конца. Желательно с положительным результатом.

К тому же дальнейшие события сделали из меня должника, а я не люблю быть должным. Маркус Альери не из тех, кто не платит по счетам.

— Что вы имеете в виду?

— Мы возвращались на Третью Республику. Джонг доложил руководству о результатах нашей встречи. Я не слышал его разговора боссом, только заметил, как он поменялся в лице, после этого. Выйдя из кабины пилотов, он плюхнулся в кресло напротив меня и по обыкновению принялся тереть глаза. Я уже знал, что в такие моменты он размышляет и думает о чём-то серьёзном. В этот раз Джонг был необычайно хмур и, казалось, взволнован.

Я не стал ни о чём спрашивать. Мало ли какие проблемы у дипломатов. Может, их очередной проект по примирению сторон рухнул, по причине отсутствия мозгов у переговорщиков. Некоторое время он молчал, расхаживал по салону, иногда снова садился в кресло и тут же вставал, поглядывал на меня или беззвучно шевелил губами. В общем,

раздумывал. Признаться, меня это забавляло. Никогда не понимал людей, готовых тратить свои нервные клетки и время, а иногда и рисковать, возможно, даже жизнью, ради высоких идеалов и всеобщего счастья. Одно дело, если за это платят, причём не мало, а другое трудиться за «спасибо» или за эфемерное понятие «долг». Глупости...

Поэтому я не сильно удивился, узнав, что по пути в штаб-квартиру Комитета мы заглянем на Глизе, по несомненно, важному делу. Крюк был небольшой, мы изменили курс и двинули туда. Джонг объяснил, что там он хочет встретиться с агентом Комитета, работавшего ранее на Новом Пекине и переговорить с ним. Глизе, так Глизе. Мне было всё равно. «Я человек подневольный, куда Вы туда и я» — сказал я. Он лишь промолчал. И оставался хмурым и неразговорчивым до конца полёта.

Через три дня мы сидели в уличном кафе. На переполненной людьми улице, во втором по величине городе планеты Кардин. Я никогда там не бывал. Хотя и город и планета не сильно отличались от остальных внутренних миров Метрополии. Чистота, благосостояние, размеренность и лёгкий налёт скуки. Ещё недавно мы наблюдали паническое бегство не многих уцелевших после вторжения колоний, обитателей Флопеи, а теперь я лицезрел их соотечественников, спокойно болтающих и попивающих кофе, на залитой ярким солнцем, утопающей в зелени, улице, посреди мирного, живущего другими треуголами города. Беды одних, совершенно не изменили традиционный уклад других. Впрочем, как и всегда. Я с улыбкой представил как эта толпа, окружающая меня и беззаботно расхаживающая по улицам и площадям, разбегается во все стороны с дикими криками и вытаращенными глазами, появившись в их небе штурмовики Колоний, сбрасывающие бомбы на их головы и дома. Вот было бы зрелище... А пока я наслаждался чистым воздухом и прохладой, особенно долгожданной, после перелётов. Терпеть не люблю замкнутые пространства кораблей и спёртый воздух в их салонах и помещениях. Я с удовольствием жевал превосходный стейк и запивал его местным напитком, на основе какого-то злака. Крепким и обжигающим. И не сильно прислушивался к разговору Джонга и его коллеги, он представился как Николай, а фамилию я и не пытался запомнить. Они обсуждали свои дипломатические делишки, связанные с Новым Пекином. Я так понял, Николай работал с их политическим руководством, на первых этапах войны, а теперь приехал домой, повидать семью. Тогда я и услышал, что Метрополия высадила войска на Пекин, буквально несколько дней назад. Переговоры не увенчались успехом. Комитет проиграл эту схватку. В дело вступили пушки. Меня это мало заботило, а вот Джонга очень интересовал Новый Пекин, он буквально заставлял своего собеседника вспоминать все подробности, фамилии, места и события, свидетелем которых был Николай до отъезда с колонии... Позже я узнал причину этого любопытства... А пока мне всё нравилось. Еда, выпивка, отдых.

Я как раз управился со своим стейком, как в нескольких десятках метров от нас, дальше по улице, раздались крики и шум визжащих покрышек автомобилей. Поверх голов, сидящих вокруг людей, я заметил несущийся в нашу сторону маленький фургон. Ну, знаете из тех, в которых обычно перевозят замороженные продукты или полуфабрикаты, с холодильной установкой внутри. Он летел как сумасшедший, вилял, сбивал людей, таранил препятствия, будто водитель уснул за рулём или считал, что такой стиль вождения подходит ему как нельзя лучше. Послышался и звук сирен патрульных машин. Полиция гналась за фургоном, лавируя среди беспорядка, оставленного их преследуемым. Раздались выстрелы. Толпа в кафе и на тротуарах рядом со мной испустила дружный не то рёв, не то крик и ринулась врассыпную, не разбирая дороги, сшибая и опрокидывая столы. Люди падали. Давили друг

друга, толкались и буквально лезли по головам, лишь бы очутиться подалее от проезжей части и тротуара. Фургон в это время качнулся из стороны в сторону, накренился и врезался в угол здания метрах в пятнадцати от нас. Всё это заняло считанные секунды. Его появление, паника и звонкий удар металла и пластика о кирпичную стену.

Я, Николай и Джонг вскочили со своих мест, но не побежали. Сохранили хладнокровие и не поддались панике. Мы увидели, как задняя дверь фургона открылась и оттуда выскочило несколько вооружённых людей. Они принялись палить в полицейских. Тут уже мы, не сговариваясь, пригнувшись, поспешили к стоящему рядом автомобилю и все втроём спрятались за ним. В такой ситуации лучше уйти с линии огня, спрятаться, а не нестись с криками по открытому пространству, в надежде на спасение. Найти временное убежище и оценить обстановку, а потом уже действовать. Выглянув из-за машины, я увидел, как некоторые паникёры попадали под пули, намереваясь будто бессмертные, проскользнуть прямо между стрелявшими. Одна женщина, видимо, обезумев от страха побежала к дверям магазина, рядом с которым остановился фургон, при этом она чуть не свалила одного из этих людей. Наткнулась на него, что-то выкрикнула и упала. Пуля полицейского, стрелявшего в того мужчину, попала ей в грудь.

Численный перевес был на стороне блюстителей закона. Это хорошо понимали и убегающие от них. Как-то разом они выдали дружный залп и побежали в нашу сторону, стреляя на ходу. Причём не только в полицию. Во всех, кто попадался на глаза. Один из них поравнялся с нашим укрытием и хладнокровно застрелил скорчившегося за цветочной клумбой официанта кафе. Повернул голову и увидел нас. За доли секунды пока он поворачивал ствол винтовки в нашу сторону, Николай, бывший к нападавшему дальше меня и Джонга, с невообразимой скоростью успел кинуться к нему и принять на себя короткую очередь, предназначавшуюся нам. Его тело ещё не успело потерять равновесие, как он был мёртв. Тут же меткая пуля пробила голову стрелявшего в нас мужчины, не дав ему шанса закончить начатое. Николай упал на меня и тут же прогремел взрыв. Фургон был напичкан взрывчаткой. Кто-то привёл её в действие.

Оглушённый, я попытался подняться, и мой взгляд упал на лежавшего рядом стрелка, на отвороте его куртки был прицеплен маленький знак с изображением орла — символа «Сопrotивления». (пауза)

— Позже я узнал, что у Николая осталась жена и двое детей.

Зак Черезку

— Меня хотели отправить в тыл, на лечение, но я отказался. Готовилось что-то крупное и я горел желанием принять в этом участие. Синяки и ушибы сошли быстро, чертовски болело колено, отбитое при том допросе, но боль только распыляла во мне жажду мести. Хотелось найти тех сволочей и поменяться с ними местами. Вот была бы потеха. Я бы показал им, что не только они поднаторели в искусстве близкого общения с пленными... Руки, конечно, доставляли самое большое неудобство, болели долго. Но нажимать на спусковой крючок я мог, а большего и не требовалось. Полковой врач только махнул рукой на мой отказ от эвакуации в тыловой госпиталь и раздражённо бросил «лишь бы ты не был обузой». Ему было всё равно. А я хотел действовать.

Наш полк больше не распылял силы, гоняясь за маленькими отрядами неприятеля. Такая тактика себя не оправдала. В этой игре мы постоянно оказывались на шаг позади. Плясали под чужую дудку. По их правилам. Хорошо, что командование не топталось на месте. Реагировало на обстановку. Если Сопrotивление и его мобильные отряды пользуются

поддержкой коренного населения, устраивают свои базы в их деревнях или снабжают оружием, значит, пришла пора избавиться от этих местных. Выжечь их дома и тайные убежища. Лишить Соппротивление возможности опираться на них. Полностью зачистить территорию. Планомерно и тщательно. Всё тот же принцип — если вы не с нами, значит вы враги.

— А те, кто просто прятался от войны? Встречали таких?

— Да, были и такие. Не скажу, как было в других местах. Знаю только то, чему был сам свидетелем. Им не повезло больше остальных. Переждать — не лучший выбор. Думаете Метрополия — зло? Куда там!

Вот вам пример... Наверное, в том месте раньше добывали мрамор или что-то подобное. Я не специалист по камням. Но там был большой карьер, в предгорье, старый и заброшенный. Несколько зданий, ангары для техники и оборудования. Рядом озеро, возможно образовавшееся после ухода людей, на месте извлечённой породы. Линия электропередач, позже выяснилось, что действующая. В общем, находка для лагеря или постоянной базы.

Мы двигались на север, судя по картам, в этом районе было полно таких брошенных разработок. Между ними даже сохранилась старая железная дорога, пришедшая в негодность, поросшая кустарником и травой. Мы должны были прочесать окрестности, в поисках убежищ повстанцев. Найти их норы или маршруты передвижения. Зачистить этот сектор.

Колонна нашей техники вышла к тому карьеру не задолго до темноты. Первое, что я увидел — тела. Много тел. Мёртвые лежали у дороги, вдоль проволочного забора вокруг административного здания, двухэтажного, с плоской крышей, на которой я заметил импровизированный наблюдательный пункт. Раздвижные ворота ограды покорёжены. Большой грузовик, со сгоревшими покрышками и пятнами копоти, уткнулся в стену бетонной будки, находящейся за ними. Возле него два обгоревших тела. Видимо, водитель и тот, кто сидел рядом. Они протаранили ворота, прежде чем их подожгли. На площадке перед зданием стояло десяток машин, и легковые и внедорожники, даже дом на колёсах, подобный я видел в детстве, в нём жила семья моего товарища, мы вместе ходили в школу. Машины изрешечены пулями, местами повреждены огнём. Среди них также тела — все в гражданском. Не военные.

В самом здании на первом этаже, мы нашли ещё больше погибших. Я видел детей и женщин. Многие находились в почерневшей от огня комнате, среди самодельных кроватей, столов и спальников, расстеленных на полу. Тут же были их вещи и одежда. Они задохнулись от дыма. Сложно понять кто, нападавшие или защищающиеся, а может, те и другие использовали самодельные зажигательные гранаты, что-то наподобие ёмкости с горючим и фитилём, поджигаемым перед броском, одна из таких штук угодила в окно и подожгла находящиеся в комнате тряпье, от него вспыхнуло всё остальное... Наверное, так и было. Или почти так.

Мы обошли все строения и округу. Насчитали тридцать восемь тел.

— Кто это сделал и почему?

— Откуда мне знать?! Мне уже осточертела эта планета и эта операция. Надоело... Может, это сделали повстанцы, может одна группа гражданских, укрывшихся здесь, не пустила, послала к чёрту или отказалась делиться припасами с другой группой, таких же как они... Не знаю. Мало ли кто. Война шла уже давно, и в этом безумном котле всё

перемешалось. Правительственные войска, союзные колонии, сопротивление, гражданские, поддерживающие нас, гражданские поддерживающие восстание... гражданские никого не поддерживающие... мародёры и беглецы... Там всех хватало. Это вам не грёбаная шахматная партия, где есть белые и чёрные, не конфликты прошлого, где исполненные гордости и чести, посвятившие всю свою жизнь войне рыцари, в честной схватке решали кто достоин победы, а мирное население с равнодушием наблюдало со стороны исход боя, понимая, что их жизнь останется прежней, кто бы не взял верх... Новый Пекин — это не две стороны и не благородство и не честь.

Много людей не пожелало ни остаться лояльными Метрополии, ни кинуться в объятия союзных колоний. Они спасали себя... и свои семьи. Возможно, на их месте я поступил бы так же. Их бросили. И они никому не доверяли. Ни нам ни Сопропротивлению. Решив уйти подальше от заварушки, они надеялись остаться в стороне, но там где нет сторон — нет и законов, а беззаконие порождает произвол, за которым следует жестокость и стремление к выживанию, даже за счёт других.

В послевоенных докладах вы найдёте примеры так называемых военных преступлений, совершённых обеими сторонами. Но как классифицировать убийства одних гражданских другими гражданскими? Об этом вы думали?

— Мы никогда не узнаем...

— Мы никогда не узнаем, сколько деревень и городов вычистило Сопропротивление. Сколько одурманенных подростков сдало своих же родителей этим фанатикам. Скольких они обвинили, приговорили и казнили за лояльность Метрополии. Вот это мы не узнаем. Как и в скольких местах население искало пристанище и безопасность, как они выживали и чем кончили. Уверен им было бы что рассказать о человеческой сущности. Те, найденные нами тридцать восемь человек, поведали, если бы могли о милосердии и правде.

— Вы считаете, что правда была на вашей стороне?

— Я лишь выполнял приказы.

— Другие скажут то же самое — «выполнял приказ».

— И будут правы. И я их пойму. Лишь бы молчала собственная совесть. Если она есть.

Я сверяюсь с заметками в своём блокноте.

— Тот человек — Джейк, спасший вас. Он ещё одна сторона?

— Ааа... Это... Можно сказать и так. Я называл их «слепцы». Они иногда попадались среди фанатиков Сопропротивления. Некоторые считали их трусами и дезертирами, спасающими свою шкуру, но я видел в них другое — разочарование. Нет, не войной и смертью, не ужасами конфликта. Нет. Такие, как он прозрели, увидели, куда их завела слепая вера в бредовую идею о равенстве и братстве. Они не испугались и не открестились от восстания. Они вдруг поняли, что воюют и ненавидят людей ничуть не лучше и не хуже их самих. И разум подсказал им простой вопрос... «Почему»? Тот, кто не нашёл ответа, стал «слепцом». Я видел, как это происходит.

Наш рейд продолжался. Было несколько мелких стычек с отрядами Сопропротивления. Ничего серьёзного. Мы обшаривали долину за долиной, овраг за оврагом, пещеры и леса, подступающие к горной цепи. Однажды нашли тайник с оружием. Двое наших, забыв про осторожность, подорвались на растяжке, специально оставленной нам в подарок. Грохот взрыва, усиленный крутыми скалами, лучше всяких разведчиков сообщил неприятелю наше местоположение. Но мы продвигались. Довольно успешно. Вообще, план был хорош. Мы знали, что гоним перед собой отступающие отряды этих вояк, не осмеливавшихся вступить с

нами в настоящий бой. Настроение у нас было приподнятое. Всё шло идеально.

В тот день я был в передовом дозоре. Мы сидели на краю перелеска, под прикрытием зарослей какого-то кустарника, дальше шла открытая местность, дорога по которой двигался полк, проходила чуть левее и разветвлялась. На юг, к какому-то городку и на север к находившейся в нескольких километрах обсерватории на вершине скалы. Нашей целью был этот город, наверняка покинутый жителями. Но и нагромождение всевозможных антенн и приземистых зданий, оставлять без внимания было нельзя. Нам поручили проверить то место. Мы подошли почти вплотную к этой обсерватории. Дорога — крутая и широкая, хорошо просматривалась, но вдоль неё, с обеих сторон, шла полоса низкорослых деревьев. Это дало нам возможность подобраться не замеченными.

Там я и "встретил" «слепца», точнее, стал свидетелем его прозрения. В оптику хорошо была видна группа людей, стоящих на бетонной площадке, рядом с каким-то складом. Ворота широко распахнуты. Внутри угадывались силуэты машин. Перед группой из четырёх человек, в форме Сопротивления, на коленях, рядком, находилось несколько людей, в штатском. Их было шесть или семь. Кусок здоровенной антенны закрывал мне обзор. Те, четверо о чём-то спорили, судя по их жестам. Мы насчитали ещё почти двадцать бойцов, большинство крутилось около ангара. Три человека следили за дорогой, ведущей к обсерватории, но сейчас они смотрели на разыгрывающуюся сцену, с участием их товарищей и пленников. Из-за расстояния я, конечно, не слышал голосов, но прекрасно видел случившееся далее.

Один из четвёрки, резким движением достал пистолет и почти в упор выстрелил пленнику в голову. Тот повалился. Остальные продолжали смирно ждать своей участи. Ещё выстрел — ещё один труп. Затем ещё. Стрелявший постоянно оглядывался на остальных, словно подавал им пример... или урок. Потом он сунул оружие в руку другого парня и указал на оставшихся людей. Тот отрицательно покачал головой и что-то сказал. Всё это происходило под внимательными взглядами других бойцов Сопротивления. Но они не вмешивались, только с интересом наблюдали, на время оставив свои дела. Несколько минут длилась перепалка. Парень с пистолетом так и не поднял руку. Потом, видимо, исчерпав запас аргументов, споривший с ним, коротко кивнул, давая команду... Бах... Даже я вздрогнул... Выстрел. Ошмётки черепа и кровь летят во все стороны. Тело мешком валится на бетон. Из мёртвой руки берут пистолет. И всё это происходит спокойно и даже буднично. Реакция окружающих нулевая. Они продолжают свои дела.

— Затем убили пленников?

— Естественно.

— А дальше?

— Мы сообщили командованию. Получили приказ не дёргаться и следить. Через полчаса их братия, погрузившись на машины, оставила обсерваторию... и трупы. Наши встретили их в долине. Не ушёл никто. Главное мы захватили одного из них живым, и он рассказал много интересного. Но это было потом. А тогда, разглядывая тела убитых, я понимал, что труп совсем ещё молодого пацана у моих ног — это труп «слепца».

— Думаете, он поступил не правильно... тот парень?

— Думаю, он стал мертвецом. Какая теперь разница?! Он сделал выбор. В пользу других. Только им это не помогло.

— Я слышал о людях, спасавших других ценой собственной жизни.

Зак некоторое время молчит.

— Да-да. Юнхэгун. Я знаю. Я был там...

Том Линк

— Они были так молоды. Возможно, для меня возраст имел большее значение. Опыт и ностальгия по дням моей юности. Но они были детьми. По-другому я не был способен их оценивать. Когда ты сам отец, когда любишь своё чадо, непроизвольно смотришь на таких, как эта парочка, с долей отцовской нежности. И, конечно, имеет значение место, время и обстоятельства. В полутьме комнаты, боком ко мне, Янис мог бы сойти за моего сына, а та девушка за его новую подружку из университета. Но мы были не дома, и на занятия они не спешили, они участвовали в войне. В свои то годы...

Когда я вошёл и нарушил их уединение, лица, обращённые ко мне, за несколько стремительных секунд выдали все возможные эмоции, присущие застигнутым врасплох людям. От кроткой надежды и радости до изумления и страха. Страх не за свою жизнь или здоровье. А страха людей, обладающих секретом, боящихся за его сохранность. Им было что терять, это читалось это в их глазах.

Я сделал несколько неловких шагов и со всей возможной скромностью и искренним чувством вины представился и коротко обрисовал ситуацию. Испытывал неловкость, граничащую со стыдом, прервав их, вторгнувшись без приглашения в их мирок. Янис с удивлением выслушал меня. В его голосе сквозило лёгкое недоверие, но оно было мне понятно. Мысли его были с этой девочкой, война, Джейк и его отец, в тот вечер, не интересовали его.

Он распереживался. Сказал, что должен уходить. Мне удалось убедить его, что деньги и время не проблема. Я заплатил за час и если будет необходимость — заплачу ещё. Только бы он рассказал всё, что знает о Джейке.

Так, наша странная компания провела ближайшие два часа. Я, сидя в неудобном кресле, и они, пристроившись на краю кровати, плечом к плечу, держась за руки. Представляете эту картину? Старик, солдат и девушка... оказывающая интимные услуги... в грязной забегаловке, на краю света... Мой рассказ был самым коротким и простым. Мария так звали девушку, молчала большую часть времени. А вот Янису было что рассказать.

— Янис лично знал вашего сына, — встречаю я.

— Да. И даже больше. Он знал, где Джейк мог находиться. Пусть приблизительно, с учётом превратностей войны, но это было хоть что-то. Янис рассказал мне подробности боя, в котором получил ранение, описал место... Вспомнил некоторые имена.

Джейка он знал ещё с учебного лагеря. Какое-то время они воевали вместе на Новом Пекине, между ними не было тесной дружбы, но как и всех в Сопротивлении, их объединяла одна цель и давала повод для общения. Чем-то они были похожи. Слушая его рассказ, я вспомнил слова сына «мы ошиблись, нам здесь не место». Вот и Янис, описывая произошедшие события, произнёс «я понял, что мне там не место». Так же, как и Джейк. Они оба увидели свою ошибку, оба разочаровались и оба хотели лишь одного — вернуться домой и забыть тот кошмар.

Прошло чуть больше месяца с момента, когда они виделись в последний раз. Чувствуя мои сомнения, Янис стал доказывать, что отряды, в которых действовали они, могли затаиться на вражеской или нейтральной территории на несколько недель. Выждать, прятаться или отступать, ждать новых приказов. Порой это длилось продолжительное время. И Джейк, вполне возможно, жив и здоров.

— Он сказал, как они расстались?

— Да. Войска Метрополии охотились на них. Искали повсюду. Отряд Джейка отступал, уходя на ничейную территорию, а Янис со своими товарищами шли на задание, не зная об изменившейся обстановке. Отряды встретились. Их нашли и попытались отрезать. Четыре дня они вместе отступали в надежде уйти от преследователей... Но силы были не равны. Янис получил ранение в шею. Так вышло, что с несколькими товарищами им удалось в суматохе боя вырваться из кольца и дойти до своих. Джейк и остальные должны были уходить по направлению к какому-то старинному монастырю, указанному на их картах, в горы, там, где их труднее найти и окружить. Больше он ничего не знал. Но подозревал, что Джейк жив. На мой вопрос «откуда такая уверенность» Янис ответил, что знает одного парня из отряда Джейка, от знакомых он слышал, что тот жив. А значит вероятно жив и Джейк. Больше всего я хотел этому верить.

Бывает, мы получаем помощь от того, кому она сама требуется. Когда совсем этого не ждём. Случайности происходят постоянно, и некоторые меняют нашу жизнь. Я давно в этом убедился. Мы трое в тот вечер нуждались в помощи и как-то само собой пришли к выводу, что можем и должны попытаться. Разговор затих. Повисла тишина. Каждый думал о своём. Янис кусал губы и угрюмо смотрел в пол. Я получил необходимые сведения, правда, это мало что меняло. Сын там... я здесь. Разумеется, я хотел отправиться на Новый Пекин, найти, обнять, вытащить его оттуда... Понимаете какое это идиотское желание? Бред сумасшедшего! Я погибну там, если мне вообще получится вступить на поверхность планеты. Допустим, это удастся! Что я буду предпринимать? Объявлю всем, что забираю сына домой? Буду бегать вдоль линии фронта и уговаривать воюющих оставить стрельбу и дать мне время забрать Джейка? Или надену военную форму и с винтовкой в руке проберусь, как заправский диверсант, на чужую, незнакомую территорию, буду обшаривать горы и леса, выкрикивая имя Джейк? А потом доложу его командиру и товарищам, что он должен немедленно вернуться домой, а вы оставайтесь? Нормальный человек покрутит у виска и посоветует проспаться, услышав такой план.

Но в моей голове, как гонг звучали слова «должен...должен...должен», любым способом. Я был готов на всё.

Мария. Эта маленькая, хрупкая девочка... В ней было столько силы и надежды. Чистой доброты и сострадания... Я не мог похвастать таким. А она посмотрела на Яниса и тихо, но уверенно произнесла — «Ты должен помочь мистеру Линку».

Признаюсь, у меня навернулись слёзы. Её слова подтолкнули мою решимость. Всё можно сделать, если сильно захотеть, подумал я. Янис, в свою очередь, увидел шанс для себя и Марии, ничтожный, опасный, вряд ли осуществимый — но шанс. И попросил меня об одолжении, в обмен на его помощь. Мы обсудили наши предложения. Понимая, что рискуем всем, но в безвыходной ситуации, нужно цепляться за самую ничтожную возможность. Другого пути нет. И мы придумали наш план. Больше похожий на сценарий низкобюджетного кино, снятого отвратительным режиссёром.

— В нём было много «если»?

— В точку. Очень много. «Если» Янису удастся провести меня на транспортный корабль, отправляющийся завтра вечером на Пекин, «если» он сможет раздобыть форму для меня и сделать так, что мои документы не вызовут подозрений, «если» попав на место, нам удастся хоть какое-то время остаться вместе, «если» нам двоим выпадет возможность отправиться на поиски Джейка, попросту говоря, дезертировать, «если» нас не поймают, «если» мы не попадёмся войскам Метрополии... ещё тысяча всяких «если». Только слепая

удача и возможно неразбериха и суматоха на фронте, могла привести нас к цели. Шанс — один из миллиона, не больше.

— О чём вас попросил Янис, что вы могли сделать для него?

— Я должен был освободить и укрыть Марию. Найти ей безопасное место, где бы она могла спрятаться и оставаться там... до конца всего этого.

— Где же вы нашли такое место?

— В доме, где я снимал комнату. У той молодой семьи. Они жили на краю города, с посторонними общались мало. Мужчина по несколько суток не появлялся дома, работал на ферме. Его супруга трудилась в госпитале и возвращалась, как правило поздно вечером. У них не было родни и почти не было друзей. Всё свободное время они проводили вдвоём. Я был уверен, что могу рассчитывать на их помощь. И не ошибся.

Эта часть плана прошла на удивление легко. Нам удалось вытащить Марию и спрятать у той семьи, в эту же ночь. Я им всё объяснил, передал большую часть оставшихся у меня денег на сопутствующие расходы и встретил понимание. Её история глубоко тронула тех людей, и они охотно предоставили убежище. Пообещав сделать всё возможное для неё. С этим мы справились.

Ближе к обеду, следующего дня я встретился с Янисом. До вылета оставались считанные часы. Он спешил, как мог. Не знаю чего это ему стоило, но я стал обладателем командировочного листа, со всеми необходимыми подписями и штампами, гласящего, что его предьявитель, Том Линк — гражданский инженер, направляется на Новый Пекин, по заявке военных, для работ по восстановлению захваченной инфраструктуры. На месте я должен был влиться в инженерные команды Союза, набираемые из добровольцев, занимающихся восстановлением и наладкой производства на подконтрольных ему территориях. Имелись в виду заводы и фабрики Нового Пекина, ради мощностей которых Колонии и намеревались захватить планету. Янис заплатил за эту бумагу. И раздобыл посадочный талон на транспорт. Большая удача, сказал он. И это было так. В этой роли я не подчинялся военным и некоторое время после прибытия мог рассчитывать на некую свободу действий. Вряд ли воякам было дело до какого-то инженера, прибывшего на планету.

— Неужели так легко?

— Удивляетесь, как просто нам это удалось?

— Да.

— Я и сам был удивлён. Но если посмотреть на ситуацию получше, вы бы увидели неразбериху, спешку, легкомыслие и наплевательское отношение. Когда такие толпы постоянно перемещаются с места на место, гибнут, пропадают, лечатся, воюют, работают... делают чёрт его знает что, контролировать, отслеживать и управлять ими становится непростой задачей. Для этого нужна логистика, подготовленные кадры и чёткий план, плюс материальные ресурсы и умные головы, а Колонии бросились воевать с Метрополией, поддавшись эмоциям, сгоряча, без должной подготовки и просто физически не могли сохранять порядок. Впрочем, на той стороне ситуация была не лучше. Эмоции двигали всеми.

Проще говоря — мне повезло. Повезло встретить этих двух молодых людей. Повезло, что они оказались такими... Я летел на Новый Пекин.

— Вы не сказали чего хотела Мария. У неё были к вам просьбы?

— Она попросила меня вернуть Яниса живым.

Ли Во Джонг

— В моей работе личные эмоции не должны иметь значения. Как и собственные интересы. Это мешает, искажает реальную картину и приводит к ошибкам. Раньше мне удавалось быть бесстрастным, решать проблемы, опираясь на логику и необходимость. Трезвый расчёт. Непредвзятые суждения и беспрекословное выполнение приказов начальства. Но как и многие люди, считающие, что они точно знают, как поступят в той или иной ситуации, я ошибался. Обстоятельства меняются и люди, обещавшие себе «никогда» забывают это обещание и действуют вопреки своим принципам и убеждениям. А может это наша человеческая натура, что делает нас разумными, живыми, обладающими душой.

Моё «никогда» связано с моими родителями. С местом моего рождения. С обидой, которую я носил в себе с самого детства. Спрятанную глубоко — глубоко, запертую на множество замков, но оставшуюся, навсегда.

Моя должность предполагала общение со многими людьми, я должен был хорошо разбираться и разбирался, в политической, экономической, культурной и исторической особенности колониальных миров. С началом войны мне пришлось изучить или выудить из памяти всё, что могло пригодиться для полного понимания, жителей колоний. Понимание было ключом к эффективной работе комитета. Как сказали бы военные — для победы над врагом нужно его хорошо изучить. Вот и нам для успешных переговоров нужно было знать с кем мы сидим за столом. На какие кнопки давить, какие аргументы целесообразно озвучивать, что имеет ценность для наших визави... Но Новый Пекин я сознательно обходил стороной, маленькая прихоть, если хотите, слабость, дозволенная самому себе. Им я не интересовался. Никогда. Одно его упоминание выуживало из памяти неприятные ассоциации и раздражение. Меня не привлекали для работы с этим направлением.

Когда я узнал о провале переговоров с властями Пекина и о высадке наших войск на планету, я неожиданно для самого себя, вспомнил один разговор со своей матерью. Это было очень давно, во времена моей юности. Тогда я часто требовал от неё ответов, жалел себя, не мог смириться, смирение пришло позже, а тогда во мне жила обида и негодование, вызванные воспоминаниями о моём отце. Хотя я сам, раз за разом поднимал эту тему. Тот разговор не принёс мне удовлетворения, не утолил жажду справедливости, не принёс душевного спокойствия, но тихий и уверенный голос матери, в сотый раз объясняющий мне подробности её расставания с отцом, причины переезда на Землю... Я думаю, там и настал момент, когда от избытка эмоций и переживаний тема отца, не дающая мне покоя, исчерпала сама себя. Я просто решил не думать о нём. Не тратить нервы. Словно перегорел. Остыл и принял как должное. На долгие годы.

Но короткое сообщение от руководителя — «наши высаживаются на Пекин», пробудило во мне странное чувство. Переживание. Озабоченность. Связанную с моей семьёй. Личные эмоции, столь долго прятанные мною на задворках памяти. Наверное, я вырос. Повзрослел. Набрался опыта и избавился от юношеского максимализма. Мне вдруг стало — «не всё равно».

Как опасно поддаваться эмоциям, я убедился тут же, через несколько дней, когда отправился на Глизе, и встретился со своим коллегой, работавшим с Новым Пекином. Шеф дал на это разрешение. Хотя не понимал, для чего это нужно. Я и сам не понимал. Поддался импульсу. Мало того... это решение могло иметь куда более серьёзные последствия, ведь я потащил туда Маркуса Альери, даже не подумав о роли и ценности, которую он представлял для нас и о задаче, над которой мы трудились. И поставил его жизнь под угрозу. Косвенно, но всё же. Он мог погибнуть, и тогда нашим планам пришёл бы конец. Да, перестрелка

фанатиков-подпольщиков из Сопротивления с полицией на Глизе и наше в ней «участие» — это нелепое стечение обстоятельств, но оно произошло. Альери уцелел... А мой коллега, наслаждавшийся заслуженным отдыхом и общением с семьёй, нет. Потому что пришёл на встречу со мной. Стечение обстоятельств не более... Но мне от этого не легче.

— Ваш отец жил на Новом Пекине?

— Да. Он и мой сводный брат.

— Вы совсем не поддерживали контакт?

— Мне было два года, когда моя мать оставила Пекин и переехала на Землю. С тех пор я ни разу не видел и не разговаривал ни с отцом, ни с братом. Но всегда винил отца. Считал его виновным в нашем переезде. Упрекал в том, что он бросил мою мать и меня. К тому же нам пришлось несладко. Нехватка денег, частые переезды, ограничения, вызванные отсутствием гражданства, предвзятое отношение. Много чего. Было тяжело. Мама многим пожертвовала, чтобы дать мне дорогу в жизнь. И чем труднее нам было, тем больше я винил отца.

— А она?

— Ни одного плохого слова. Так распорядилась жизнь. Слишком разные. Не получилось. Вот как она говорила.

— Вы захотели им помочь?

— Честно не знаю. Такое не побороть и не исправить в одно мгновение. Годы я делал вид, что их не существует, вычеркнул из списка контактов. Нелегко изменить себя. По сути, они были чужими для меня и совсем незнакомыми людьми. Но я проявил интерес, сам не понимая почему.

Вернувшись на Третью Республику и получив нагоняй от начальства, я пребывал в растерянности и сомнениях. Признаюсь, одна часть меня твердила успокойся, забудь, а другая почему-то нашёптывала, ты должен помочь. Я позвонил матери. Она слышала новости о Пекине. Сказала, что сама собиралась связаться со мной:

«Ты можешь помочь отцу?»

«Ты бы этого хотела?»

«Ну, разумеется... К тому же это наш дом... Я скучаю по нему...»

Примерно так мы поговорили. Так, эта война затронула меня лично. И возможно, тогда я совершил самую большую свою ошибку.

Я знаю, что скажут вам военные, высшее руководство и все, кто принимал решения в то время — на угрозу должна быть адекватная реакция. Гоняться за призраками слишком затратное и утомительное занятие. Любой доживший до нашего времени генерал, обвешанный медалями, приведёт неопровержимые доказательства своей правоты и будет с пеной у рта заявлять, что армия и Генеральный штаб сопоставили возможности, просчитали риски и действовали согласно сложившейся ситуации. Так, их учили в академиях. Так, они вели ту войну. Лучевое оружие попало в руки к противнику, хорошо, это свершившийся факт. Нужно ли его найти? Конечно! Если его используют, будут огромные жертвы. И это правда. В этом нет сомнений. Но... война затронула десятки планет. Даже некоторые внутренние миры подверглись атакам и продолжали подвергаться. Фронт растянулся на невообразимые расстояния. Миллиарды людей прямо или косвенно участвуют в конфликте. Потери, с обеих сторон не поддаются исчислению. Цифры, цифры, цифры... Если их сложить. Если суммировать потери и возможные жертвы в будущем... Лучевое оружие не будет иметь шокирующий эффект и тем более не повлияет на расклад сил. Не даст преимущества

Колониям в военном плане. Моральное воздействие куда более опасная штука. Политическая составляющая, мнение избирателей, возможное осуждение, утрата позиций, голоса недовольных — вот настоящие риски для карьеры власть имущих. Вот главная забота руководства. Отвечать на реальную угрозу, направлять ресурсы на решение видимой проблемы. Осязаемой, понятной. А возможности могут так и остаться возможностями. И бомбардировка любой планеты лучевым оружием это всего лишь возможность. Главное, чтобы не на внутренних мирах. Для этого достаточно удвоить контроль за космическим пространством. Усилить оборону планет Метрополии и уничтожать любой корабль, приближающийся к внутренним мирам, если он не наш. Доктрина проста. Недопустим применения этого оружия на нашей территории. Сможем найти и предотвратить — здорово. Нет — защитим свои границы. А если под ударом окажутся собственные войска, так гляньте на сводки, за месяц мы теряем столько солдат, что уже никто и не боится попасть под прицел оружия массового поражения. К потерям готовы. Не привыкать.

Так, они и думали. Целесообразность. Какой смысл гоняться за лучевым оружием и рвать не себе волосы, в страхе перед ним, если только на Марсе число погибших превысило двенадцать миллионов, а в обрабатываемых генштабом списках потерь, самая маленькая единица учёта — бригада. Потеряно столько-то бригад. Так легче считать.

— Хотите сказать, они потеряли к нему интерес?

— Они перестали бояться. Президента убеждали в надёжности нашей системы обороны. Парламент убеждал избирателей в технических сложностях применения лучевого оружия. Люди убеждали сами себя в том, что жертвы на войне неизбежны. Об этом говорили легко. А со временем совсем перестали. Каждый, кто мнил себя военным экспертом, перевёл лучевое оружие в разряд «гипотетически вероятного».

— Возможно, они были правы...

— С точки зрения статистики и сухих цифр — возможно. С точки зрения людей, с трепетом относящихся к каждой человеческой жизни — нет. Не правы. Психология понятна, я никого не виню. К смертям и потерям привыкают. Тут уж ничего не поделаешь. Любая техногенная катастрофа, унёсшая сотню жизней — широко освещается СМИ. Смакуется со всеми подробностями, вызывая у обывателя чувства сопереживания и горя. О нём болтают неделями, устраивают ток-шоу, наперебой выясняют у экспертов причины, строят домыслы... Это занимает людские умы. Это настоящая трагедия, сотня жизней, только вдумайтесь, сотня. Люди жертвуют деньги, устраивают сборы средств и помогают родственникам погибших, чувствуя искреннее желание помочь хоть чем-то. Сто человек, сто не сбывшихся надежд...

А потом приходит война и сотня душ уже не трогает никого. Тысяча, миллион, больше миллиона... Люди привыкли. Им уже не так больно и не так страшно. Они ЗНАЮТ, что будут ещё погибшие и готовы к этому. И цифры не так ошеломляют. Они перешли черту.

— Однако катастрофа на Новом Пекине вызвала у общественности шок, как вы это объясните?

— Шок — верное слово. Он нужен был всем. При всей своей чудовищности те события, положили конец войне. Почему? Потому что она достигла своего апогея. Люди достигли предела эмоционального напряжения. Их психика дала трещину, сквозь которую прорвалась реальность, обескураживающая, отвратительная, пугающая. Они проснулись. Смогли увидеть, что до края, за которым нет победителя и побеждённого, остался один короткий шаг. Пусть таким способом, но человечество остановило падение в бездну. Спасло, то

немногое, что осталось. Возможно, даже дало себе второй шанс.

Я бы предпочёл, чтобы таких стимулов одуматься не потребовалось. Но обе стороны не могли и не хотели останавливаться, пока как гром не грянули события на Пекине. Тогда они и опустили оружие... Но какой ценой?!

— Вы сказали «совершил ошибку». О чём идёт речь?

— О моём брате.

Александр Борроу

— Тоталитарный режим. Так это раньше называлось. Наши далёкие предки нахлебались этого немало. Абсолютное зло — полнота власти в руках одного человека, казалось, кануло в Лету. Ошибки учтены. Уроки выучены. История запомнила имена «выдающихся» людей, жаждущих власти и подчинения, и научила их потомков осмотрительности, наглядным примером показала ужасы тирании и последствия возвеличивания личности. Казалось бы, чего проще. Помнить свою историю. Не допустить повторения. На ошибках учатся... будь так, человечество давно бы уже избавилось от глупости. Но почему-то раз за разом в разных местах, при схожих обстоятельствах, при удивительном одобрении толпы, появляется амбициозная личность, дающая надежду и цель, так нуждающейся в этом нации, а потом извращает её. Прикрываясь добродетелью, использует людей лишь для одного. Власти. Её завоеванию и удержанию.

А тирании как и диктатуре, присущи такие необходимые ей инструменты как внешний враг, секретные службы, слежки за населением, цензура, искажение фактов и подавление инакомыслия. И мы до этого дошли...

Пока не началось восстание, пока Сопротивление в открытую не объявило свои права на справедливость и избавление от гегемонии Метрополии, эти инструменты применялись осторожно, незаметно, малыми порциями. Но начало войны положило этому конец. В одно мгновение мы перестали притворяться. Благо общество было к этому готово.

Я приехал на совещание кабинета министров, в президентский дворец, ранним утром. Совещание экстренное. О нём мне сообщили за час до его начала. Вошёл в кабинет и занял своё место. Остальные приглашённые прибывали группами или поодиночке, со свитой помощников и заместителей. Я перекинулся парой фраз с министром финансов и принял из рук секретаря запоздалый отчёт о квартальной проверке военно-технического обеспечения наших сил самообороны. После заседания мне хотелось обсудить с Самуэлем некоторые цифры, требующие внимания.

— Об этом я хотел спросить. Во время поездки на Цирон, вы договаривались о поставках вооружений?

— Да. Но предвосхищая ваш следующий вопрос, сразу скажу... только договорённость... я знал, что речь идёт об оружии, конечно, но про Лучевое... моя задача была «прочитать» продавца, стоит он доверия или нет...

— К чему такая секретность?

— Договор с Метрополией регулировал оснащение наших планетарных сил самообороны. В нём было прописано, что мы могли иметь и производить сами, а что запрещалось. Договор существовал долгое время. Подписали его, наверное, лет шестьдесят назад и за эти годы его условия ни разу не менялись. Он просто был, и всё. Как один из пунктов наших взаимоотношений с центром.

— Но вы его нарушили.

— Само собой. Нарушили в тот момент, когда заключили сделку с тем человеком.

Иногда, я думаю, лучше бы правда вышла наружу и власти Метрополии узнали о нарушении нами соглашения. Был бы чудовищный скандал. Возможно реакция, санкции. Угрозы и требования отставки правительства. Всё что угодно, вплоть до ареста президента и вмешательства центра в наши внутренние дела... Это спасло бы нас всех. Да и не только нас.

— Что было на том совещании?

— Да, простите. Совещание... Рангози появился последним. Занял своё кресло. У него были покрасневшие глаза, признак бессонной ночи. Даже всегда безупречно выглаженный пиджак местами помят, неслыханное дело. Без предисловий он объявил о восстании на Ероне. Я бы хотел сказать, что окружающие были поражены, но нет. Министр юстиции, сидевший рядом со мной, даже пробормотал «давно пора». Я посмотрел на него как на идиота, но заметил, что остальные всем своим видом показывают, что думают примерно так же. «Давно пора», похожие слова произнёс Самуэль несколько лет назад, только он сказал «время пришло». Сути это не меняет. Мы были готовы к конфронтации с метрополией.

Совещание закончилось ближе к вечеру. Его итогом стали такие вещи, как введение на всей планете чрезвычайного положения, запрет на перемещение гражданских, действующий вплоть до особого распоряжения, приведение сил самообороны в повышенную боевую готовность, мобилизация военизированных партийных формирований и ещё множество запретов, указов и постановлений. Сейчас уже и не вспомню всё. В общем, государственный аппарат приготовился к худшему. К войне. Вы спросите, почему мы так резко приняли такие меры, лишь получив информацию о восстании одной колонии против метрополии? Ответ очевиден — мы сами были готовы к восстанию. Готовы психологически, идеологически, если хотите. Не зря же последние годы общество с восторгом смотрело, как наши дети ходят строем, поют военные гимны и учатся обращению с оружием. Не зря политическая машина перевозносила нашу гордость и уникальность. Цитаты, лозунги, разговоры за столом, на рабочем месте, в парке на прогулках... Везде сквозило еле заметным пренебрежением и неприязнью к Метрополии. Ни слова в открытую. Ни на радио, ни в Сети, ни на массовых мероприятиях. Но словно по молчаливому уговору, националистические настроения присутствовали везде. От уроков истории в школьных кабинетах до действий Министерства иностранных дел. Если бы центр не был так погружён в свои заботы, если их разведывательная служба перестала заниматься ерундой и хоть немного интересовалась настроениями в колониях... Да даже войска, находившиеся на нашей планете, не видели дальше собственного носа, им было безразлично, что происходит за стенами их баз, лишь бы солдат Метрополии не учинил драку в местном баре, находясь в увольнении. Вот что заботило их командование. Проведи мы военный парад перед их воротами, они и этого не заметили бы. Занятые пересчётом дней до окончания своей командировки...

Партия была готова, население было готово, президент был готов.

Там было и ещё кое-что. Приказы на аресты партийных членов. Подозреваемых в нелояльности. Вечером мы собрались «узким кругом», Рангози, я, министр внутренних дел, министр промышленности и министр обороны. Я с ужасом слушал доклад руководителя министерства внутренних дел о готовом списке «неблагонадёжных» людей, составленным его ведомством. Многих я знал лично. С некоторыми был в дружеских отношениях. Самуэль коротко сказал — «Начинайте».

— Обвинения были обоснованными?

— Нет. Во всяком случае я был уверен, что это так. До этого уже случались отстранения от должности и даже громкие судебные процессы, освещаемые СМИ и вызывающие

всеобщее одобрение. Обвинения в растрате государственной собственности, некомпетентности, халатности и т. д. К такому мы уже привыкли. Партия постоянно чистила свои ряды. Я не вникал в подробности, не моя сфера. Соглашусь, что многие дела были сфабрикованы. Но это было слишком. Неблагодёжный — я и думать о таком не мог.

— Приняв решение о чрезвычайном положении, вы не думали о реакции колониальных гарнизонов? Уж на это они должны были отреагировать.

— Конечно, думали. Точнее, президент обо всём уже позаботился. Министру обороны тоже было что сказать. Самуэль спросил у него, сколько времени займёт подготовка, переброска войск и разоружение гарнизонов. Тот ответил, что в течение ночи всё будет сделано. Если он получит приказ. Приказ он получил тут же.

— Вы не пытались помешать этому?

— Что я мог? События произошли так стремительно... К тому же я не паникёр и не предатель. Эти люди были моими коллегами, соотечественниками. Я был растерян. Весь день, по большей части молчал. Думал. Переваривал. Несмотря на мои сомнения, на понимание, что мы свернули не туда. Что Эссен не тот, которым я его представлял в мечтах. Я не был готов во всеуслышание заявить о своём протесте. Не мог в голос усомниться в линии партии, не мог предать Самуэля. Меня раздирали противоречия. Долг перед партией и президентом, служебный долг, и долг перед своим народом, в который я верил, хоть и понимал, что с ним происходит. Я плоть от плоти этих людей, это мой дом. Да я видел в нём трещину, но до начала войны, надеялся, что он устоит. А потому растерянность — моя реакция.

На следующий день, с восходом солнца мы проснулись в другой действительности. Эссен ввязался в войну.

Сожалеть и менять что-то было поздно. Мне оставалось лишь честно выполнять свои обязанности и пытаться минимизировать последствия. Пусть мы стали авторитарным государством, пусть пропаганда разожгла в людях, чуждую им, убеждённость в своём величии, пусть мне многое не нравилось, что-то даже пугало. Чёрт с ним. В конце концов, войны случались и раньше и будут вспыхивать возможно и в будущем... Не мог же я предвидеть конца этой войны и её масштабов. Я убеждал себя, что могу быть полезен своей колонии, оставаясь на посту. А там посмотрим...

— Как войну восприняло население?

— Как и в большинстве колоний. Вы же знаете. С воодушевлением, будто они давно этого ждали. Миллионы поспешили на призывные пункты в первые же дни. Кто не мог отправиться на фронт, создавали объединения и союзы тружеников тыловой промышленности, намереваясь без сна и отдыха трудиться на благо общего дела. Ковать победу за станком или в полях. Такому рвению позавидовал бы любой властитель прошлого. Самуэль отлично их подготовил. Утром он выступил с обращением к нации и началось...

Война набирала обороты, сформировался Союз, Самуэль Рангози в открытую руководил Сопротивлением, планеты пылали, жертвы росли. В силу нашей удалённости непосредственной угрозы Эссен не испытывал. Метрополия не могла высадить у нас войска, пока не утихомирит или не уговорит сложить оружие, другие колонии, находившиеся между центральными мирами и нашей планетой. Проще говоря, не сдвинет линию фронта ближе к нам. Какое-то время кровавая война оставалась всё же обычной войной. Более или менее понятной и типичной.

— Вы и тогда не знали о лучевом оружии?

— Нет. Узнал позже.

— Каким образом?

— Мой приятель, Франц, он работал в военном ведомстве, мы дружили с тех лет, когда я только начинал свою политическую карьеру... В общем, его арестовали. Неожиданно. Вечером я вернулся домой, было довольно поздно, пришлось задержаться, Союз как раз предпринял попытку захвата Нового Пекина, я готовил речь для Самуэля, на следующий день он собирался выступить в парламенте. В гостиной моя супруга разговаривала с Натальей, женой Франца. Та была в слезах. Плакала и теребила в руках платок. Я поинтересовался в чём дело. Заикаясь и утирая слёзы, она рассказала мне, что Франца три дня назад забрали люди из тайной полиции, пришли утром, когда они спали. Вломились в дом и увезли его, ничего не объясняя, лишь отделавшись стандартным «дело госбезопасности». Больше она его не видела. Мы с женой переглянулись. Всё было ясно. Наверняка новый «неблагонадёжный», теперь это никого не удивляло. Многие за последние месяцы стали чувствовать страх перед тайной полицией и боялись ареста. Прийти могли за кем угодно.

Она просила выяснить его судьбу, помочь. «Ведь ты чуть ли не второй человек в государстве» — сказала она. «Поговори с президентом». Мы с супругой как могли пытались её успокоить и обнадежить. Я пообещал сделать всё возможное. Уходя, уже перед дверью, она вдруг вспомнила слова мужа. Когда его уводили, он успел поцеловать её и прошептал на ухо непонятную ей фразу «Борроу. Библиотека парламента. 3.12.66». Она не понимала, что это значит. Я снова пообещал сделать всё от меня зависящее для её мужа и мы расстались.

«Ты знаешь, что стоит за этими словами?» — спросила моя жена, когда дверь за Натальей захлопнулась.

«Я догадываюсь» — ответил я.

«Франц, что-то хотел тебе сказать?»

«Возможно»

«Мне страшно, что происходит?»

«Пока не знаю, но выясню... Не волнуйся».

Конечно, она волновалась. Я и сам был взволнован. Франц арестован, мне досталось его послание, будто из детских игр про поиск тайников или дешёвого детектива, словно кодовое слово секретной организации, доступное только для посвящённых... Раньше я посмеялся бы над такой шуткой, но не сейчас. Жизнь Франца была под угрозой, в застенках тайной полиции поговаривали, творилось всякое. Даже я не знал, что случается с большинством угодивших туда. Это явно была не игра.

На следующий день, провожаемый хмурой и озабоченной супругой, я поехал в библиотеку парламента. 3.12.66 — Франц, как и я, очень любил чтение, возможно это нас и сдружило. Когда-то давно, много лет назад, случайно и шуточно мы придумали некую игру. Кто-то из нас брал книгу в библиотеке, читал её, а потом вместо названия, указывал её номер в картотеке. Так, другой, не зная произведения и автора находил эту книгу и получал своеобразный сюрприз. Чистой воды ребячество. Давно мы так не делали.

Я нашёл нужный номер. Толстый том, большой, в жёстком переплёте. Довольно старый. Внутри между страниц, лежал крохотный диск. Дома я изучил записанные на нём файлы и документы...(вздыхает).

Франц действительно был «неблагонадёжный». Я прочитал его короткое письмо, записанное на диске. Оно предназначалось мне и заканчивалось так:

«я уверен, ты тоже понимаешь в какую ловушку мы все угодили... пока не слишком поздно... нужно остановить его... я нашёл доказательства... Лучевое оружие... оно есть у нас, и он его готов применить...» В одном из файлов было подтверждение. По крупицам собранные факты. Оплата, доставка, свидетельства, возможные планы... Франц лично или кто-то ещё нашёл и свёл воедино разрозненные элементы. Сомневаться было глупо. Документы были подлинными. Франца точно арестовали за этот диск.

— Что вы сделали после?

— Я должен был с кем-то поговорить. А единственный человек, которому я теперь доверял, была моя жена. Она выслушала меня. Помню, как обняла и уверенно, без нотки страха в голосе сказала:

«ЕГО действительно нужно остановить».

Сид Майэр

— Юнхэгун меня впечатлил. Монастырь словно вырос на широком уступе огромной горы, гораздо выше окружающих её вершин. Дорога здесь превращалась практически в тропу, змеей поднимающуюся к главному входу, напоминающему ворота древней крепости с исторических брошюр. Серые стены, словно вытесанные из скальной породы, нависали над пропастью. Здания, соединённые мостками и переходами, местами вырубленными прямо в основании скалы, смотрели на нас сотнями прямоугольных узких окон. Серые стены, серые крыши. Создавалось впечатление, что человек не построил, а всего лишь слегка приложил руку, изменив под себя, созданные природой скалы, уступы и пещеры, превратив это неприветливое место в обителище нескольких десятков монахов, живших тут уединённо и замкнуто.

Мы дошли. Вымотались, устали, замёрзли, но дошли. После происшествия с нашим «ограблением» больших неприятностей не было, несколько переломов, ушибов и ран, сопутствующих неподготовленным к такому рода путешествиям людям. Вот и всё. В остальном все были целы и здоровы. Мы справились.

Мистер Пэн ободряюще хлопал по плечам окруживших его людей и радостно улыбался. Я заметил, с каким облегчением он увидел перед собой стены монастыря. Можно легко догадаться, с какой тревогой он ждал этого, ощущая ответственность за доверившихся ему людей. Теперь можно вздохнуть с облегчением.

Сара стояла рядом со мной и щурилась от яркого солнца, по-весеннему тёплого, даже в этих неприглядных, диких местах. Согревающего, несмотря на суровый климат высокогорья.

С завидным облегчением наша колонна, ускорила насколько возможно шаг и растянувшись в длинную цепь, стала преодолевать последние несколько сотен метров по петляющей среди валунов и провалов тропе. Мы с дочерью шли в первых рядах. Мистер Пэн подошёл к массивным деревянным воротам, преградившим нам путь. Постучал в них, висевшим на стальной цепочке молоточком и стал ожидать. Хорошо помню как ворота, приводимые в движение невидимыми механизмами бесшумно распахнулись, открыв нашему взору внутренний двор, в котором стояли одетые в оранжевые одежды люди. Пэн жестом дал нам понять, чтобы мы не двигались, а сам же неторопливым шагом направился к группе людей, также не спеша идущим к воротам. У них состоялся разговор. Короткий, не более нескольких минут. Мистер Пэн оживлённо замахал рукой, приглашая нас присоединиться к нему. Нас приняли.

Так началась наша жизнь в этом уединённом, оторванном от остального мира месте. Оказалось, что помимо нас ещё около сотни людей в разное время, после начала войны,

группами или даже поодиночке пришли в Юнхэгун в поисках убежища. Монахи никому не отказывали.

— Там действительно жили настоящие монахи?

— Да. Представьте себе, последователи древней религии, забытой почти повсюду и живущие тут на выделяемые правительством средства, как дань уважения к их прошлому, к почти забытой и ставшей историей культуре.

Я впервые видел таких людей. Немногословные, выдержанные, спокойные. Живущие по странным для меня законам и понятиям. Отринувшие всё современное, ушедшие в собственное духовное развитие. На самом деле у них было чему поучиться. Что-то я унёс собой из монастыря, что-то во мне изменили эти люди. Несколько месяцев, что мы прожили там, научили меня по-другому смотреть на мир, представьте, что может произойти с человеком, оставшимся там навсегда, посвятившему жизнь Юнхэгуну... У правительства есть планы по его восстановлению. Не уверен, что они сбудутся в ближайшие годы, но когда-нибудь я надеюсь увидеть его вновь таким каким он был.

Приняли нас хорошо. Места для нас всех было с избытком. Вода поступала в монастырь из горных источников, запасы провизии, накопленные неприхотливыми обитателями Юнхэгуну, позволяли нам продержаться здесь долгие месяцы. К тому же выяснилось, что монахи, ведя отшельнический образ жизни, почти не пользовались благами цивилизации, но при этом не брезговали современными способами выращивания сельхоз культур. У них имелась довольно большая гидропонная теплица, обеспечивающая их овощами и некоторыми видами злаков. И как я узнал немного позже, у них была современная и отлично оборудованная станция связи, способная принимать сигналы со всей планеты. С её помощью они связывались с остальным миром, сообщая о редких происшествиях или делая заказы на доставку всего необходимого для их существования. Очередной пример «допотопного и ультрасовременного». Работали они с ней неумело. А я благодаря неплохим познаниям в технике смог, со временем воспользоваться всеми её возможностями. И это дало нам представление о том, что происходит в мире, от которого мы убежали.

Наша жизнь в Юнхэгуне протекала спокойно и размеренно. Для детей организовали несколько школьных классов, преподавали там их же родители. Взрослые ежедневно занимались необходимыми для нашей жизнедеятельности и безопасности делами. Работали в теплице, иногда охотились, поддерживали в чистоте территорию и занимались приготовлением пищи. Мы сформировали наши «вооружённые силы», двадцать мужчин, умеющих обращаться с оружием день и ночь, по сменам, несли стражу на стенах монастыря. Иногда они же отправлялись в разведывательные вылазки, исследуя подступы к Юнхэгуну и охотясь на диких животных, часто встречающихся в этих местах. Добытые трофеи не давали существенного прибавления к нашему столу, но по сложившейся традиции, собирали всех нас в огромной зале монастыря, за общим, почти праздничным ужином, сглаживающим наше существование.

После нашего прихода в монастыре появилось всего несколько человек новичков, пришедших издалека. Похоже, все, кто знал или мог добраться до этого места, уже были здесь. Из их рассказов мало что можно было понять, пробираясь сюда вдаль от основных дорог, прячась от всех, по возможности избегая встреч с остальными людьми, они не знали и не могли сообщить ничего существенного о ситуации на планете. Я попросил и получил разрешение на использование средств связи, имеющихся у нас. Мистер Пэн поддержал мою инициативу. Нам всем хотелось знать, что происходит вокруг. А ему, пожалуй, больше

остальных, его сын ... он давно не связывался с ним.

Так, мы узнали о сражении за Тарбин, слышали о расправах с населением столицы, о чудовищных боях за разрушенные города и плацдармы, необходимые как Метрополии, так и Сопrotивлению. Перехватывали сообщения о местах сбора беженцев, о призывах сложить оружие и прекратить борьбу и о пропагандистских посланиях Союза, обещающих избавление от власти Метрополии и содержащие указания, как можно вступить в ряды наступающей и одерживающей победу за победой армией Колониальных войск. Один раз слушали сообщение, транслируемое группой беженцев, они нашли приют на маленьком островке, посреди озера Юнан, мы с Сарой были несколько раз в его окрестностях — отличное место для летнего отдыха. Так вот, те люди два дня держались против сил Сопrotивления, атакующих их пристанище. Понять, почему Сопrotивление напало на тех людей, не представлялось возможным, вскоре передача прекратилась. Не думаю, что они выжили. К тому времени мы понимали, что наша планета стала местом сражений всех против всех. И благодарили судьбу за новый дом, затерянный, труднодоступный, не имеющий стратегического значения, безопасный.

Таким он и оставался до того момента, пока мы не увидели перед своими воротами людей в форме Сопrotивления.

— Что им было нужно?

— Укрытие, передышка... Их преследовали войска Метрополии. Эта группа усталых, загнанных солдат, половина из которых были ранены, просто уходила от преследования. Дорога привела их к нам.

— И вы их впустили?

— Да. После короткого спора.

— Спора?

— Именно. Мы не питали иллюзий. Боялись оказать им помощь. Боялись их самих. Боялись, что вслед за ними сюда придут правительственные войска. Хотели остаться в стороне. Наверное, не будь среди них несколько тяжелораненых, мы бы отказали, но они могли умереть. Настоятель монастыря и мистер Пэн не хотели этого. Обрисовали ситуацию, убедили сомневающихся. Многим это не понравилось, но решение принималось большинством. Люди не очерствели настолько, чтобы не проявить сострадание к нуждающимся, хоть и понимали, к каким последствиям это может привести. Им разрешили остаться в монастыре. Но с условием, что они уйдут, как только позволит состояние их товарищей. И с требованием отдать нам оружие, на время, пока они в стенах монастыря. Мы им не доверяли.

— На это они согласились?

— Не знаю, что сказал своим их старший, судя по всему, он дорожил людьми. Понимал безвыходность положения. Может, им и претило подчиниться гражданским, может, они и считали нас кучкой предателей, не поддерживающих Союза, но они этого не показали и согласились на такие условия. Хотели жить.

— А их преследователи?

— Думаете, правильно ли мы поступили, решившись помочь?

— Да.

— Может, да, а может, нет. Кто знает? Правительственные войска всё же нашли нас. К чему гадать как бы всё могло сложиться. Мы все оказались в том месте, в то время по воле судьбы или слепого случая, без разницы. От нас это не зависело. А вот поступки

оказавшихся в Юнхэгуне людей, зависели только от них самих. И каждый поступил по-разному.

Янис Анил

— Мы провалили то задание, точнее, нас перехитрили. Правительственные войска всерьёз взялись за нас и к своей удаче, действовали грамотно и методично. А мы не успели перестроиться.

— Вы имеете в виду сто второй полк Метрополии?

— Да. Конечно, не только их... были и другие, но эти оказались самыми упорными. Один из наших отрядов при поддержке местных, совершил нападение на их группу, взял пленных, благополучно ушёл, но был быстро вычислен их разведкой, скорее всего, они использовали спутники или беспилотники. Неважно. Главное, что мы оказались там в неподходящее время и не могли выполнить приказ. Нам самим пришлось спасаться. Правда, перед этим я лично убедился, что методы Сопротивления не сильно отличаются от нравов солдат Метрополии.

— Что вы имеете в виду?

— пытки и убийства военнопленных. Слыхали о таком? Думаю да. Одно дело стрелять во врага, зная, что через секунду он, без сомнений, сам сделает выстрел, а другое... Ну вы меня понимаете. Не каждый на такое способен, уж поверьте. Мой отряд соединился с другой группой, действующей в их тылу довольно давно. От них мы должны были получить координаты штаба сто второго полка. Но пока мы туда добирались, обстановка изменилась. На нас самих устроили охоту. Там я и увидел допрос.

— Раньше вы этого не видели?

— Видел, конечно, лично брал «языка» или участвовал в вылазках, но после допроса, пленного отправляли в тыл, в лагерь или на принудительные работы. Возможно, я мало об этом думал и мне так казалось. Не знаю. Знаю, что никогда прежде, не слышал о хладнокровном убийстве попавшего в плен солдата. И уж тем более не видел воочию людей, способных на изощрённые пытки. А оказалось эти люди — мои товарищи. Те, с кем я решил бороться за справедливость.

— Вы не пытались остановить их?

— Нет.

— Простите, это глупый вопрос.

— Ничего. Всё в порядке. У нормального человека должны возникнуть такие мысли. Мысли о грани между солдатом и убийцей. И решение сделать выбор и вмешаться, также личное дело. Я не вмешался. Наверное, просто устал. От всего этого. Да и если признаться честно, тогда я видел, как оружие товарищей, легко повернётся в мою сторону, вздумай я строить из себя всеобщего защитника. Я это понимал. Тогда, наверное, я окончательно решил, что эта война не моя.

— Там вы и получили ранение, после которого лечились на Самуи?

— Да. Мы отступали. Петляли как могли, чтобы оторваться от преследователей. Всё тщетно. В одной из перестрелок пуля угодила мне в шею. В темноте и неразберихе меня вытащили. Каким-то чудом я и ещё несколько счастливчиков, оказались за пределами сжимающегося кольца преследователей. Основной отряд уходил без нас. А мы смогли пробиться к «своим». Моя рана не была на столько серьёзной, но общая потеря крови, плюс грязь, заражение. Меня тащили на руках. Потом лазарет и отправка на реабилитацию в тропический рай. Так, я впервые покинул Новый Пекин и не собирался на него

возвращаться.

— Решили дезертировать?

— Да. Только не знал каким образом это сделать. О доме не могло быть и речи. Военная полиция остановила бы меня в два счёта. О перелётах без соответствующих документов можно забыть. Всё контролируют военные. Будь у меня достаточно денег, я смог бы «купить» себе предписание врачей, запрещающее мне отправку на фронт. Не удивляйтесь, это можно было сделать. Знаю такие примеры. Но денег у меня не было. Точнее, «таких» денег. Я провалялся в госпитале на Самуи три недели и так и не придумал выхода. Потом мне сообщили, что через несколько дней транспорт вернёт меня и таких же «счастливиц» в действующие части... обратно на Пекин.

Янис смотрит в окно. Там его супруга играет на лужайке у дома с их дочерью. Я молча жду.

— Мария рассказала подробности нашей встречи?

— Да.

— Она очень сильная женщина, не правда ли?

— Без сомнения.

— Намного сильнее меня... да и всех, кого я знал.

— Ваш поступок. Вы смелый человек. И благородный.

— Возможно... Возможно, поэтому вы и прилетели сюда... Только она смогла забыть о тех днях... а я до сих пор... на Новом Пекине.

— Мы можем прерваться, если нужно...

— Нет, не стоит... Я закончу, если вам интересно.

— Ну, разумеется. Я бы хотел услышать о Томе Линке и его сыне.

— Том?! Вы общались с ним?

Я утвердительно киваю.

— Он передавал вам привет.

— Я... давно с ним не разговаривал. Всё как-то на потом откладываю. Как он?

— Неплохо. Живёт в своём старом доме. Тихо и спокойно... Вспоминает о Джейке...

— Ещё бы, он был так близок... и не успел.

— Расскажите?

— Ну раз Мария рассказала вам, как мы познакомились с ней... я начну с возвращения на Новый Пекин.

Мне удалось через своих знакомых раздобыть для мистера Линка документы, позволявшие ему лететь на Новый Пекин. Ничего сложного. Немного денег и пара комплиментов для молоденькой девушки из отдела распределения гражданских специалистов и бумаги были в моих руках. Мы летели на одном корабле. Вместе с несколькими сотнями гражданских и военных, возвращавшихся на фронт... Мне стыдно это признавать, но, когда в обзорный экран челнока я увидел голубовато-зелёный шар Пекина, я испытал непреодолимое чувство животного страха. Нет, это на самом деле так. Страх на грани паники. Надеюсь, вы не напишете об этом в книге...надеюсь, Мария никогда не узнает о моих мыслях в ту минуту. Я просто хочу, чтобы вы знали... я был готов бросить эту затею в тот миг. На короткое время Мария, Линк старший и Линк младший, ради которых я вновь возвращался в этот ад, были вытеснены из моей головы чувством самосохранения. Желанием бежать без оглядки и послать всё к чёрту. Я струсил. Психологи скажут, что это нормально. Врождённая программа, безусловный рефлекс, уменьшающий способность самоконтроля.

Мгновенная реакция на опасность, даже если её нет. Ассоциации, вызванные страхом и болью... Им виднее. Не буду спорить. Но я БЫЛ готов дать заднюю. По-своему предать их... и ... пообещайте, что это останется между нами.

— Конечно.

— Порой я испытываю чувство сожаления... от того, что мне пришлось стать «героем» лишь потому, что у меня не хватило смелости отпраздновать труса... Надеюсь, моя семья никогда об этом не узнает. Мария столько сделала для меня. Не хочу её разочаровывать. Вы понимаете?

— Думаю да. Обещаю не касаться этого в своей книге.

Янис несколько раз признательно кивает.

— Как бы то ни было, мы благополучно сели в порту Чунцина. Там располагался центр военной и гражданской администрации Нового Пекина, контролируемого Союзом. Своеобразная временная столица колонии. Там я должен был зарегистрироваться в комендатуре и получить дальнейшие указания. В тот же день колонна грузовиков с людьми и припасами вышла из города и пошла по направлению к Янтао, административному центру провинции, в котором располагалась моя часть. За месяц моего отсутствия ситуация на фронте не изменилась. Том ехал вместе со мной. Водитель одного из грузовиков, согласился пристроить его среди ящиков с продуктами и закрыл глаза на его присутствие, ловко упрятав в карман полученные от меня деньги. Ему было плевать, кто это такой и зачем ему нужно в Янтао. Я вернулся в часть. Том снял комнату у одинокой женщины, жившей в городе. Его документы, как и личность, никого не волновали. У сослуживцев я узнал подробности того рейда, из которого вернулся с ранением. Оказалось, что ещё одна небольшая группа наших сумела выйти из окружения. Джейка среди них не было. Оставшиеся, как я и думал, намеревались укрыться в монастыре Юнхэгун, в горах. Среди них было много раненых. Если они и живы, то должны быть где-то там. За прошедший месяц от них не было вестей. Многие считали их погибшими.

— Как далеко монастырь находился от Янтао? И кто контролировал ту территорию?

— Примерно в ста сорока километрах. Если считать по прямой, но там гористая местность, сами понимаете. А что до контроля, то её никто не контролировал, просто потому, что большая часть провинции Янтао покрыта горами, города и селения, представляющие стратегическое значение, расположены в южной части, в долинах предгорий, а скалы и утёсы никому не нужны. Поэтому нашим отрядам и удавалось незамеченными пробираться в тыл к правительственным войскам, поэтому те и решили навести "порядок", пройдясь широким веером по всему северу провинции. Конечно, в горах не установить чёткую линию разграничения, это вам не равнина, но их тактика приносила плоды. Лучше отправить людей скакать по горам. Проверять каждый куст и пещеру, чем терять солдат вдали от основных сражений и составлять отчёты о пропавших и атакованных конвоях с припасами и провизией, для этих самых солдат. За прошедший месяц, моего отсутствия, мы и Метрополия играли в кошки-мышки друг с другом, в этом районе. Контроль над территорией никому не нужен. Нужно найти врага и нанести ему, как можно больший урон.

— Вы решили идти в Юнхэгун? Основываясь только на предположении, что Джейк МОЖЕТ там быть?

— Таков был план. Другого не было.

— А у вас с Томом был план, что вы все будете делать, если найдёте его сына?

— Признаюсь каждый разговор и обсуждение заканчивались на том, что мы его найдём. Дальше не заходили. Я понимаю, как глупо это звучит, но это так. Условились, что «там будет видно». Положились на удачу. Думаю, мы попытались бы покинуть планету под видом беженцев. Уничтожили бы документы, раздобыли одежду... Я не знаю. Шансы и так были невелики, поэтому над вопросом «а что потом?» мы не думали.

Я хотел бы соврать, что был полон энтузиазма и уверенности в успехе нашего безумного замысла, но это не так. Повторюсь, как только я увидел Новый Пекин, во мне словно что-то щёлкнуло. Замкнуло и не отпускало. Большую часть вещей я делал на автомате. Уверен, пустота в моих глазах, заполненная на Самуи, вновь появилась. Как и прежде. Слишком долго я был тут и слишком мало с Марией, вдали от войны.

— Но всё же вы пошли до конца.

— Да. Сам не знаю, как мне это удалось. Я был на грани.

Я делаю паузу. Притворяюсь, что ищу заметку в блокноте. Хочу дать Янису время, перевести дух.

— А как вам удалось организовать сам переход к монастырю? Я имею в виду Тома, оружие, припасы...

— Да ничего сложного. Когда мы приехали, на фронте было некоторое затишье. Спротивление готовило масштабную операцию. Подтягивали силы, принимали пополнение, давали отдых измученным бойцам. Разведка сообщала о снижении активности войск Метрополии. Обе стороны готовились к чему-то большому, к перелому возможно.

У меня было время на сборы. Оружие, провизия, амуниция всего этого было навалом. Не проблема. Тайком я подготовил всё необходимое для нас двоих и выжидал удобного момента, чтобы уйти. Том весь извёлся, но спешка могла испортить дело. Я надеялся на случай. Медлил. Возможно, по причине страха. Убеждал себя, что не время. Тянул...

Ночной авианалёт на Янтао и последовавшая за ним неразбериха, дала нам возможность действовать. Я даже смог украсть армейский автомобиль, брошенный водителем. Он поспешил покинуть машину и искал укрытие в подвале какого-то дома, не заглушив мотора. В ночной темноте, озаряемой вспышками взрывов мощных авиабомб, щедро сыпавшихся на город, я погрузил в машину наши пожитки, спрятанные мною в заброшенном доме и забрав Тома, вырулил на дорогу, ведущую на север. В сторону нашей цели. На выезде из города находился блокпост, где днём и ночью проверялись документы у всех, кто его пересекал, но сейчас солдаты, несущие там смену, попрятались в блиндажи и мы проскочили.

— Вы хотели преодолеть расстояние до монастыря на машине?

— Нет, конечно. Слишком опасно. Слишком заметно. Мы бросили её через пару десятков километров. Дальше нужно было идти с осторожностью. Нам могли повстречаться как свои, так и чужие, и от тех и от других добра ждать, не приходилось.

— Сколько заняла дорога?

— Пять дней. Мы вышли к Юнхэгуну 14 мая, по общему календарю.

— Пятнадцатого числа...

— Именно... Применили Лучевое оружие.

Мария Сиваль

— Моя жизнь целиком состоит из встреч с различными людьми, так или иначе, повлиявшими на неё. Возможно, судьба каждого человека складывается из таких мимолётных или продолжительных знакомств, об этом тяжело судить. Имеет значение воспитание, восприятие и характер, смешанные с конкретным моментом и временем. Кто-то

придаёт излишнее внимание пустякам или поступкам, кто-то не замечает огромной роли «случайных» людей в своей жизни. Иные боятся признаться, что посторонний повлиял на их решения и судьбу, а некоторые остаются бесконечно благодарными за незначительные эпизоды, за вскользь сказанные слова или действия человека, который изначально и не собирался вмешиваться или помогать вам. Даже плохие, недостойные поступки могут оставить положительный след, всё зависит от выводов и опыта, который вы сами из них вынесете. Если, конечно, способны на это. Повторюсь, всё зависит от человека.

Для меня каждая такая встреча вела к большим изменениям. К надежде или к её угасанию... Я помню имена, слова, поступки. В отдельном уголке моей памяти навсегда остались впечатления и образы, связанные с такими людьми. Они все повлияли на меня. Оставили след, научили, удивили или разочаровали. Но это всего лишь воспоминания, ни в коем случае не испортившие мне жизнь. Большинство из них приносят только радость и чувства благодарности.

Том Линк — такой человек. С момента, когда он вошёл в ту комнату во «Флоресе» и до момента, когда в последний раз взглянул на меня в доме, где мне согласились предоставить убежище, прошло не более четырёх часов. Но он за это время стал одним из самых близких и уважаемых мной людей. А сейчас, по прошествии стольких лет, заменил мне потерянного в той войне отца.

— Ваши родители...

— Погибли во время налёта на Марс. Я узнала об этом только после войны.

— Простите.

— Хватит уже вам извиняться, Билл. Перестаньте.

Я киваю.

— Так вот... Том Линк. Удивительный человек. Всякий скажет, что ради ребёнка он готов на всё и будет прав. Каждый родитель голыми руками разорвёт на части любого дикого зверя, защищая своё чадо, но он, как мне кажется, сделал больше. Всё что мог, без преувеличения. А попутно помог мне и Янису. Мы безгранично благодарны за это.

— Как вам удалось сбежать той ночью?

— На самом деле от меня потребовалось только ждать, а затем выполнять указания Мистера Линка. Янис и он договорились встретиться у бара через пару часов, каждый за это время должен был подготовить свою часть плана. Мне же сказали не нервничать, вести себя, как прежде, и быть готовой ко всему. Когда они ушли, в комнату заглянул Крысиная Морда, как обычно, довольный и деловой. Что-то пошутил по поводу двух клиентов за раз, сам же, посмеялся придуманной остроте и велел спускаться. Вечер был в самом разгаре. Меня ждала грязная посуда и новые клиенты.

За барной стойкой на стене висели часы, когда я спустилась в общий зал, они показывали около десяти вечера. Значит, в двенадцать или около того, если всё будет в порядке, за мной придут. Представляете состояние человека, ожидающего чего-то важного? Говорят, в такие моменты время будто замедляется, и минуты упорно не хотят превращаться в часы. Самые долгие два часа в моей жизни! Избитая фраза. Со мной было не так. Мне казалось, что любое движение, шаг или даже мысль в голове, отнимает не привычные секунды, а по несколько минут за раз. Моргнула... и на часах 22.20... протянула руку к пустой тарелке и уже 23.05... подумала о Янисе, а уже 23.30. Всё было наоборот. Время пролетело как один миг. Оставалось всего пятнадцать минут до полуночи, когда мой «босс» приказал подниматься в комнату. Меня ждал клиент.

Дальнейшие события слились в сплошное мельтешение лиц, силуэтов, криков, беготни и грохота. Клиент — совсем ещё мальчишка, сутулый и нервный, только закрыл дверь в мою комнату и неловко начал расстёгивать рубашку, как из коридора послышалась возня и шум. Кто-то коротко вскрикнул. Раздался звук, похожий на тот, с которым тяжёлое тело валится на пол. Не знаю, как его описать. Просто в тот момент мне показалось, что это именно человеческое тело ударилось об пол... Распахнулась дверь, свет, шедший из ламп в коридоре, озарил фигуру мужчины. Он толкнул парня, замершего от неожиданности и, схватив меня за руку, вытащил из комнаты. Крысиная Морда валялся на ковре, рядом со своим столом. Дальше лестница на первый этаж. Ступени дрожат под нашими ногами. Снизу слышится звон стекла, ругательства и звуки потасовки. Человек, державший меня за ладонь, проталкивается сквозь общую свалку, распикивает свободной рукой дерущихся людей и выволакивает меня на улицу. Мимо нас пробегает охранник — он же телохранитель и помощник Крысиной Морды, на ходу достаёт оружие, но даже не глядя в мою сторону, устремляется в толпу. Потом хлопает дверь автомобиля и под визг его колёс я несусь по ночному городу. Мне казалось, это заняло считанные мгновения. Янис сидит за рулём, а Том, пытаясь отдышаться, подсказывает ему, куда ехать.

Так, всё и было. Ну то есть, учитывая моё состояние, я так запомнила. Ещё я заметила нож в руке Тома, он выбросил его по пути, в окно. На нём была кровь, как и на пиджаке. Не думаю, что он рассказывал вам об этом. Кто бы что ни говорил, а я знаю, он сделал это не только ради сына... ради меня тоже...

— Не рассказывал, — отвечаю я.

— Ну и правильно. Он молодец. Они оба молодцы.

— Драку устроил Янис?

— Да. В переполненном пьяными солдатами баре — это не сложно. Такое случалось иногда. Стоит кому-то начать махать кулаками, как половина присутствующих, тут же ввязывается в это и без разбора мутузит всех подряд, забывая о причинах и виновниках скандала.

— Понятно. Что было дальше?

— Мы приехали на окраину города. Зашли в дом, Янис спешил избавиться от угнанной машины, чтобы не оставить никаких следов. Мало ли. Кто-то мог запомнить номер, потом увидеть её возле этого дома. Чем быстрее они уедут — тем лучше. Меньше шансов связать их, меня, машину, драку в баре и моё новое убежище.

Все слова были сказаны, обещания даны... Я обняла их обоих, и они уехали. Уехали помогать друг другу. А меня приняли в новый дом. Отнеслись с пониманием и теплотой. Марта и Сайтон ещё одни люди, встреченные мной не радость судьбе.

— Вы жили там до конца войны?

— Да... пока не вернулся Янис.

— Вас никто не искал? После побега?

— Не думаю. Во всяком случае проблем не было. Конечно, я никогда не покидала дом, если и выходила на улицу, так только на задний двор, аккуратно, чтобы никто не заметил... Читала, помогала по дому...отдыхала...набиралась сил...ждала. В общем мне удалось раствориться, исчезнуть, если кто-то и искал меня, то он явно не преуспел в этом.

Потом до нас дошли слухи о произошедшем на Новом Пекине... Марта прибежала с работы, из госпиталя в который нанялась сиделкой. Она была взволнована и растеряна. Рассказала мне, что все только и болтают об этом. Я подумала, что это просто очередные

новости о большом сражении, сводка с фронтов или рассказы очевидцев, желающих выставить себя героями или всезнайками, обычный трёп людей, мечтающих привлечь внимание и показать свою осведомлённость. Но она сказала, нет, всё очень серьёзно и похоже на правду. Там задействовали Лучевое оружие. Масштабы разрушений, по слухам, невообразимы. Жертвы... Ну много всего она говорила. Я же не военный эксперт, хоть и знала, что существует такая штука, о Лучевом оружии знал каждый. Не каждый только представлял, что это такое. Конечно, я встревожилась, несколько часов мы с ней на пару утешали друг друга, что это только домыслы, слухи и пустозвонство, что не знаем наверняка верить этому или нет. Говорили — ерунда. Болтовни всегда хватает, не всему можно и нужно верить... Вечером домой приехал Сайтон. И развеял наши сомнения, да... Союз Колоний ударил по Новому Пекину лучевым оружием. Это точно. Подробности неизвестны... Я прорыдала всю ночь. Неужели, думала я, Янис и Том погибли. Корила себя. Снова плакала. Потом успокаивалась и надеялась... Это было непросто. Неизвестности пугала. А чувство возможной утраты лишало сил... но я надеялась, надеялась потому, что уже привыкла жить надеждой и знала, самые внезапные вещи могут произойти в самый неожиданный момент. Буду ждать, сказала я себе, пока не узнаю доподлинно о... живы они или нет. Шли дни, я немного успокоилась и жадно ловила любую информацию о Пекине. Мы очень удивились, когда примерно через неделю, заработала Сеть. Я имею в виду не планетарную, а глобальную. Снова стали доступны звонки и передачи с других колоний, даже новостные каналы Внутренних Миров транслировались, без блокировки. Что-то изменилось. Все это почувствовали.

Я отлично запомнила тот день, когда впервые смогла без опаски, с облегчением покинуть своё убежище. Улицы с самого утра заполнились людьми. Все шли по направлению к центру города. Сайтон вместе с Мартой собрались присоединиться, хоть и не представляли, что происходит. Тогда я не смогла остаться в доме, не захотела. Они уговаривали меня поостеречься, мало ли... Но я твёрдо решила выйти в тот день из «заточения». Я чувствовала, что угрозы нет.

В людском потоке,двигающемся к центральной части Колье, не было солдат Союза, шли коренные жители, редкие люди в форме, замеченные мной, с долей беспокойства смотрели не это шествие и предпочитали уйти с основных улиц и проспектов, по которым двигались местные. Остальные и вовсе не покидали пределов больниц и лагерей. В воздухе пахло переменами. Я видела это в глазах людей.

Тот день закончился выступлением планетарного правительства. Было объявлено о прекращении боевых действий почти на всех театрах войны. Звучали слова о переговорах, совместной комиссии по расследованию «инцидента» на Новом Пекине, о возможном мирном соглашении и выходе из Союза некоторых колоний. Услышав эти слова, я подумала — разум восторжествовал, люди вновь становятся людьми...

Глава 4

Маркус Альери

— Предательство. Чёрт, чтобы кого-то предать для начала нужно быть верным. Правильно? А если в первую очередь важны личные интересы, то произносить такое громкое слово по меньшей мере глупо. И ещё глупее называть предателем человека, увидевшего неплохую возможность разбогатеть, и подобрать чужое, используя представившийся шанс. Я бы поступил так же. Деловой подход. Ничего личного. Правда в этом случае всегда есть вероятность нарваться на более прожорливого хищника, который накажет тебя за глупость, называющуюся — доверием.

Это я к тому, что Джонг колебался, когда на связь вышел мой «знакомый» и коротко поведал о своём плане. Он сомневался, а мне идея понравилась сразу — затраты минимальные, шансы на успех велики. Должно было сработать.

— Сомневался?

— Именно. Он мыслил по-другому. Когда меня удивляла готовность кого-то жертвовать жизнью ради патриотизма или долга, его удивляла готовность идти на смертельный риск ради денег. Только денег. Больших денег.

— Не встречал человека согласного отдать жизнь за кучу резанной бумаги.

— Поэтому Вы и имеете то, что имеете. Ничего! Уж не обижайтесь. Риск сопутствует большим доходам и чем больше куш, тем больше приходится рисковать. Порой и жизнью... Впрочем, каждому своё... Тогда я был уверен в успехе.

— Так что же это был за план?

— Я уже говорил, что во время войны количество заказов у владельца «транспортной» компании увеличилось в разы. Конечно, он не бросил все дела ради нашего. Бизнес продолжался. Успешный бизнес. Лучшие времена в истории контрабандистов. Столько возможностей, столько желающих урвать кусок послаще, в момент, когда закон и порядок не существуют или существуют, но не функционируют. Добавьте сюда страх, бардак, панику и людскую алчность, вот вам картина того времени. Кто мог или хотел — делали своё дело. Наживались на войне.

Сейчас до сих пор, многие ищут своих близких и родных, пропавших без вести. Списки таких людей бесконечны. Большинство никогда не узнает, где и при каких обстоятельствах их родные сделали свой последний вздох. Это при том что на программы поиска и идентификации погибших, выделяются огромные средства. Государственные и частные «лавочки» без устали прочёсывают списки переселённых, интернированных, бежавших и погибших в боях. Поисковые отряды из добровольцев роются в земле и даже в космосе, обследуют места сражений, раз за разом обнаруживая новые и новые «находки». Я думаю, этому делу можно посвятить всю жизнь и её навряд ли хватит.

Но сейчас не о людях. Я говорю о деньгах, о всём, что имеет стоимость. Многие потеряли материальные ценности. Куда по-вашему, девались произведения искусства из захваченных и разрушенных музеев? В любом городе на любой планете существуют банки и хранилища. Что стало с их содержимым? Где сейчас вещи из разграбленных домов? Где украшения и тощие кошельки, что имели при себе беженцы или где накопленные сбережения семей, попавших под оккупацию? Конечно, обе стороны с горькой миной будут

рассказывать вам, что на той то или той то территории, находившейся под их контролем «присутствовали» преступные элементы и мародёры. Естественно, они будут убеждать вас поверить в рассказы, про «уничтожено пожаром» и «исчезло бесследно». Чушь! За каждым куском золота или милыми серёжками чья цена сопоставима с хорошим загородным домом, стоит человек, ловко упрятавший это в свой карман. Конечно, я не про такие мелочи. Но в той суматохе пропало многое и «резаная бумага» и картины, и брильянтовые кольца.

— Я слышал о подобных делах, даже присутствовал на процессе. Виновных казнили.

— Естественно. Как иначе? Тех, кто попался. Вот и мой «знакомый» получил заказ от человека, пытавшегося нажиться за чужой счёт. Мерзкий, жирный боров, чиновник с Эссена, когда я его увидел чуть не расхохотался. Серое вещество в голове отступило, под натиском жира. Поражаюсь, как у него хватило ума повернуть свои делишки и не вызвать подозрений. А, впрочем, именно от небольшого ума он и действовал так. Жадный, но глупый ублюдок.

Его командировали на Новый Пекин. Отличная должность в новоявленном центре гражданской администрации той части планеты, которую контролировал Союз. Там-то он помимо своих непосредственных обязанностей и занимался поиском всего ценного, что можно упаковать в ящики и вывести с планеты.

— Что вы имеете в виду?

— Обдирал местных. Что же ещё?! Хватал всё, что плохо лежит. Запугивал, угрожал. Под предлогом «на нужды» армии и общего дела, конфисковывал у населения их честно или нечестно заработанное. Кто смел ему противиться? «Соппротивление» в любую минуту могло ткнуть в кого угодно пальцем и крикнуть «предатель» и казнить без суда и следствия. И кому ты пожалуешься? Властям? Там чёрт-те что творилось. У кого сила, тот и прав. Благодатное время для таких, как он. Напыщенных от своей важности, упивающихся властью и возможностями... Терпеть не могу подобных людей. Если хотите спросить, кто приносит больший вред обществу, преступник или вот такие как он, я твёрдо скажу — он. Политики, чиновники, управляющие. Большинство из них заняли свои места не за личные качества, а пройдясь по головам, отпихнув достойных людей, пролезли вперёд благодаря лжи, лицемерию и подхалимству. Система любит таких. Они ей нужны. Не всякий вор заберёт у вас последнее, кодекс чести, если хотите, а у таких козлов и её нет.

Говоря проще, у нас появилась возможность надавить на этого человека, используя самый сильный мотиватор — деньги. Точнее страх их потерять.

— Каким образом?

— Всё награбленное нужно куда-то вывозить. Он, конечно, и раньше делал это, но в тот раз груз был слишком большим и важным для него. Видно, обычные каналы тут не могли помочь. Ему пришлось нанять специалистов, в таком деле.

— И ваш «друг» предложил...

— Сдать его нам горяченьким. Взять плату. Принять груз... Владелец груза прилагался, так как не захотел разлучаться со своим «горшочком с золотом».

— Предать.

— Ой да бросьте... Повзрослейте уже. Если Вам так удобно называйте это так. Я ведь объяснял — деловой подход.

— Вы не боялись такого же... поступка... в отношении вас?

— Нет. Я же умнее того олуха. В чём, скажите мне, выгода? Сдать Соппротивлению парочку дипломатов и беглого преступника? Какой в этом толк? Кому мы нужны?

Естественно, об абсолютном доверии речь не шла, но... когда интересы двух предприимчивых людей совпадают, они выполняют условия договора.

— Ли Во Джонг был с вами?

— Дело касалось Нового Пекина. Возможно, это и убедило его прислушаться к моим доводам. Личный интерес. Он согласился на этот план, но я видел, что его мысли занимает не только Борроу, но и что-то ещё. Что-то важное для него.

Мы полетели на Новый Пекин. Точнее, в оговорённую точку пространства рядом с планетой. Там должна была произойти встреча. Всё прошло без затруднений. «Клиент» попал к нам в руки. Вы бы видели его реакцию, когда наши корабли состыковались и в салоне появились незнакомые люди. С ним было всего два человека, то ли помощники, то ли охрана... Экипаж уже держал их троих на прицеле, когда мы появились. Ему потребовалось несколько минут, чтобы поверить в происходящее. Когда привык к подчинению и власти нелегко чувствовать себя комфортно в присутствии вооружённых людей, плевать хотевших на твой статус и звание.

Как я и думал, он испугался. Сначала за свою жизнь, а потом, когда до него дошло, что его шкура никого не интересует и за свои деньги.

— Что именно вы ему предложили?

— Я предложил ему выбор между верностью и богатством. Объяснил, чего мы хотим и что он должен сделать. По сути, ничего страшного. Передать наше сообщение Борроу. В обмен на его груз, который временно побудет у нас. Исполнить роль курьера.

— Он колебался?

— Поверьте недолго. Эта крыса носила партийный значок, разглагольствовала о патриотизме и преданности своей родине... Когда этого требовала обстановка... Но в подобной ситуации его больше волновала собственная судьба. Он хотел не только жить, но и жить богато.

Мы не представляли реакцию Борроу, возможно, он сдаст его тайной полиции, как изменника или отмахнётся как от назойливой мухи, поверив, что тот согласился передать это сообщение только в попытке сохранить жизнь, скрыв подробности нашей встречи. Возможно. Я выполнял свою часть уговора. Политика оставалась за Джонгом. Я разбирался в подобных людях, он уверял, что разбирается в других.

— На чём вы договорились?

— Корабль доставит его на Эссен. Как и планировалось. Только вместо того, чтобы прятать награбленное на Пекине, этот человек встретится и Борроу, передаст сообщение и, если всё пройдёт гладко, вернётся с ответом. Мы остались ждать его на Новом Пекине.

— Мистер Джонг участвовал в этих «переговорах»?

— Хороший вопрос. Он там присутствовал, но мыслями был далеко. Тогда я признаться не обратил внимания на его поведение.

— В чём оно выражалось?

— Волнение. Я считал его причина наше задание. Но оказалось, у него были другие корни. Впоследствии это сыграло свою роль.

Зак Черезку

— Юнхэгун. Затерянное пристанище чокнутых монахов. Точка на карте, которую и разглядишь-то не сразу. Почему они не обосновали свой монастырь рядом с цивилизацией? Или почему цивилизация не проложила туда нормальную, современную дорогу?! Скалы и камни, щебень, обрывы и бездонные пропасти. Не понимаю.

Мы шли, растянувшись в длинную цепь. Тяжёлую технику пришлось оставить, как только нам попался первый обвал. Проход расчистили, но лишь для лёгких машин, при движении многотонных танков вся округа дрожала, камни сыпались нам на головы, угрожая похоронить под собой всю колонну. К тому же толку от бронированной техники не было никакого. Попадались участки дороги, где ей попросту негде было развернуться. Если случится нападение и танк будет подбит, мы окажемся в ловушке. Пришлось оставить всё это «добро» и топтать пешком, при поддержке нескольких колёсных транспортов, с лёгким вооружением.

Мы шли туда по наводке «языка», взятого у той обсерватории. Он-то и рассказал нам, что большой отряд Сопротивления, судя по всему, имея много раненых, ушёл по направлению к монастырю.

— Вам было известно о гражданских, прятавшихся там?

— Нет.

— И ваше командование не знало?

— Нет... Не смотрите на меня так! Говорю же, не знало. Никто не знал. А если бы и знали... Думаете, это остановило бы нас?

— Думаю, нет.

— Тогда и говорить не о чем. Знали, не знали! Могли, не могли... Вас там не было. Спросите лучше у Сопротивления, знали ли они!

— Они бы ответили так же.

— Чёрт, да считайте как хотите! Что это? Допрос с пристрастием? Или как?!

— Я не хотел. Простите.

— Да ладно... Проехали... Не знал я тогда о гражданских. Шёл выполнять приказ. Как и обычно. Кто ж мог подумать... А, неважно уже...

Черезку делает короткую паузу. Я вижу, как мои слова задела его.

— Я приехал услышать вашу версию тех событий, — произношу я.

— У меня нет версии. Знаю только то, что видел.

— Расскажите.

— Хорошо, хорошо... Звуки перестрелки — вот что я услышал, как только перед нами показались стены Юнхэгуна. Выстрелы и крики. Истошные крики. Так кричат перед лицом страшной опасности или перед лицом смерти. Поверьте, даже с такого расстояния я отчётливо различал женские голоса и детский плач. Признаться мы опешили. Уж больно неожиданно это было. Я ожидал приказа, а его всё не поступало. На лицах сослуживцев читалось удивление и растерянность. Не смейтесь. Да. Мы растерялись. Сто второй полк — палачи и каратели, как именовало нас Сопротивление, растерялись. А знаете почему? Может, у каждого была своя причина?! Я не знаю. Знаю только как мне вдруг стало не по себе от этих криков... конечно, я видел многое, сам делал не слишком приятные вещи... Но вот тогда, этот крик... Грубые камни монастырских стен скрывали от нас происходящее за ними. И от этого становилось... Чёрт, даже немного страшно. Неизвестность. Пугающая неизвестность. Я готов был услышать что угодно, но недетские крики.

Но приказ мы всё же получили. Не стоять же с разинутыми ртами весь день. На нас никто не обратил внимания и, проломив хлипкие ворота, мы ворвались в монастырский двор.

Те, кто сражались друг с другом внутри, удивились нашему появлению не меньше чем мы, разглядев, кто и в кого стрелял. Мой палец лежал на спусковом крючке, я водил стволом

из стороны в сторону и не решался открыть огонь. Две группы разнообразно одетых и вооружённых людей, разделённые пустым пространством внутреннего двора, секундой ранее палили друг в друга, а теперь застыли в нерешительности. Но самое поразительное было то, что по обе стороны, мы увидели людей в форме Сопротивления. Будто гражданская война в миниатюре, если хотите!

— Никто не пытался начать переговоры?

— Куда там! Мгновение мы все таращились друг на друга, а потом дружно, словно по команде, хотя её не было, открыли огонь.

— В кого стреляли вы?

— В тех, кто наводил оружие на меня. Я нырнул за ближайший выступ стены и старался оценить ситуацию. А ситуация складывалась скверно. Падали наши люди, валились на землю гражданские или кто это был, не знаю, на них не было военной формы, я видел, как два молодчика из Сопротивления уложили друг друга выстрелами в упор. Проклятия, вопли и оружейный треск. Пыль, летящие осколки и каменная крошка, выбитая из окружающих нас стен, дым... И при этом, всё тот же нескончаемый животный вопль многих плоток, раздававшийся, как я уже понял, из большого каменного здания с высокими сводами и узкими, не более ладони шириной окнами. Хотя может, это были и не окна. Не уверен. Помню мелькнувшую у меня мысль — «не удивлюсь, если сейчас меня пристрелят свои же».

Зак достаёт ещё сигарету и не спеша закуривает.

— В отчётах было написано про столкновение сил Сопротивления и отряда 102 пехотного полка, при котором погибли гражданские лица.

— Естественно. Кому охота разбираться в произошедшем? Короткая сухая формулировка. Каких на войне сотни и тысячи.

— Что было дальше?

— В суматохе боя я оказался у стены того здания. Со странными окнами. Сквозь дым сложно было разглядеть, что твориться вокруг, но судя по звукам стрельбы основные события переместились в ближайшие здания и галереи, окружавшие опустевший двор. Моя рация не работала. Разбилась. Я выбросил ставшую ненужной гарнитуру. У стены неподалёку лежало несколько тел. Одно шевелилось. Обычный мужик, около пятидесяти лет. Пуля, видимо, прошла лёгкое, жить ему оставалось недолго. Я хотел пройти мимо, но он схватил меня слабеющей рукой за штанину и с булькающим хрипом сказал — «дети» и указал куда-то головой, «там дети».

Не подумайте, что я размяк или расчувствовался. Не из таких... Мне нравилось то, чем я занимался. Возможно, сказала общая физическая и психологическая усталость. У каждого есть барьер, за которым разум может преподнести тебе сюрприз. Стечение обстоятельств. Место. Время... Детский плач и женские крики, доселе не трогавшие меня, в Юнхэгуне звучали по-новому. Я переступил через тело мужчины, он уже обмяк, и озираясь подошёл к двустворчатой двери, в сторону которой, как мне подумалось, указывал он. Поблизости никого не было. Любопытство тянуло меня заглянуть по ту сторону этой двери. Я и сам не заметил, как крики и плач стихли. Слышалась только приглушённая стрельба. Будто происходящее вокруг больше меня не касалось. Командование, приказы, то, ради чего я здесь оказался... Я распахнул двери. Даже не подумав, что могу схлопотать очередь при этом.

На меня смотрели несколько десятков женщин и детей, они столпились у дальней стены большого зала. Напуганные, заплаканные. У одной тётки в руках был пистолет, она держала его уверенно, но не подняла, не направила на меня. Не мигая, таращилась в мою сторону.

Сам не знаю, почему я поднял обе руки вверх. Просто показал, что не собираюсь причинить им вреда. Краем уха я слышал шорох позади себя, но не обернулся. Смотрел на неё. Пухлая рука дрогнула. Пальцы сильнее сжали пистолет. Ствол медленно стал подниматься. Я не опускал руки, знал, что успею в случае необходимости выстрелить первым. Следил за его направлением. Видел, что он направлен чуть в сторону, так в меня она не попадёт. Возможно, ещё пару секунд, и я бы решил стрелять, но она нажала на спуск первой. Пуля просвистела в стороне от меня и вошла во что-то мягкое, ну понимаете, не было звука рикошета от твёрдого предмета. Был звук падения. Боец Сопротивления повалился на пол чуть дальше, за моей спиной. Понятия не имею, почему он не стрелял. По идее я должен был быть мёртв. Потом она бросила пистолет на пол и разрыдалась.

Я стоял как истукан у этих дверей и не знал, что мне делать. Повторюсь, не растерялся и не воспылил любовью к ближнему. Во мне не проснулась, как говорят, совесть. Просто привыкнув убивать людей, привыкнув воевать, драться за свою жизнь, я не знал, что делать с этими гражданскими. Тем более, среди них не было ни одного мужчины.

— Вы не хотели им помочь?

— Чем? Что я мог сделать? Собрать их в кучу и как пастух провести своё стадо в безопасное место? Мне и в голову такое не пришло. Кругом стреляли. Стреляли все и во всё, что движется. Там за воротами оставались наши, те, что стояли в тыловом охранении. Вести их к ним? Нам не нужны гражданские! Мы здесь не для этого! Сто второй не занимался спасательными операциями!

— И что же вы сделали?

— Я ничего не успел сделать. Здание зашаталось. Посыпалась пыль с потолка. Это походило на землетрясение. Так, я и подумал в первые секунды. Потом послышался нарастающий рёв, сопровождающийся ярким светом, проникающим через узкие окна. Красным светом. Дрожь переросла в сильные толчки, будто кто-то огромный принялся раскалывать окружающие горы и перекраивать ландшафт... А потом пришла ударная волна. А с ней невероятный жар... Посыпались обломки стен и меня погребло под ними. На календаре было 15 мая.

Том Линк

— Удивительно, но мы дошли. И подумать бы не мог, что смогу преодолеть такое расстояние на своих ногах, да ещё и с такой скоростью. Возраст... мне уже давно не двадцать. Но я смог. Янис планировал дойти до Юнхэгуна за пять дней, так и получилось. Про дорогу и рассказывать нечего. Разве что места для меня необычные — горы, долины, леса... В наших степях такого нет. Непривычно и красиво. Мы не знали ищут ли нас, не знали, что происходит впереди, просто шли со всей возможной скоростью. Вернее, с моей скоростью, Янису переходы давались легче... Молодость.

Главная дорога к Юнхэгуну шла севернее. Мы побоялись идти вдоль неё. У нас был снимок со спутника, я нашёл и изучил его ранее, когда маялся безделием, ожидая «отмашки» Яниса. На нём хорошо была видна ещё одна дорога к монастырю. Точнее не дорога, а тропа, насколько можно было судить. Но она точно существовала и вела напрямиком к цели.

Четырнадцатого мая мы увидели монастырь во всей красе. Те, кто там находился, не теряли бдительности. Нас заметили со стены. Подняв руки и закинув оружие за спины, мы медленно подошли к воротам. Нам навстречу вышло два человека. Отобрали рюкзаки и винтовки. И повели к какому-то зданию во внутреннем дворе. Янис и я всем своим видом показывали покорность. Нас завели в помещение, похожее на склад, усадили на жёсткие

стулья и стали задавать вопросы.

— На вас была форма правительственных войск?

— Нет. Обычная куртка и штаны. Янис переоделся в гражданское, когда мы бросили машину. Так всё же безопаснее.

— К вам отнеслись с подозрением?

— Никакой враждебности не было. Подозрение и осторожность, да. Это легко понять, чужаки всегда вызывают недоверие. Я рассказал им, что ищу сына, назвал его имя. Пожилой мужчина, молча стоявший в углу комнаты, еле заметно кивнул одному парню и тот вышел. Тогда я подумал — хороший знак. Вслух спросил, был ли он здесь, слышали ли они это имя. Улыбнувшись, всё тот же человек мягко произнёс «терпение, потерпите». Нам предложили воды. Мы бы и от пищи не отказались, но пока довольствовались только водой. Я поинтересовался есть ли тут военные, Соппротивление. Мне утвердительно кивнули в ответ. Надежда и страх сковали мне сердце, если сын тут... Боже... Это было бы невероятно. Я отгонял мысли, что могу потерпеть неудачу. Боялся услышать фразу "вашего сына в монастыре нет". Больше искать его было негде. Это конец, и я это понимал.

Вскоре вернулся гонец, нас повели по коридорам и переходам монастыря и привели в слабо освещённую комнату, вернее, пещеру. Большая часть Юнхэгуна вырублена в скале. Страшно представить, сколько же труда было вбухано во всё это строительство. Я увидел стоящие в ряд койки... на одной лежал мой сын.

Хорошо помню, как облегчённо выдохнул Янис, как хлопал меня по спине. Помню улыбку на лице того старика — его звали мистер Пэн. Я справился. Не смотря, ни на что. Смог. Столько времени, столько безумных, нелепых случайностей и чертовского везенья и вот передо мной мой сын. На руке белая повязка, штанина разрезана, и нога забинтована, но в остальном... Здесь, жив!

Тут бы в моей истории можно было бы поставить точку. Цель достигнута, все счастливы, опускается занавес... но не мы решали свою судьбу в те дни. Силы, что выше человеческих не хотели упускать возможности поиграть нашими жизнями, а может быть и душами. На самом деле развязка была впереди. Короткая, безумно тяжёлая... горькая.

Не смогу описать вам чувства и эмоции, что я испытал, общаясь с сыном, которого не видел долгие месяцы. Поверьте, слёз было немало и у меня, и у него. Он так вообще посчитал моё появление бредом и наваждением, вызванным лекарствами, которые ему давали. Первые минуты он и рта раскрыть не мог от изумления, а потом, клянусь вам, попросил его ущипнуть.

Том прерывается. Поправляет очки. Сокрушённо вздыхает.

— С того дня я почему-то постоянно ломаю голову, как мы смогли бы вернуться домой. Я имею в виду ту часть плана, которую мы с Янисом никогда не обсуждали. Возвращение. Реально ли это было? Получилось бы? Иногда это кажется мне очень важным, найти ответ. Порой я ловлю себя на мысли, точнее, чувствую, что хочется прийти к выводу, что не смогли бы. Ушли из монастыря, но домой не вернулись. Все... Жена говорит мне, что таким образом я хочу найти утешение. Повод сказать себе «успокойся, судьба уже всё за нас решила, не в тот день, не там, но Джейк всё равно бы не вернулся домой», а с ним и ты, добавляет она. Утешение, горькая пилюля под названием «не получилось бы». Может, от этого мне легче. Её там не было...

И если подобные рассуждения успокаивают возбуждённый мозг, даруют на секунду облегчение, то другая вещь не даёт мне покоя никогда, раз за разом заставляя испытывать

чувство вины. Я виню себя, понимаете?

— За что?

— За смерти тех людей.

— Но Лучевое оружие...

— Да, не спорю... Не только оно, в Юнхэгун пришла смерть до него. Метрополия. Соппротивление. Это всё равно случилось бы. Череду событий. Я понимаю. Но мне не легче Первые выстрелы и первые жертвы случились до прихода 102 полка и до разрушительной ударной волны.

— Как это произошло?

— Я не слышал и не видел, как разгорелся спор. Мы с Джейком остались вдвоём, остальные ушли. Нам столько всего хотелось рассказать друг другу. Уже наступил вечер, а я всё сидел у его кровати и болтал о своих приключениях. Янис был там, среди "друзей". Эти мальчишки не очень уютно чувствовали себя в Юнхэгуне. Их командир, не помню его имени, ждал когда такие, как мой сын, тяжело раненые смогут передвигаться самостоятельно. Тогда они ушли бы. У них даже оружие забрали. Разрешили остаться, но не поддерживали. Дали кров и пищу, относительную безопасность, передышку, но не разделяли их взглядов, не сочувствовали. Им претило такое отношение, они привыкли к другому. А тут какие-то фермеры... Ставят условия. Одни очерствели. Часть были истинные фанатики. Те, что яро верили в свою правоту. Людей, не примкнувших к ним, они считали такими же врагами, как и граждан Метрополии. До нашего появления, послужившего катализатором последующих событий, они терпели, терпели гражданских, по сути спасавших их, только кто в этом признается... Тот спор разгорелся на фоне усталости одних и ярости других. Конечно же, Янису задавали вопросы. Он честно отвечал. Ведь эти люди сражались рядом с ним. Как я понял Янис бесхитростно признался, что его война закончилась, что он пришёл помогать мне и мы хотим забрать Джейка. Что для него и моего сына всё кончено. Хватит. Другие могут поступать как им заблагорассудится.

Естественно, многим это не понравилось, такое признание, да ещё и в таких условиях. Я не видел, что там произошло. Потасовка, ругань, угрозы... Наверное, всё вместе. Не будь среди тех бойцов горстки здравомыслящих, меня бы здесь точно не было.

Янис не на шутку испугался. Прибежал к нам. Выпалил, что у нас мало времени, лучше уходить. Но как? Джейк мог с моей помощью встать. Даже сделать несколько десятков шагов, но не скакать по скалам. Куда бы мы дошли? В лучшем случае до ворот. Да и без лекарств и медицинской помощи его рана могла вновь воспалиться. Я надеялся, у нас будет время. Но нет.

Ну а потом началось. Группа ребят отказалась выполнять приказы командира. Они хотели остаться в Юнхэгуне, дожидаться окончания войны. Раскол. Представьте мою реакцию. Конечно, я понимал, Джейка не отпустят так легко, но надеялся... сам не знаю на что. Там были другие люди, отринувшие войну, женщины, дети, монахи Юнхэгун. Пусть кругом был ад, но здесь островок спокойствия и надежды. Мы могли бы остаться с ними. Конечно, война не закончится завтра, но возможно...

Ирония. Война всё же закончилась. Но в ту ночь она показала, какой она бывает, словно напоследок. Братоубийственной, беспринципной, глупой.

— Бойцы Соппротивления начали стрельбу?

— Те, кто оказался самыми преданными и злыми. Они захватили оружие. В монастыре не было арсенала с массивной дверью и охраной. Гражданские просто сложили их оружие в

отдельной комнате и заперли обычную деревянную дверь. Она, естественно, не могла остановить этих людей.

Они напали на своих сослуживцев и на мужчин из числа гражданских, которые охраняли монастырь. Началась бойня. Представьте себе ночь, узкие едва освещённые коридоры, пустые залы, спящие люди. Шум борьбы, выстрелы и грохот взрыва ручных гранат, эффект от которого усиливался в каменных стенах. Ни какой организации, ни какого плана, только стрельба во всех, кто попадает на пути. Заплакали и закричали проснувшиеся дети, замельтешили миролюбивые монахи. Стреляли и по ним. Мужчины, гражданские, без оружия кидались на стрелявших в них. Гибли. Кому-то стреляли в спину. Без сожаления. Поддавшись ярости и страху. Я даже не могу сказать, на чьей стороне был перевес, кто пытался спастись сам, а кто спасал других. Наверное, многие просто хотели спрятаться. Укрыть близких. Переждать. Янис помогал мне тащить Джейка. В руке у него уже была винтовка. Мы инстинктивно поспешили на улицу, выбраться из этих давящих гулких переходов, глотнуть свежего воздуха, а там видно будет.

Коридор поворачивал, за несколько шагов до поворота, прозвучал взрыв. Нас окатило жаром, с потолка посыпались камни, обломки деревянных балок. Я задышался от пыли и дыма. Янис выглянул за угол и крикнул, что коридор завалило. Нам не пройти. Толкнул плечом соседнюю дверь и затащил туда Джейка вместе со мной. Мы отдышались. Вокруг столы и пластиковые стулья. Шкафы с посудой. И три тела. Мужчина, сжимающий кухонный нож, женщина и ребёнок лет десяти, мальчик. Они лежали рядом. Вокруг уже расплзалась лужа их смешавшейся крови. Как такое могло произойти? Кому они угрожали?

В дальнем конце столовой была ещё одна дверь. В неё вбежал боец Сопротивления. Янис инстинктивно выстрелил, но слава богу, промахнулся. Тот закричал «не стреляй Янис, это я». Знакомый, один из тех, кто послал к чёрту преданность Сопротивлению. Его форма местами была перепачкана кровью и своей и убитых им людей. В глазах огонёк боевого бешенства. Но, как и все они ещё такой молодой... мальчишка. Позже он погиб, мы вчетвером пробирались через обвалившуюся часть стены, когда откуда-то сверху упала граната, он попытался её отбросить, но не успел, его тело закрыло нас от взрыва и осколков.

Вам, возможно, хочется услышать более связный рассказ. Юнхэгун, короткий и не самый знаменательный эпизод той войны. Я знаю, что там были и другие «герои». Пэн Вэйдун, например, скромно улыбающийся при моей встрече с Джейком, взявший на себя бремя заботы о тех людях. Тот человек, по фамилии Майер, спасавший детей, я так и не познакомился с ним. Не только они, были и другие. Кое-кто из того самого 102 полка... Я лишь один из участников и видел не многое. Я спасал себя и своего сына, не более...

— Вы сделали больше чем всё возможное. Разве нет?

— Так и есть. (молчит)

— Где вас застала ударная волна от лучевого оружия?

— Не могу сказать, где-то под открытым небом. Над нами возвышалась отвесная скальная громадина, я видел часть монастырской стены, мы были у одного из бесчисленных входов в пещеры. Кругом стреляли. Кричали женщины. Многие, вместе с детьми и пожилыми, прятались в большом здании неподалёку от нас. Я видел, как группа мужчин, среди которых были и бойцы Сопротивления, отстреливаются от нападавших, неподалёку. Слышал голос, кричавший «не пускайте их к детям». Потом увидел солдат Метрополии. Обломки разлетевшихся вдребезги ворот. Помню паузу, наступившую после их появления. И вновь стрельбу. Теперь уже все и во всех. Мы спрятались у деревянного домика, рядом с

колодецем. Колодец не совсем подходящее название. Отверстие в земле, облицованное камнем. Внизу установка для перекачки воды из подземных источников. Там-то мы и лежали, я Янис и Джейк. Там мы были в относительной безопасности, переводили дух. Боялись высунуться.

Когда с цепи спустили лучевое оружие, появилось огромное облако ярко-красного цвета. Там не было горизонта, я просто увидел его на фоне соседних скальных гребней. Представляете его размеры? На таком расстоянии, в окружении горных вершин, а его всё равно было видно. Ничего похожего с атомным взрывом, с этим грибовидным облаком. Это походило на воздушный пузырь, растущий почти идеальной полусферой и вверх и в стороны. И адский грохот, пугающий не своей громкостью или мощностью, а расстоянием до его источника. Увеличивающийся. Шедший со всех сторон, будто кто-то крутит регулятор громкости к максимуму, медленно, но и пугающе неотвратимо. Тогда застыла вся округа. Всё что двигалось и издавало звук до того, перестало существовать. Затихло перед мощью накатывающейся волны, с которой шёл горячий, обжигающий ветер. А затем затряслись сами горы. Единственным нашим спасением была та дыра в земле...

Не скажу, как мы очутились в ней. Лестницы там не было точно. Прежде чем кусок неба над нашими головами потемнел, и я потерял сознание, я успел посмотреть в глаза Джейку — в них стояли слёзы.

Ли Во Джонг

— Новый Пекин, промышленный и сырьевой гигант по меркам многих колоний. Сосредоточение усидчивости и технического потенциала. Но для меня покинутый дом. Совсем не знакомый, даже чужой. Но всё же дом. Родина. Спустя столько лет судьба привела меня к нему.

Николай рассказал мне перед своей гибелью о расколе внутри властных кругов Нового Пекина, назвал некоторые имена, должности, объяснил позиции членов правительства, всё, что знал сам. Комитет проделал там хорошую работу, честно, это незаметно со стороны, но результаты были, жаль наше руководство не смогло набраться терпения, возможно всё сложилось бы по-другому. Пока шли переговоры, пока у нас были аргументы, тех людей можно было убедить не поднимать знамёна Сопротивления, но потом появился Союз, ему нужен был Пекин, как и нам, кстати. И те, и те решили действовать наверняка силой оружия.

— Вы смогли узнать что-то о своём брате или отце?

— Я навёл справки, Чжимин работал в министерстве финансов, одним из заместителей его главы. Он сделал головокружительную карьеру, если учесть его происхождение. Николай слышал о нём, но ничего конкретного. Ну а про отца я вообще ничего не мог узнать. Я даже не подозревал, где он может находиться.

Когда мы оказались на Новом Пекине, планета пылала, нет, действительно пылала, с орбиты хорошо были видны многочисленные пожары и дым, застилающий половину континентов и островов. В серой пелене оставалось так мало зелёного цвета, даже океаны, казалось, стали серыми. Представьте, что творилось на поверхности. Мы до сих пор не знаем, сколько там погибло людей. Я бы мог отправить кого-то на поиски отца, мог воспользоваться своей должностью, убедить военных или кого-то из спецслужб, что Пэн Вейдун нужен комитету и для этого можно рискнуть подразделением армии или несколькими агентами, но не мог на такое решиться. Одна жизнь против... А если бы кто погиб, разыскивая моего отца? Я этого не хотел.

— Значит... совсем никакой информации?

— Ну не совсем. После того как мы «поймали» чиновника Сопротивления и предложили ему сделку, вновь оставалось только ждать. Не люблю подобные ситуации, лучше действовать, общаться, договариваться, спорить в конце концов. Я привык к постоянным переговорам, обменом мнениями, я мог часами по пунктам разбирать условия и договорённости. Выслушивать нёсших откровенный бред оппонентов, только для того, чтобы одной-двумя правильными фразами разрушить их неуклюжие аргументы и требования. Быть терпеливым и уметь принимать чужую точку зрения... Но ждать... Это выводило из себя. Теряешь контроль. Не чувствуешь нити происходящих процессов. Становишься наблюдателем, чей удел — случай, возможность, везение. Альери наоборот, привык к такому, там он был в своей стихии. Как партия в детской настольной игре, бросок, удар... Ожидание. Он получал от этого своеобразное удовольствие. Но приходилось принимать такие правила.

— Вы верили в успех?

— И да и нет. Слишком просто и сложно одновременно. Альери верил. Это меня утешало.

— Так что же с вашими родственниками?

— Да... Простите. Я связался с властями, на оккупированной Метрополией территории. В базах данных была фамилия Пэн, были записи, документы, место регистрации. Он жил в маленькой деревне Юкчин, в провинции Янтао. В записях указывалось, что он был старостой деревни. Всё что мне могли сказать, она находится на нейтральной территории. Сведений о жителях нет. Служащий, с которым я общался, сказал «таких селений десятки, мы понятия не имеем что случилось с их ними». В это легко было поверить. Беженцы, сотни тысяч, может, миллионы. Пропавшие, точнее, получившие такой статус только потому что, никто не знал, как сложилась судьба и где могут находиться люди, жившие в каком-либо из районов или городе или маленькой деревушке. Там, где боевые действия не велись, был хоть какой-то порядок, даже с учётом огромных масс людей, передвигающихся с места на место. Но там, где шли бои, где территории переходили из рук в руки или оставались ничейными... В общем, ими никто не интересовался. Других дел по горло. Да и возможности никакой.

— А ваш брат?

— О нём я тоже попытался узнать. Наш комитет ещё продолжал работу на планете. В основном контакты существовали с теми людьми, кто работал при старом правительстве. Разногласия развели бывших коллег по разные стороны баррикад, многие остались лояльны Метрополии, из-за страха или по политическим мотивам, одни хотели больше власти, другие лишь искали выгоду. Поддержавших Сопротивление тоже было немало, они сотрудничали с Союзом и руководили регионами, подконтрольными ему. Одна планета, но два правительства. И каждый считал мятежниками других.

Так вот, комитет всё же пытался организовать переговоры, договаривался о прекращении огня, ох как на это реагировали военные... на нас смотрели как на предателей. Одно упоминание о снисхождении к врагу вызывала ярость у генералов и старших офицеров. Думаю, у другой стороны были те же проблемы. Обмен пленными самый налаженный механизм взаимодействия, хоть тут военные были заинтересованы в договорённостях. На этом всё и строилось. Вся политика враждующих сторон. Тут можно было найти понимание, в отличие от судебных гражданских — они никого не интересовали.

Мы с Маркусом поселились в маленькой гостинице, в Чунцине. Комитет расположил там свой офис и там же жили его работники. У нас было время. Перелёт до Эссена и

обратно... Не знаю, как там всё могло получиться. Мы просто остались на Пекине и ждали. Маркус сидел в номере и по большей части пил. Выходил редко. Служба безопасности приглядывала за ним по моей просьбе, он это знал, но не подавал вида. Я же старался занять время ожидания работой, изучением здешних дел. И, конечно же, судьбой отца и брата.

Чжимин остался верен старому правительству. Его имя иногда упоминалось в документах Комитета. Не известно, что за должность Чжимин занимал в то время, но, судя по всему, он мог принимать решения. При обмене пленными его подпись стояла среди остальных. Видимо, финансами он больше не занимался, или занимался не только ими. Кто знает как построено взаимодействие «старых» властей Нового Пекина, Сопrotивления и Союза в целом. У меня была надежда, что он сумел позаботиться о нашем отце. Если бы я тогда знал... об их отношениях... если бы я знал, на что он способен...

Но полученные знания важны в моменте, после — это лишь упущенные возможности и память, съедающая изнутри. Бесполезная и горькая. Ценности никакой. Самая обидная фраза, указывающая на полную беспомощность — «если бы я знал тогда...». Та война закончилась, но попробуйте найти человека, который не сказал бы вам, вспоминая о ней, «если б я знал».

— Он был членом Сопrotивления?

— Высокопоставленным, да. Я так и не выяснил его мотивов. Да и важно ли это сейчас?! Он работал с ними задолго до начала войны. Получил власть, доверие и покровительство. Взамен отдал жизнь и душу.

Я всего лишь увлёкся личными интересами, послушал свою мать. Надеялся узнать судьбу отца, возможно помочь, в случае необходимости. А получилось, что оказался в нужном месте, не скажу, что в нужный момент, но возможно... Опять же «если бы».

Чжимин при других обстоятельствах был бы главной целью Комитета, моей главной целью, но тогда он был всего лишь моим сводным братом, от которого я надеялся узнать судьбу отца.

— Вы с ним встретились?

— Да.

— Расскажите подробности.

— Комитет планировал большую встречу. В этот раз не обмен военнопленными. Совсем другое. Вспышка неизвестного заболевания. Тревогу подняли военные медики, принимающие пострадавших в одном из полевых госпиталей. Как обычно, сначала никто не обратил внимания на рапорты местного начальства. Высшее командование сосредоточилось на ведении боевых действий и отмахивалось от назойливых тыловиков, с их проблемами. Раненый боец — выбывшая единица, если сможет вернуться в строй «отлично», нет, придёт пополнение. В тылу ими занимаются и ладно. Но вскоре им пришлось обратить внимание на поступающие отчёты военных медиков. Высокопоставленный генерал посетил с инспекцией госпиталь в Лачане, на его вопрос, почему там задействовано так мало персонала и кто отвечает за кадры, ему ответили, что множество врачей больны и находятся в карантине, как и большинство пациентов, к которым его отказались пускать. Важная шишка, многозвёздный генерал пришёл в ярость от подобного заявления, он готов был поставить к стенке начальника госпиталя. Но тот смог убедить его в серьёзности происходящего. Показал копии отправленных рапортов, списки поступивших и умерших за последнее время. В общем, высокое начальство увидело наконец то, о чём ему твердили работающие на местах. Неизвестный вирус косил бойцов, поступающих с передовой, и они же становились

его носителями. Если ситуация выйдет из под контроля, может случиться настоящая эпидемия. Нужно было принимать меры.

Началось расследование. Вирус имел природное происхождение. Естественно, все подумали о биологическом оружии или что-то в этом роде, но доказательств этому не нашлось. Заражённые обнаруживались только в определённом месте, на других участках фронта или в тылу подобных случаев не нашли. Пока военные ограничились выводом войск с потенциально опасной территории, где появились очаги и приняли меры по нераспространению заболевания. Короче говоря, установили санитарную зону и строгий карантин в районе Лачана. Кое-кто опасался, что противник воспользуется моментом, боялся оголения линии соприкосновения, но как оказалось, они не предприняли попыток прорыва или массированного удара на том направлении, активность войск Союза снизилась и практически сошла на нет.

Тогда же и стало ясно, что Союз столкнулся точно с такой же бедой. Теперь уже военные обратились за помощью к Комитету. Они понимали, что война войной, но когда солдаты погибают не от снарядов и пуль, дело плохо. Они хотели конкретики. Что это? Откуда взялось? И что происходит у противника? Им понадобились контакты и консультации. Обмен информацией... Упрямыцы! Сколько всего можно было бы сделать, сколько жизней спасти, если бы они шли на уступки.

— Болезнь была на столько опасной?

— Медики говорили о резком ослаблении иммунитета среди заражённых. Представьте себе условия на передовой. Грязь, антисанитария, питьевая вода, пища. Всё это не способствовало здоровой атмосфере. Организм человека устаёт, становится более беззащитным. То же самое и с гражданскими — стресс, недоедание, отсутствие нормальной медицинской помощи, загрязнённая атмосфера, плохо очищенная вода. Много чего. Да, болезнь могла выйти из-под контроля. Не настолько опасная сама по себе, но опасная в той обстановке.

— А что Союз?

— Они ответили согласием на консультации. У них происходило то же самое. Они также теряли людей. Решено было создать совместную комиссию. Первая встреча была назначена на ближайшие дни, и я получил возможность присутствовать на ней. Комитет имел список участников со стороны Союза. Там было имя моего брата. Это был мой шанс.

— Как он отреагировал на ваше появление?

— Мы же никогда не встречались. Не знали друг друга в лицо. Когда шло представление присутствующих, он только слегка кивнул, услышав моё имя. Дальше мы занимались работой. Лишь после, закончив дела я смог поговорить с ним наедине. Он был сдержан. Конечно, удивлён, но старался не показывать этого. Всё же мы чужие друг другу люди.

— О чём вы говорили?

— Я коротко рассказал о себе. О своей работе, о маме. Спросил про его семью. Он ответил, что у него никого нет. Занимаясь карьерой, он так и не нашёл на это времени. Станный разговор. Я чувствовал себя неудобно. Всё откладывал задать вопрос про отца. А он, спокойно отвечая мне, не поднимал эту тему. Мне показалось, специально её избегает. Сами понимаете, столько лет мы совсем не интересовались друг другом, не контактировали, а тут стоим и разговариваем... я всё же спросил про отца. Ответ меня удивил. Они не общались. Уже давно. Как он выразился «по политическим мотивам». Где наш отец Чжимин не знал...

Я стоял перед ним и не находил нужных слов, хотя привык полагаться на свои навыки общения. В голове крутилась мысль «как ты мог?». Мне казалось, он бросил его. Оставил именно тогда, когда был нужен. Хотя я сам не лучше. Вокруг шла война, его... наш отец мог нуждаться в помощи, мог быть мёртв, в конце концов. А он ничего не сделал. Не искал его, не помогал.

Там я понял, насколько человечество очерствело. Как разногласия в «политических» вопросах сделало чужими близких людей. Какие мы разные. Война должна была произойти. Это было неизбежно. Альери был прав.

«Ты за этим сюда прилетел?» — спросил он.

«Я ищу лучевое оружие» — машинально ответил я.

«Уверен скоро ты его найдёшь» — бросил он и ушёл.

Я рассказал Маркусу об этом разговоре. Мне нужно было с кем-то поделиться. Выплеснуть досаду и разочарование. Я потерял контроль... Даже не придал значения его просьбе повторить последние слова Чжимина...

Маркус выслушал меня. Немного помолчал. А затем неожиданно сказал:

— Он знает где оно.

Александр Борроу

— Самым верным решением могло показаться бегство. Плюнуть на всё, взять семью и сбежать. Возможно сдаться властям Метрополии. Стать перебежчиком. Предателем. Уверен, статус позволил бы нам, я имею в виду мою семью, обосноваться где-нибудь в центральных мирах, подальше от Эссена и войны. Конечно, в обмен на сотрудничество. Безопасность вдали от родины, новая жизнь с оглядкой на происхождение и память. Простой путь, правильный. Я мог так сделать, и супруга поддержала бы меня, но...

Вы хорошо знаете историю, мистер Фишер? Если да, вы должны вспомнить двадцатый век — Вторая мировая война, чудовищное событие по меркам того времени. Память о ней жива до сих пор. Как жива память о её героях и злодеях. Одних приводят в пример, других... тоже не забыли, но их имена стали синонимом страшных преступлений и бесчеловечности, безумия и жестокости. Они вошли в историю, они её неотъемлемая часть. Как и малочисленная группа людей, живших в то время, участников тех событий — не столь известных, но заслуживающих уважения и понимания их поступков. Я говорю о тех, кто принял сложное решение, кто понимал, куда ведёт выбранный путь их соотечественников. Кто ценой своей жизни попытался остановить тирана и стать для многих предателем. Об истинных патриотах. Они также могли покинуть родину, бросить её на произвол судьбы, отдать в руки безумцам... Сказать, «я ничего не мог сделать», «я был бессилён». Но они выбрали другой путь, скользкий, ненадёжный, опасный, и что самое обидное — так похожий на измену.

— Вы имеете в виду Германию и её правителя?

— И заговоры против него. Попытки настоящих патриотов остановить войну, чтобы спасти то, что осталось от их страны.

— Вы сравниваете себя с ними?

— Я их понимаю. И знаю, с чем им пришлось бы жить. Я пытаюсь объяснить насколько это тяжёлый выбор. Пойти против толпы, зная, что тебя многие не поймут и заклеймят. Возненавидят. Но он единственный верный. Я не жалею. Поэтому тогда я не помышлял о бегстве. Я хотел спасти, что ещё можно было.

— Тот человек, Франц, если бы его...

— Допрашивали, пытали?

— Да.

— Его могли арестовать за что угодно. В те дни подобные вещи стали нормой. Доносили или откровенная подлость, личная неприязнь, зависть... Неважно. Если они взяли его за то досье, то, конечно, он бы признался кому передал его. В подвалах тайной полиции заговоришь быстро. Я не знаю этого до сих пор. Знаю только, что за мной не пришли, а значит, он нашёл способ опередить их. Уверен, он принял яд. Естественно, никто не знает, что с ним случилось на самом деле. Живым его больше не видели.

— И что вы решили делать?

— Искать поддержку. Поймите. Я не собирался войти в кабинет Самуэля и обвинить его... Не знаю даже в чём. В измене? В развязывании войны? Нет. Как и не собирался тайком пронести навстречу оружие и... Кто я, по-вашему? (улыбается) Я и пистолет-то в руках никогда не держал. Убить человека? Моего давнего товарища? Немыслимо!

Да и бесполезно. Его авторитет, его последователи, население, вознёсшее его выше облаков. Это превратило бы его в мученика. Волна фанатизма как на Эссене, так и в других колониях поднялась бы с новой силой. Ещё более разрушительной. Он был стержнем Сопротивления, фактически главой Союза, но с его смертью война не закончится. Маховик раскручен. Не будет его, место лидера займёт другой. Да и плевать мне было на Союз и колонии, меня интересовала судьба родины. Эссен должен был выйти из войны. Страхнуть с себя военщину и милитаризм. Проснуться в конце концов.

Мне требовались люди, желательно обладавшие властью и возможностями, думающие так же, как я. Без поддержки МОЙ мятеж обречён на провал. Отстранить Рангози от власти ещё полбеда, дальше эту власть нужно удержать. Сделать её легитимной, показать и убедить общественность в ошибочных действиях партии и её главы... Легко сказать, правда? Вы спрашивали, были ли недовольные. Были. Франц это доказал. Ведь и он действовал не один, собирая документы и свидетельства о Лучевом оружии. Только как их найти? Кому можно верить? В ком появилось понимание тупика? В обществе, которое мы создали, голос против, даже голос сомнения звучит для остальных как открытое осуждение партии и её решений. Гласность забыта. Свобода слова есть только на бумаге. А права... тайная полиция лучше знает, что думать гражданам, в её застенках тебе с радостью объяснят, как нужно любить родину. А если полиция вдруг не удостоит тебя такой чести, так твои же соседи растолкуют тебе, как должен мыслить настоящий гражданин Эссена. Если в ход пойдут кулаки, если тебя за несогласие или пацифизм найдут мёртвым у дверей твоего дома, уголовное дело даже не откроют. А бдительных соседей похвалят и приведут в пример остальным. Вот как мы жили. Вот что я хотел остановить.

Так что понять кто из твоего окружения или даже просто прохожих на улице носит партийный значок искренне, а кто лишь притворяется «благонадёжным» невозможно. Страх. Банальный страх за свою жизнь затыкал потенциально несогласным рты. Вы спросите, сколько их было. У меня нет ответа. Очень мало.

Самое страшное, что я даже не мог сказать наверняка, есть ли у меня друзья. От былых посиделок и обсуждений политики, от шумных застолий до утра, не осталось и следа. В моём доме всегда были рады гостям. Всегда находились интересные темы для бесед. Коллеги, знакомые, знакомые знакомых... Дружба связывала меня со многими, но теперь они приходили всё реже и реже, разговоры всё более осторожнее и скучнее. Партия, законы, война, страх... На всём присутствовал налёт страха. Сболтнуть лишнее, поднять щекотливую

тему, огласить свои мысли... Я бы сказал, мы стали чувствовать себя неуютно в окружении когда-то близких людей. Об этом мне как-то напомнила жена. Безопасность без посторонних. В семье. За её пределами возможно всякое. Я тоже это чувствовал.

— Неужели не осталось никого, с кем вы открыто могли поговорить?

— Гнетущая атмосфера всеобщей слезки и наблюдения сделала нас осторожными. Я не мог предугадать реакцию друзей из близкого круга. В одних не верил, других не хотел впутывать. К тому же требовались особенные люди.

— Особенности?

— Ну конечно. Я планировал государственный переворот. Отстранение действующего президента от власти. Президента, чей авторитет выведет на улицы столицы сотни тысяч его почитателей, достаточно им лишь узнать, что ему угрожает опасность. Количество замешанных в этом людей не имело значения. Я не собирался устраивать уличные бои и взятие президентской резиденции отрядами повстанцев. Только не так. Это путь в никуда. Слишком большая вера, слишком много фанатиков, слишком шумно и предсказуемо.

— Кого же вы привлекли на свою сторону?

— Я выбрал шестнадцать фамилий, ну точнее изначально их было больше, но мне помогала супруга, психолог по образованию, она умела «видеть» людей. Да не удивляйтесь. Действительно, помогала. Вечерами, после работы я вместе с ней набрасывал контуры будущего плана и рассматривал возможных его участников. Мы листали досье, личные дела, обсуждали заслуги и ошибки «кандидатов». Их высказывания, публичные выступления, даже семейное положение и круг знакомых. Пытались найти еле заметные признаки, как мы это называли «неблагонадёжности». Конечно, с оглядкой на пользу от того или иного человека, в зависимости от его должности и авторитета.

— Например.

— Например... командующий столичным гарнизоном, полковник Хофманн. От него в некоторой степени зависела наша безопасность. Его авторитет среди солдат был не таком уровне, что они выполняли его приказы не задумываясь. Настоящий лидер, из уважаемой семьи. Требовательный, но готовый отдать собственную жизнь ради последнего рядового. Ещё задолго до войны и всего этого безумия, считалось большим везением попасть на службу под начало этого подающего надежды офицера.

Или скажем сенатор Ланге, глава судебного комитета Сената в почтенном возрасте, он помнил о временах, когда был молод мой отец. Многие в министерстве юстиции считали его своим учителем. Человек необычайно старомодный и что очень важно влиятельный.

Остальных я выбрал сам или они пришли по приглашению тех, кто поверил мне.

— Кто был первым?

— Рон Шепард Бекер, мой заместитель. Затем остальные. Признаюсь, с Роном было страшно, страшно начинать, ведь назад уже не повернёшь. Потом уже проще. Это заняло много времени. Больше, чем я рассчитывал, но итог меня устроил. Я нашёл достойных людей, они всегда останутся для меня примером мужества и самопожертвования. Сейчас рано говорить, но хочу верить, что эти имена останутся в истории, когда пыль уляжется и утихнут страсти.

— Какой у вас был план?

— Сразу скажу, о физическом устранении не было и речи.

— Я не хотел...

— Нет, понимаю, но это действительно так. Мы пришли к выводу, что можем объявить

о недееспособности президента, сослаться на его физическое здоровье и предъявить сначала Сенату, а потом и всему «миру» план «Эссен».

— План «Эссен»?

— Пожалуй, наш единственный козырь в этой игре. «Эссен» упоминался в документах, переданных мне Францем. Там говорилось о возможном поражении в конфликте с Метрополией и об ударе Лучевым оружием по собственной территории. Мне сложно представить того, кто выполнил бы этот приказ Самуэля, но, судя по всему, к такому готовились. Это и был наш шанс. Убедить людей в безумии президента, в его неадекватности и психическом расстройстве. И как следствие, невозможность выполнять свои обязанности.

Ещё нам требовались контакты с Метрополией. В случае ухода Рангози и выхода Эссена из Союза, мы хотели получить гарантии прекращения боевых действий и отказа Центра от оккупации нашей планеты. Проще говоря дипломатические договорённости.

Днём X мы назначили пятнадцатое мая, сенат должен был собраться на очередное заседание, на котором также будут присутствовать представители нескольких союзных колоний, дипломаты надеялись получить от нас дополнительные меры поддержки их экономик, а так же убедить правительство направить к ним соединения флота, находящиеся в резерве, для укрепления границ. На фронте не всё шло так гладко. Они боялись ударов по своим планетам. Я хотел, чтобы и они узнали о Лучевом оружии, узнали правду о своих союзниках.

— Это должно было произойти прямо на заседании правительства?

— Да. Вильям Ланге готовился произнести речь, в которой раскрывались бы подробности плана «Эссен». Мы надеялись на страх перед Лучевым оружием. Хотели указать им, на то, что, спустив с поводка оружие Судного дня, назад дороги не будет. Метрополия ответит тем же. Это будет конец всему. Ну и главное — обнародовать доказательства безумного плана уничтожения собственной колонии, в случае поражения в конфликте. Далее отставка Рангози. Инициировать вотум недоверия и распустить правительство, назначить временно исполняющего обязанности президента, сенатора Ланге, лишить полномочий и упразднить Тайную полицию, начать переговоры с Метрополией...

— А если бы вам не поверили?

— Мы всё продумали. В это же самое время, когда Сенат слушал бы правду, гарнизон столицы, должен был занять ключевые правительственные учреждения, заблокировать выезды из города, взять под охрану президентский дворец, здание самого Сената, министерство внутренних дел ну и так далее. Наши протоколы предписывали в случае экстренной ситуации подобные действия военных. Им только нужно было получить приказ, приказ, подписанный мной и генералом Кохом, командующим резервной армией. Он был с нами. Вместе с этим, полковник Хофманн и несколько его офицеров, должны были арестовать президента и вывести его сначала из столицы, а потом и с планеты. И в зависимости от реакции Сената, от действий партийной верхушки и позиции вице-президента держать Рангози подальше от Эссена какое-то время. Там бы мы действовали по обстановке. Как обычно, любой план хорош только на первых порах. Дальше его приходится корректировать.

Вы должны понимать, что мы не хотели впутывать сюда Метрополию, хотели сохранить как можно больше свободы действия, это наши внутренние дела, повторюсь, мы не были предателями, нет. Мы заботились о своей родине. Так как это понимали...

Только в случае провала... Конечно же, нас ждала смертная казнь за мятеж, но...

решение далось нелегко, всем претило пойти на такой шаг...

— О чём вы?

— Эта идея появилась позже. После того как со мной связался Комитет. Верные нам люди должны были сдать Самуэля властям Метрополии, если удача отвернётся от нас. Пусть нас ждёт печальный конец, но была надежда, что геноцида собственного народа удастся избежать, если он попадёт в руки Метрополии. Преступный приказ отдавать будет некому. Это самое малое, что мы могли сделать.

— Что они вам пообещали?

— В обмен на информацию о нахождении Лучевого оружия, на заверения, что Эссен выйдет из войны, они обещали подключить дипломатию и убедить своё руководство начать мирные переговоры, а также... доставить Рангози на Землю, в качестве доказательств серьёзности наших намерений.

Сид Майэр

— Я находился в помещении радиостанции. Лениво крутил переключатель частот, фиксировал каналы на которых долгое время не было активности и записывал их в журнал. Последнее время передачи по многим из них практически прекратились. Всё реже и реже можно было настроиться на приём сообщений от любительских радиостанций и передатчиков. Делал это скорее от скуки, чтобы хоть чем-то заняться. Был поздний вечер, Сара вместе с другими детьми улеглась спать. «Большая детская» как мы её называли, находилась неподалёку, там размещались дети постарше, те что хотели спать отдельно от родителей. Вместе им было интереснее. Они чувствовали себя взрослее. У них был собственный уголок, который можно обустроить на свой вкус. Иногда кто-то из взрослых заглядывал к ним, убеждался, что всё в порядке и уходил. Так было каждый вечер, родители — чьи дети там спали, могли на время побыть наедине, отдохнуть или заняться своими делами.

Я думал посидеть ещё немного, проверить Сару и лечь спать. Днём нам пришлось потрудиться. На складе, где хранились продукты, появилась сырость и плесень, некоторые ящики и коробки оказались подпорчены, вода просачивалась через трещины в стене пещеры. Возможно, из-за прошедших недавно сильных дождей. Нам пришлось перетащить всё, что там хранилось в другое место.

Первые выстрелы я услышал около полуночи. Не скажу, что был готов к ним, но тело среагировало быстрее разума. Со скоростью спринтера я вылетел из помещения и бросился в «детскую». Это сработало как привычка или реакция на уровне мышечной памяти, ноги несли меня по коридорам, а разум отставал, пока, даже не пытаясь найти объяснение происходящему. Главное — оказаться рядом с дочерью, прижать её к себе, ощутить её руку в своей и не отпускать. Главное — быть рядом. Наверное, мне потребовалось минуты три, чтобы добраться туда. Дети спали. Мой топот и скрип двери разбудил некоторых из них, кто-то привстал, кто-то сонно тёр глаза, раздались слабые голоса. В этот момент где-то далеко прогремел взрыв. Ручная граната. Эхо прокатилось по гулким коридорам и пещерам монастыря. Этот звук разбудил уже всех. Сара подскочила ко мне, прижалась. Остальные смотрели на меня. Я чувствовал их страх, но и решимость тоже. Ни криков, ни плача, только готовность выполнять приказы взрослого, который наверняка знает, что нужно делать. Они повзрослели за эти месяцы и в отличие от более младших понимали, как изменился мир, приняли новую жизнь и внутренне готовились к борьбе с враждебной реальностью. Вопрос — был ли я готов принимать решения?

Я позаботился о Саре, бегство привело нас сюда, в Юнхэгун, дало временное ощущение безопасности, крышу над головой, надежду... Но есть ли в этом моя заслуга? Способен ли я позаботиться не только о себе и о дочери, имею ли я право говорить другим, пусть даже детям, что им надлежит делать? Я никогда не принимал решений. Скорее поддался панике, покидая дом. Затем судьба свела нас с мистером Пэном, и он взвалил на свои плечи бремя принятия сложных решений, я лишь подчинился. Теперь на меня смотрело двадцать пар глаз, а я молил Бога, чтобы появился кто-то ещё из взрослых, уверенным голосом прокричал «прячьтесь» или «бегите за мной» или что-то в этом духе и стал «главным». Отдал приказ, чёткий и верный. Но почему-то, кроме меня, здесь были только дети. Где же все? Вертелось у меня в голове. Прошло уже довольно много времени. Им пора появиться...

Юнхэгун не строили, больше подойдёт слово «долбили» или «рыли». Всего несколько зданий, сложенных из камня, теснились на уступе скалы, обнесённые такой же каменной стеной, остальные помещения монастыря были, по сути, пещерами, выдолбленными в скальной породе, в глубине горы. Когда мы сюда попали, нам даже пришлось краской делать указатели на стенах, ориентиры и подсказки, чтобы не запутаться в переплетении переходов и залов. Стрелка или условное обозначение направления и функции помещения помогали нам ориентироваться. Ума не приложу, для чего строители изрыли внутренности горы и создали уйму пустых пещер. Живущим тут монахам столько не требовалось. Они пустовали, создавая подземный лабиринт, где с лёгкостью можно потеряться. Возможно и сами обитатели этого места не знали точного плана расположения всех ходов и коридоров. Они пользовались основными, обжитыми и функциональными, остальные никто не посещал, многие двери, ведущие к ним, не открывались долгие годы, если вообще открывались с тех пор как, Юнхэгун покинул последний строитель.

Так уж случилось, что я оказался первым, кто добрался до «детской». Единственным, кто был рядом в это время, кому не пришлось вскакивать с постели и впопыхах натягивать одежду, тратя время на непослушные штаны или поиски рубашки. Единственным, кто мог помочь этим детям. Из коридора появился дым, едкий, густой. Он клубился вдоль потолка и повалил в комнату. Я машинально закрыл дверь, но он просачивался сквозь щель между дверным полотном и откосом. Звуки стрельбы стали тише. Нужно было действовать. Вот только как? Это не мои дети, я не в ответе за них. И дело не в том, что я не хочу им помочь. У каждого из них есть родители, они наверняка спешат сюда, на помощь им. Что бы ни произошло, они придут. Кто бы на нас ни напал, как бы смертельно опасно это ни было, взрослые их не бросят. А дыма было всё больше и больше, кто-то из детей закашлялся. Конечно, нужно было уходить отсюда. Но тогда их родные не будут знать, где они и появившись обнаружат пустые кровати и брошенные вещи. Запаникуют. Бросятся на поиски и, возможно, потеряют драгоценное время.

Всякий у кого есть дети, сможет привести вам хоть один пример их сообразительности и удивительной решимости, в моменты, когда взрослые, отягощённые опытом прожитой жизни, слишком подверженные стереотипам, страхам и сомнениям, не способны принять решение. Их мозг не затуманен лишними мелочами и привычками. Он работает быстро и прямолинейно. Находит нужное решение легче. Простое. Незамысловатое, но верное. А ещё они — всё понимают, как бы ни думали о них взрослые.

Честно признаюсь, в ту ночь правильное решение принял не я, а парнишка четырнадцати лет, крикнувший остальным «одевайтесь» и указавший мне на шкаф, стоявший у дальней стены. Когда я к нему подошёл, он открыл дверцу, часть задней стенки

держалась на одном гвозде или шурупе. Он легко отодвинул её в сторону. За ней был узкий проход, уходящий в темноту. Он посмотрел на меня снизу вверх, коротко кивнул и бросился помогать остальным. Его «решение» прочистило мне мозги, избавило от сомнений и придало сил действовать. Теперь я не колебался.

Через несколько минут мы шли по тёмному и пыльному коридору, освещая себе путь единственным ручным фонариком. Оказалось, они давно нашли этот проход, прикрытый шкафом и тайком от взрослых «изучали» эти заброшенные катакомбы.

— Вам не пришлось их уговаривать? Они просто пошли за вами?

— Не пришлось. Вы бы видели их суровые, решительные лица. Они прекрасно понимали грозящую опасность. Естественно, хотели оказаться рядом со своими семьями, но в данной ситуации, приняли решение позаботиться о себе самим. В конце концов, мы убегали от стрельбы и дыма, спрятаться не самая плохая идея. А там взрослые разберутся с проблемами и найдут их.

— А вы не пытались выяснить, что происходит?

— Я думал об этом, конечно же, хотел. Меня беспокоило, что стрельба раздавалась в помещениях самого монастыря. Если на нас напал внешний враг, то как он смог так быстро очутиться в самом центре нашего прибежища? Нападение извне, не могло пройти так молниеносно, пусть мы и не солдаты, но уж заметить приближающегося противника, по единственной дороге к Юнхэгуну наши люди смогли бы. Значит, враги были внутри монастырских стен. Только кто? Вывод очевиден! Сопrotивление. Но почему? И зачем? Этого я не знал. Чтобы узнать, что происходит, нужно было идти туда, где стреляли, найти мистера Пэна или остальных, но сделать это можно только в одиночку, а бросить детей я не мог.

Я спросил у того парнишки, как далеко они заходили, есть ли здесь выход наружу, он ответил, что скоро мы упрёмся в запертую дверь, открыть которую они пытались, но не смогли. До этого мы проходили мимо коротких ответвлений коридора, заканчивающихся запертыми дверьми, я инстинктивно дёргал за ручки, но они не поддавались. Всё заперто. На замки. Не вспомню, как долго мы шли. Часто останавливались. В полной темноте сложно ориентироваться, сложно следить за минутами, единственный источник света лишь слабо указывал путь, дети жались поближе к этому дёргающемуся жёлтому кругу в голове нашей колонны. Я сказал им держаться за одежду впереди идущего и посматривать за тем, кто идёт следом. Думаю, наше путешествие длилось не более двадцати минут, но могу ошибаться. Как и предсказывал мальчик, наш путь закончился у совершенно такой же двери, какие мы встречали ранее. Сколоченная из толстых досок, массивная, с внушительным замком. Я тогда подумал, сколько же весит связка ключей от всех этих дверей, уж больно много их было в монастыре. Да ещё и все заперты, видимо, кто-то из монахов питал особую любовь к порядку и правилам — если есть замок, он должен быть закрыт.

Скорее ради приличия я дёрнул за ручку. Дверь неожиданно поддалась, чуть слышно скрипнула и сдвинулась. Немного. Тот же мальчик, державший фонарик, вопросительно посмотрел на меня. Когда нам в глаза, привыкшие к темноте, ударил луч света, я отстранил его в сторону и заглянул в образовавшуюся щель. Ярко освещённая комната, кровати, несколько тумбочек, одежда. Я узнал это место. Здесь мы расселили людей из Сопrotивления. Некоторых из них... То, что на первый взгляд я принял за кучу одежды, оказалось телами. Глаза привыкли к свету, и я понял, что вижу перед собой мёртвых людей, лежащих на придвинутых друг к другу кроватях. Я отшатнулся и захлопнул дверь. Испугался.

Этим резким движением испугал детей. Наверное, на моём лице, даже в полутьме они увидели страх. Неизвестность пугает, пугает больше, чем самые ужасные зримые опасности. Разум рисует дикие картины, которых, может быть и нет, на самом деле, но так уж мы устроены. Им хотелось знать, что я увидел, и не знать одновременно.

Я выдохнул, собрался с силами и попросил детей отойти немного назад. Бросил, моему помощнику «стойте здесь» и проскользнул в ту комнату, прикрыв за собой дверь... Не нужно быть специалистом криминалистики, чтобы понять, что тут произошло. Стреляли со стороны входа, противоположная стена вся в отметины. Три мёртвых человека не успели среагировать и лежали там же, где их настигли пули. Видимо, они сидели на кроватях, двое лицом к стрелявшим, один спиной. Их расстреляли зло, коротко не целясь. На всех форма Сопrotивления, что самое удивительное. Значит, всё же я ошибся. Здесь солдаты Метрополии! Как ещё это объяснить? Внезапное нападение! Скрытое проникновение! Наверняка обученные люди способны на такое. То, чего мы боялись, произошло, наша доброта привела к нам беду. Война и кровь, от которой мы бежали, пришла в Юнхэгун.

За этими мыслями я и не заметил, что снова слышу ружейную стрельбу, едва различимые крики и грохот боя. Где-то там, вдалеке... Потом меня подхватил водоворот событий, подробности которых я не помню до сих пор. Некоторые моменты просто вырезаны или стёрты. А может, и вообще привиделись мне. Помню, как решил не покидать тот заброшенный ход, что привёл нас сюда. Остаться там как минимум до утра. Подтащил что-то из мебели к двери. Сам... не хотел, чтобы дети видели тела, и подпёр её. Мы устроились на полу, у стены. Я объяснил им, что нужно вести себя тихо, дождёмся тут утра, а потом всё как-то разрешится... Но не получилось.

Появился свет, много вооружённых людей. Они светили фонарями на своих винтовках. Я так и не понял, откуда они пришли. Только их не было и раз, меня поднимают на ноги, орут, толкают. Детей тоже заставили встать. Кто-то указывает на нас и кричит «чёрт с ними», в ответ доносится «пригодятся». Я даже не могу разглядеть их лиц. Заплакал кто-то из детей, грубый голос приказал ему заткнуться. Опять мы идём. Точнее, нас ведут. Уже не темно, коридор освещён. Я вижу бойцов Сопrotивления, ещё больше удивляюсь этому. Почему они ничего не объясняют? Почему так грубы с нами? Ладно я, но эти дети... Вы же не воюете с детьми! Там ваш враг, Метрополия! Для чего всё это?

Ворох мыслей, вперемежку со страхом и накатывающейся усталостью. Хорошо, хоть Сара рядом, безмолвная, держит меня за руку. Не плачет как другие. Другие тоже не плачут, скорее всхлипывают и утирают слёзы. Плач раздражает наших конвоиров.

Нас привели в помещение, где я увидел знакомые лица, мужчины и женщины, сидящие на полу. Понурые, напуганные, грязные, некоторые со следами побоев. Тут же несколько семей воссоединилось, ничто не смогло удержать мальчиков и девочек, бросившихся к своим родителям, ни крики солдат, ни их сильные, цепкие руки. Поились слёзы, и радости, и отчаяния, всё вместе. Заплакали и те, кто не увидел среди этих взрослых своих родителей. Меня толкнули на пол. Сара прижалась ко мне.

— Что им от вас было нужно? Я не понимаю для чего?

— Я слышал их разговоры. Обрывки фраз. Мне кажется, они обезумели. Я знал, что Сопrotивление состоит из ярых фанатиков, но эти зашли ещё дальше. Что-то настолько выбило из них всю человечность и рациональное мышление, что фразы «они готовы на всё» тут было мало. В их рядах произошёл раскол, я так и не понял почему. Просто догадался, что виденные мною убитые солдаты, пали от руки своих же товарищей. По коротким фразам

понял, что некоторые из них взбунтовались и отказались подчиняться, самые преданные устроили резню, попутно напав и на нас, гражданских, давших им кров и пищу. Думаю, они не хотели просто уйти, они хотели уничтожить своих бывших сослуживцев, осмелившихся на поступок, который не могли сделать они сами. Остановиться. Уверен глубоко в душе, эти люди хотели прекратить войну, забыть её как кошмарный сон, не все, но кто-то... вполне возможно. Однако их реакция и ожесточённость была тем выше, чем сильнее они понимали, что это можно сделать, можно прекратить борьбу, сложить оружие, отказаться от своих взглядов. Это только придавало им сил. Злило. Выводило из себя. Что называется, «слетели с катушек»...

Может, я зря их оправдываю? Может, там остались только действительно испорченные люди, без надежды на пробуждение. Те, про кого говорят «безнадёжный». Не мне судить. И не в том состоянии. Но ярость возникает во мне, когда я вспоминаю, с какой лёгкостью они убивали людей, часто безоружных, слабых, и даже... не жалели детей. Пока мы там сидели, один мужчина рассказал мне, что Мистер Пэн и другие, а также, примкнувшие к ним бойцы Сопротивления, контролировали ту часть монастыря, в которой находился склад с нашими припасами и водой. В суматохе и неразберихе многие погибли, многие разбежались, спасая жизни, кто-то взял оружие и сопротивлялся. Большинство, особенно семейные, защищали своих детей. Другие хотели пробиться туда, в «большую детскую», в надежде, что с их чадами всё в порядке. Кто-то, как он, попал к ним в руки. Его жена и дочь прятались в обеденном зале, вместе с остальными женщинами и детьми, а также, стариками. Он сказал — «я не знаю, как это могло случиться». Не знал и не понимал этого и я.

Простите меня за бессвязный рассказ. Я обычный человек, не привыкший к таким стрессовым ситуациям. Не герой.

— Всё в порядке, я слышу главное.

— Да. Конечно...

— Продолжайте. Правда, всё хорошо.

— Ну... мы всё ещё были там. Стрельба то нарастала, то стихала. Суетились солдаты. Двое из них схватили девочку лет десяти, сидящую недалеко от нас и потащили куда-то, трое мужчин вскочили и попытались им помешать. Но что сделаешь голыми руками против тех, у кого оружие? Одного ударили в живот, а другого и вовсе застрелили, пока он пытался бороться с ними. Тело, оставили где есть. Всё это на глазах у детей. Я попытался прикрыть Саре глаза, но...

Потом вокруг закричали «правительственные войска, метрополия». Ещё больше суеты, ещё больше пальбы. Если я думал, что страшное уже случилось, то это было только начало. На нас перестали обращать внимания. Оставили двух или трёх охранников, остальные убежали. Что же там твориться, думал я? Что теперь будет?

Солнечный свет проник в узкие окна нашего помещения. Наступил рассвет. Где-то далеко или совсем рядом шёл бой. Понятия не имели мы кто одерживает верх и есть ли вообще этот верх. Просто сидели и жались друг к другу.

Ну а потом, чтобы показать, что судьба играет в Юнхэгуне свою жестокую игру, появился последний участник тех событий, не разбирающий кто свой, а кто чужой, глухой к мольбам и крикам — яркий свет, горячий ветер и гром, от которого хотелось закрыть уши.

Янис Анил

— Мне понравилось в монастыре. Аура спокойствия и безмятежности, окружала его. Люди просто жили в своём маленьком затерянном мирке. Пусть лишённые многих благ

современной цивилизации, пусть обособленно и скромно, но спокойно и размеренно. Бегала детвора, работали взрослые, что-то чинили, таскали или просто беседовали. Я видел маленький, ухоженный цветник, яркое пятно среди угрюмых скал и камней. Обычные радости, скромная красота, на которую эти люди находили время и силы. Оттого, наверное, и слышался смех, появлялись улыбки, люди шутили. Как же я отвык от этого, там мне ярко представился дом, давние друзья, университет...родители. Как они там? Понимаете, я перестал выходить с ними на связь. Сам не знаю почему. На Самуи во время лечения, как-то появилось мимолётное желание связаться с ними, но быстро прошло. Я так и не позвонил. Жалел себя, копался в своих проблемах, начисто позабыв о тех, кто меня любил и ждал. Страдал сам, не задумываясь, как спится матери и как болит сердце у отца, живущих в полной неизвестности о моей судьбе. Эгоистично. Даже подло... Я забыл, что существует другая жизнь, а здесь увидел, как она может прорости и окрепнуть даже на голых скалах.

Радости Тома не было границ. Наше фантастическое везение воссоединило его с сыном. Вот как желание побеждает обстоятельства, вера и стремление, способны творить чудеса, а иначе как чудом это не назовёшь. Джейк здесь, живой. Он справился. Есть ли более весомое подтверждение отцовской любви?! Думаю, нет. Наш рассказ, его рассказ о приключениях и сложностях, встреченных на пути сюда, приводил слушателей в умиление, даже вызывал восхищение. «Поступок сильного человека» — говорили они. «Я всего лишь отец» — отвечал он скромно.

Ну а я встретился там со своими товарищами. Как бы ни изменились мои взгляды на происходящее, они всё же оставались «братьями по оружию», нас связывало нечто большее чем кровное родство. Такое не забывается. Не знаю, чего я ожидал от этой встречи. Почему решил, что меня поймут? Полагаю, мне хотелось встретить их поддержку.

— Как они отреагировали?

— Сухо. Настороженно. И причина не только в моём «дезертирстве», а в их усталости. Попробуйте сохранять крепость духа, терпя неудачи. Под усталостью я подразумеваю не физическую, с этим всё было в порядке, а скорее моральную. В роли загнанного зверя теряешь надежду, опускаешь руки, злишься и нервничаешь. Удача окрыляет, а сидение в норе, высасывает из тебя силы, даёт время на размышления, опасные мысли и некстати нахлынувшие чувства. Лучше бы я там не появлялся. Смело награждайте меня орденом за глупость, да ещё и с лентой в придачу... Убаюканный своим решением, наслушавшийся за время знакомства, от Тома «лестных» фраз о «моём» Сопротивлении. С мыслями о Марии, об идиотской надежде, что, увязнув по уши в этом дерьме, я смогу лишь силой воли сказать «хватит» и от этого всё само собой прекратится, я сглупил. Решил, что люди, с которыми я проливал кровь, вдруг станут другими, забыл о причинах, заставивших их, встать на этот путь. Забыл о фанатичной вере, живущей в них. И уж конечно, не подумал о реакции на откровенное предательство, которым веяло от моих слов. Кто-то увидел в них надежду и поплатился за это жизнью, а кто-то потерял разум, выплеснув на окружающих ненависть и злобу. Конфликт не случился бы, не расскажи я свою историю.

— С чего он начался?

— Конечно, меня засыпали вопросами. Как я тут очутился? Что происходит на фронте? И так далее. Я честно отвечал, что знал. Сказал, что помогаю гражданскому найти сына. Поначалу они не обратили на это особого внимания, уж больно хотелось услышать о положении дел в мире, но потом спросили, что значит помогаешь, что это за приказ такой я получил — помогать, и кто этот гражданский. Тут я и объяснил кто такой Том, что Джейк

Линк его сын и мы хотим забрать его. Что нет никакого приказа, да и не выполняю я больше ничьих приказов.

— При этом разговоре присутствовали все ваши «товарищи»?

— Нет. Когда Том остался с сыном, я спросил, где мне найти сослуживцев. Меня повели к ним. По пути мы встретили Питера, моего давнего товарища, ещё по лагерю на Кои. Он чуть не задушил меня в своих объятьях и повёл к остальным. Мне не нужно было представлять перед командованием, докладывать о прибытии или что-то объяснять начальству, поэтому я оказался в одной из комнат, где жили рядовые бойцы, обступившие меня, жаждущие новостей и историй. Им-то я всё и рассказал. Слух о нашем появлении вскоре разнёсся по Юнхэгуну и достиг ушей командира отряда и его ближайших помощников. Я уже, наверное, в третий раз пересказывал свою историю, когда он появился.

По идее я должен был вскочить, отдать честь. Субординация и всё такое. Но я не сделал этого. В гражданской одежде, без оружия... я уже считал себя демобилизованным, своим же собственным приказом. Он не потребовал этого. Уселся на один из стульев и вопросительно посмотрел на меня. В четвёртый раз я пересказывал то же самое. Но в этот раз заметил, что взгляды окружающих то и дело обращаются на нашего командира. Его звали Марино, капитан Лоренцо Марино... Так вот, опять же по собственной глупости я как на духу был честен. Слушатели молчали, молчал и Марино. Когда я закончил, он ничего не сказал. Посмотрел на остальных, скривил губы и ушёл.

— Странно, что он не приказал арестовать вас.

— Да. Дисциплина на первом месте, само собой. Только они слишком долго прожили в Юнхэгуне, чересчур много общались с гражданскими, расслабились. Вспомните, сколько времени я отсутствовал. Сколько они здесь прожили. Не знаю, что творилось в его голове. Он был хорошим командиром, он берёт своих людей. Поэтому они и не уходили из монастыря. Он не хотел бросать ни единого солдата.

Такое спокойное поведение моих сослуживцев я воспринял как нечто само собой разумеющееся. Снова вернулся к Тому и Джейку. Нам предложили ужин, мы с радостью согласились и ели вместе, у кровати Джейка. Шутили, болтали и пытались придумать, как нам выбираться отсюда. Джейк хвалился, что через пару-тройку дней сможет передвигаться самостоятельно...

Позже, вечером я вновь вернулся к Питеру и остальным. Один парень, я его не знал, случайно услышал разговор капитана и двух его лейтенантов, состоявшийся не более получаса назад. И рассказывал им об услышанном. Он говорил, что те двое уговаривали Марино, действовать. Восстановить дисциплину. «Взять» меня в назидание остальным. Овладеть оружием. Уходить из монастыря, бросить тех, кто не способен передвигаться сам. «Довольно сидеть без дела, довольно жалеть слабых» — говорили они. «Они нужны Сопротивлению». Капитан колебался. Отвечал, что нужно ещё время, люди сейчас не готовы. Его «обвинили» в бездействии, в том, что слишком много позволяет подчинённым. Что вот-вот солдаты откажутся выполнять его приказы, если он будет и дальше проявлять мягкосердечие. Офицеры требовали от него приказа вооружиться, забрать у «этих» монахов продукты и всё необходимое для перехода и пробиваться к своим. «Сэр, отдайте приказ или будет поздно!» — кричали они. «Приказ сэр!».

Тот боец не слышал, чем закончилась их перепалка. Поспешил рассказать остальным, и сейчас они обсуждали, что будет. Питер спросил меня, действительно ли я ухожу, я ответил да. Не помню, кто первым сказал "предатель", мгновенно поднялся гвалт, кто-то ушёл, кто-

то кричал «это его дело», слышались возгласы «присяга» и «должны». Всего и не упомнить. Мысли, скрывающиеся внутри каждого присутствующего, прорвались в форме слов поддержки, обвинения, угроз, упрёков и уговоров. Как цепная реакция, запущенная и набирающая обороты. В ход пошли кулаки. Крики и проклятия. Одни пытались образумить дерущихся, другие молча ждали развязки, скрывая свои мысли. Конечно же, я испугался. Я-то думал, всё будет так просто. Наивный. Мы с Питером выбежали из комнаты, он бросил мне «уходите как можно скорее» и скрылся за поворотом коридора.

— Вы можете объяснить, почему произошёл раскол?

— Потому что многие задумались. Соппротивление взрастило нас и бросило на вражеские амбразуры. Но были ли мы готовы к этому? Не все. Слишком долго, слишком сложно, слишком много лишений и страданий. Красивые картинки маршей по захваченным городам Метрополии, про блеск знамён Союза и символики Соппротивления, развивающихся над «освобождёнными» колониями, праздничные парады и грохот свергаемых со своих постаментов свидетельств нашего угнетения, померк перед грязью, страданиями и болью. Плохо ассоциировался с ужасами, что мы творили во имя своего «освобождения» от цепей. Не выдержала психика. Далеко не у всех, но там... так уж получилось. Обстоятельства. Атмосфера. Время и место. У колеблющихся появился повод принять решение, а у самых преданных возненавидеть их, за это.

— Значит, те офицеры, уговорили капитана действовать?

— Уговорили. Я верю, хоть и почти не знал его, что ему сложно далось это решение. Впрочем, последующие события доказали, что он был достойным человеком. Уже в суматохе бегства по запутанным лабиринтам Юнхэгунa, уже когда появились войска Метрополии, и все воевали против всех, мы с Томом и Джейком наткнулись на Питера. Он-то и обрисовал ситуацию. Наши завладели оружием и попытались захватить склад с продовольствием. Как только началась стрельба, монастырь проснулся. Гражданские быстро разобрались в ситуации, их лидер, понял, что оставшись без продуктов, они обречены. Пока одни только просыпались, в то время как многие метались по подземным переходам, спасая свою жизнь, он организовал находившихся рядом людей и дал отпор. Они попытались спрятать женщин и детей, вооружились, даже баррикады навалили из всякого хлама, на подступах к ним. Иллюзий они не питали, наверное, сразу поняли, что солдаты не будут заморачиваться по поводу безоружных, переговоров или уступок и отвечали стрельбой на стрельбу. С наскоку взять необходимое у Соппротивления не получилось и началось противостояние, опытных, закалённых в боях людей с гражданскими, плохо умевшими обращаться с оружием, но с яростью защищавшими своё «добро» и близких. К ним присоединились бойцы, отказавшиеся подчиняться приказам и сумевшие скрыться от собственных товарищей. Те, кого не пристрелили, за мятеж и предательство.

Тому, кто не был в Юнхэгуне, может показаться странным, что маленькая война случилась в таком замкнутом пространстве, всего лишь монастырь. Какие баррикады? Какие бои? Всё должно было закончиться очень быстро. Но Юнхэгун это целый комплекс пещер и помещений, лабиринт коридоров и галерей, тупиков и закрытых дверей... Многоуровневый, сложный и запутанный. Солдаты Метрополии, появившиеся чуть позже растворились в них, так же как и Соппротивление, как и гражданские, прятавшиеся и отбивавшиеся от нападавших. Там хватило бы места намного большему количеству сражавшихся. Оттого и такая неразбериха, суета, пальба во всё, что движется. Сложно построить линию боя, плохо ориентируясь на местности. Нелегко продвигаться по туннелям, оканчивающимися

тупиками или завалами, прислушиваясь к треску оружия, совершенно теряя направление и ориентиры. Попробуйте угадать кто и где стреляет, если звуки отражаются от каменных стен, порождая эхо, запутывающее вас ещё больше. Рукопашные схватки в узких коридорах, топот ног, крики. Детский плач и мольбы. Случайные жертвы. Бестолково мечущиеся ополоумевшие от страха люди. Кто-то скажет безумие и будет прав... Я помню только темноту и мигание светильников. Череду похожих друг на друга комнат. Тела людей. Ругань и проклятия. Как же я хотел исчезнуть из того места. Не слышать и не видеть всего этого. Хотел домой, мечтал о тишине.

Питер погиб. Закрыв нас своим телом от брошенной в нашу сторону гранаты. Что самое нелепое, бросить её мог кто угодно. Поди разбери в той суматохе. Но его не стало. Как и многих других в ту ночь. Мы втроём прятались, снова кралась по опустевшим катакомбам, опять прятались. Прислушивались. Ползли. Петляли и старались не попадаться никому на глаза. И так до самого утра.

Что я запомнил хорошо, так это один момент... плохо различимые голоса за стеной, звук шёл из воздуховода над моей головой. Мы приютились в какой-то кладовке или бытовке, набитой старым хламом. Джейку нужен был отдых. Прикрыли дверь, я держал её под прицелом, пока Том помогал сыну устроиться на полу и осматривал ногу. На повязке появились следы крови. В относительной тишине я слышал обрывки фраз из соседнего помещения.

Один голос говорил о гражданских, «пустим их вперёд, они не смогут стрелять... есть и дети... ещё лучше...», другой отвечал «у них на глазах... посмотрим... как заговорят... пристрелим нескольких...». Потом совсем неразборчиво. Стало немного тише, а может, голоса погромче, я узнал капитана Морино... «нет... вы с ума сопли...» пауза и вновь он «я не отдам такой приказ... не позволю...». Какая-то возня. Шум многих голосов. Затем тот, первый голос «рядовой... арестуйте капитана... сэр, вы обвиняетесь в... сдайте оружие сэр... не глупите...». Несколько хлопков. Выстрелов. Я понимаю, что случилось в той комнате. Понимаю, почему прозвучали выстрелы... Тело капитана нашли уже потом, когда разгребали завалы, когда искали и остальные тела. Надеюсь, там, наверху (указывает на потолок), он занял достойное место среди таких же, как он, сбившихся с пути, но вовремя остановившихся.

Помогло ли это тем, кого намеревались использовать в качестве живого щита? Конечно же, нет. Но душа капитана хоть немного очистилась, во всяком случае я хочу в это верить.

Мария Сиваль

— Для кого-то война закончилась, когда перестали греметь орудия, для кого-то в тот момент, когда входная дверь дома открылась и на пороге появился их отец, брат или муж, ушедший давным-давно на фронт. Для других конец войны это возвращение на родину или в покинутый дом...

Для меня она окончилась у здания столичного суда, 2 июля по общему календарю. Тёплый, солнечный день, ставший жирной точкой в моей личной войне. Не столько с «настоящим» противником, сколько с собственным разумом и воспоминаниями.

Послевоенный Самуи ещё даже не начал залечивать раны, на это уйдут жизни целых поколений, он просто старался избавиться от всего, что напоминало о горьких событиях и разрушенных судьбах. Избавиться от непрошенных гостей и порядков, установленных ими.

В те дни вереницы разнообразных кораблей уносили прочь солдат Союза, домой, туда, где их кто-то, как я думаю, ждал. Они покидали планету под хмурыми взглядами коренных

жителей, опустив головы, по большей части молча, подавлено. Всё реже и реже кого-то из них можно было встретить на улице. Сносились полевые госпитали, очищались загаженные пляжи и острова, служившие им временным домом. Тяжело больным, конечно же, разрешили продолжить лечение, о них как и прежде заботились, но, встав на ноги или получив разрешение врача, они садились в шаттл и отправлялись на орбиту. Там ими занимался центр распределения. Их ждал путь домой.

Сложно описать, как изменился наш тропический рай, за время войны. Мне даже показалось, что море стало не таким голубым и прозрачным. Возможно, так и было. Океаны пострадали от рук человеческих и варварских методов ловли их обитателей, покрылись масляными пятнами от тысяч и тысяч двигателей, что приводили в движение стада стальных монстров, именуемых сейнерами. Глубоководные шельфы, утыканые буровыми платформами словно пиявками, день за днём загрязняли морскую воду продуктами своей жизнедеятельности. Загрязняли и теперь, когда большую их часть бросили, углеводороды стали не нужны, персонал покинул их, не позаботившись о консервации скважин. Посчитать урон, нанесённый биосфере планеты, не могут до сих пор.

Суша, пожалуй, пострадала меньше, сильнее пострадали жившие на ней люди. Упадок экономики, разрыв торговых связей, безработица, нехватка элементарных товаров первой необходимости, политический и культурный кризис. А также, растерянность людей, позволивших захватить свой дом и их стыд друг перед другом. Всё это только предстоит преодолеть. Вдобавок ко всему, правительство сделало вид, что они не виноваты в случившемся. Некоторые сбежали, пока была возможность, некоторые инициировали разбирательства, расследования и бесконечные дебаты, стараясь возложить вину на других, или набрать политический вес, в новой ситуации. Люди реагировали на это вяло. Понимая, что это их общая вина. Слова политиков больше не имели над ними власти, им не верили и не доверяли. Политическая система рассыпалась в труху, лишившись электората, утратив легитимность и устойчивость. Избиратели не хотели её восстановления, они хотели очистить свой дом и помочь соседу очистить свой. Предстояло много работы, и люди делали её не по принуждению или за деньги, а по своей инициативе, безвозмездно, проявляя взаимопомощь и поддержку.

Но как и бывает всегда, кто-то должен понести наказание. Так уж устроены люди. Вчерашние враги, приложившие одинаковые усилия для развязывания конфликта, «после» начинают деловито искать способы найти виновных. В одночасье позабыв обиды или взаимные претензии, жмут друг другу руки, садятся за стол переговоров, и отдают на откуп тех, кого по их мнению, не жалко, кем можно пожертвовать в угоду толпе, попутно обеляя себя. Вот тот, кто виновен в преступлениях, кричат они. Факты вылезли наружу! Личное обогащение, преступные приказы, искажение действительности, перегиб на местах! Это они сделали то-то и то-то, они плохие, они...они...они... Глупо говорить, что толпа не хочет этого, ещё как хочет! Хочет своими глазами увидеть виновника всех несчастий и услышать его последний вздох. Так ей будет легче. Так не нужно думать о собственной вине. Проще сказать — «они»! Конечно, я не совсем права, действительные преступники и их пособники существуют и должны понести наказание. Это справедливо. Это необходимо. Я лишь говорю о безнаказанности самой системы, породившей и позволившей им творить ужасные вещи... она останется прежней.

Тогда в Сети часто упоминались судебные процессы, аресты и имена людей, объявленных в международный розыск, по обвинениям в военных преступлениях, убийствах,

воровстве или превышении своих полномочий. Их было много. За ними следили, находя утешение, что виновники найдены и будут наказаны. Громкие дела, ужасающие подробности, свидетельства зверств и их жертвы... Я старалась не слушать и не видеть подобного. Сейчас уже поздно говорила я себе. Где вы были раньше?

Но одна новость, касающаяся меня лично, всё же привлекла моё внимание. В столице начинался судебный процесс над генералом Макридом, обвиняемым сразу по нескольким статьям. И бывший Союз и Метрополия и даже наши местные власти предъявили ему свои обвинения, быстро создали комиссию и собрали доказательства, намереваясь устроить публичные слушанья на открытом процессе.

— В чём его обвиняли?

— Во всём подряд. От коррупции до превышения полномочий и торговли людьми. Три стороны нашли множество причин посадить его на скамью подсудимых, а вместе с ним и нескольких его поделщиков. Многие обвинения были достаточно серьёзными. Такие, как похищения, вымогательства или торговля человеческими органами. Этот эпизод рассматривался отдельно и ему уделялось самое пристальное внимание. Как официальный представитель Союза, генерал в том числе, руководил медицинскими службами и всем, что касалось этой сферы. Почти как главный врач самой большой больницы в современной истории. Любое медицинское учреждение на Самуи, каждый врач, медсестра или сиделка подчинялись ему. Тут-то он и нашёл свою золотую жилу. Органы, так необходимые многим богатым людям как в Метрополии, так и в колониях. Чёрный рынок и контролирующие его люди, щедро платили нашему генералу за сердца и селезёнки, принадлежавшие пациентам «его» госпиталей. Идеальное место и время, для подобных дел. Тысячи имён, списки больных, выздоравливающих и поступающих, обновляются с такой скоростью, что ответственные не успевают их корректировать. Ошибки, опечатки, человеческий фактор... А главное, полнейшее отсутствие надзорных органов, докучливых и дотошных родственников и правоохранителей, к которым эти самые родственники могут обратиться. Никаких врачебных комиссий, вскрытий и объяснений причины смерти. Солдаты, всего лишь солдаты. Кто их считает? Вот вам и борьба с угнетателями. Только представьте себе ситуацию, в которой человек попадает на войну, возможно, сам, добровольцем, участвует в сражениях, где его жизнь каждую минуту весит на волоске, получает ранение, попадает в тыл, в госпиталь, представьте его муки, боль, он думает, что его жизнь в надёжных руках лечащего врача. Думает, что ему помогут, поставят на ноги. Ведь раз он здесь, то самое страшное уже позади... А потом его вычёркивают из списков, делают вид, что его не существовало, умертвляют и отправляют часть его тела «новому» хозяину. Тому, кто купил смерть этого человека. Нелепо. Страшно. Бесчеловечно.

Макрид лишь «владел» бизнесом, естественно, на него работали некоторые врачи, они оказались рядом с ним на скамье подсудимых и поделили с ним общую участь. На видео, транслируемое в прямом эфире по Сети, был виден ужас на лицах присутствующих, когда прокурор приводил примеры и доказательства этих преступлений. Не знаю, какой резонанс вызвал этот процесс в других колониях, но на Самуи, в то время не было более часто обсуждаемой темы. Впрочем, таких судов было много, в разных местах. Вы же помните. Ещё одна чёрная страница в летописи тех лет.

В день оглашения приговора я приехала к зданию суда. Марта захотела меня сопровождать. Было много народу. Многие пытались попасть внутрь, но места всем желающим не нашлось. Мы стояли у линии оцепления, полиция перегородила подходы к

зданию, оттесняя толпу, во избежание давки. На фасаде был огромный экран, на котором шла прямая трансляция из зала суда. Мне этого было достаточно. Длинный список обвинений был зачитан. Подсудимым дали последнюю возможность выступить, никто ею не воспользовался, и присяжные ушли на голосование. Приговор — смерть через повешенье, всем фигурантом дела, принято единогласно. Толпа вокруг меня заволновалась, конечно, никто не сомневался в приговоре, уж больно неопровержимые доказательства собрал обвинение.

Казнь решили также проводить публично, на следующий день после приговора. Я не собиралась присутствовать. Но я должна была дожидаться, когда осуждённых выведут из здания суда, хотела их увидеть, впрочем, как и все. Только мотивы у нас были разные. Марта, знавшая мельчайшие подробности моей истории, крепко сжимала мою руку. Наверное, боялась, что я могу сорваться или выкинуть что-то. Но эти страхи были беспочвенны. Если вам интересно знать, о чём я думала тогда, то я не смогу ответить на этот вопрос, я честно не помню. По прошествии лет, воспоминания стёрлись и померкли. Да и я не старалась удерживать их в себе. Они прошлое, а прошлое должно быть забыто раз и навсегда. Ради будущего...

Могу сказать вам лишь одно, Билл... Я видела, как чуть позже, приговорённых выводили друг за другом. Как они прятали глаза, боясь посмотреть на окружающих. Слышала, как еле заметно звенят наручники, одетые на их запястья. Различала, гневные окрики из толпы и напряжение стражей порядка, плотнее сжимающих кольцо вокруг них... Когда появился генерал Макрид, я удостоила его лишь мимолётным взглядом, мне было безразлично. Его фигура растворилась в толпе, окружившей машину, что увезёт их в городскую тюрьму, где они проведут бесконечно долгую, бессонную ночь, перед своей неминуемой кончиной... Я ждала другого человека. Его надменного, даже сейчас, взгляда, дерзко оглядывающего толпу... Я ждала и молила господу, чтобы наши глаза встретились... И это произошло.

Миссис Каниган, которую вывели последней, увидела меня в толпе. Я помню её лицо, с которого мгновенно сошло презрение и мрачная решительность... И помню свои чувства — облегчение, счастье и спокойствие. Моя война закончилась. Теперь это в прошлом. Я буду жить, лишь бы жив оказался Янис.

Глава 5

Маркус Альери

— Чёртова болезнь, не знаю, придумал ли ей кто-то новомодное название, но тогда её просто называли вирус. Почему вирус? Да потому что где бы ни появился носитель, он с высокой долей вероятности заражал других. Пусть умники из университетов спорят, что это было, для меня всё ясно как день — передаётся воздушно-капельным путём, значит, вирус. И нечего размышлять. Я бы не разговаривал с вами сегодня, если бы не Джонг, точнее, его гены. Не знаю, какой кредит на везение мне выдали там, наверху, но я благодарен, что до сих пор жив, здоров и в здравом уме. Надеюсь, на моём счету ещё остались счастливые фишки.

Гены помогли не только мне, но и самому Джонгу. На той встрече присутствовал контактировавший с больными человек. Он и не подозревал, что принятые меры предосторожности не помогли ему ни на йоту, он заразился и там заразил остальных. Забавно, комиссия по вопросам неизвестного заболевания заболевает в полном составе. Хороший газетный заголовок, на радость любому редактору. Около десяти часов потребовалось нашему вирусу, чтобы показать, как он влияет на организмы ещё совсем

недавно здоровых людей. Но вот в чём удача — появившийся из неоткуда, ждавший своего часа МЕСТНЫЙ вирус, не мог выжить в организмах людей, имеющих азиатские корни. Возможно, его никогда и не обнаружили бы, не свались на Новый Пекин столько иностранцев. В них-то он и нашёл благодатную почву для роста. Именно поэтому и не случилась пандемия. Покинув зоны заражения, люди сумели локализовать угрозу. А на местных он действовал слабо. Они не могли быть его переносчиками.

Я же как пленник и штатный сотрудник Комитета в одном лице, контактировал только с Джонгом, это и спасло меня, других спустя время стали отправлять в карантин. Конечно, мы узнали подробности позже, когда вирусологи смогли разобраться в происходящем, а тогда я не почувствовал синдромов болезни и возносил хвалу всем богам и их пророкам, за такую удачу.

Правда Ли Во Джонг всё же заболел. Вирус не смог выжить в его теле, но оставил после себя некоторые последствия, такие как высокая температура, головные боли и слабость, присущие обычной простуде. Его симптомы отличались от проявлений болезни других заразившихся, поэтому его не отправили на карантин. Хорошо, конечно, но он был слаб как малолетний ребёнок, толку от моего «коллеги» не было никакого. Впрочем, толку было мало от всех. Я могу в полной мере оценить их усилия, молодцы, с этим не поспоришь, Комитет старался даже сейчас. Возможно, хоть кто-то и сказал им спасибо за это. Ну или они сами выдали себе медаль за «старания», их можно понять, как говорят "сделали всё возможное". Совесть чиста. У всех бы давно опустили руки, помимо прочего, ещё и болезнь... Столько сил... Столько средств... Всё зря!

У нас было время поговорить. Чем мы обычно и занимались. Пока кругом все носились как угорелые, я и Джонг тихонько сидели в своей комнате. Контакты ограничили. Еда состояла из солдатских индивидуальных пайков, запечатанных, герметичных. Все перешли на этот шедевр кулинарного искусства, чтобы не подхватить заразу. Я как прилежная сиделка выполнял свою роль, разбавляя скуку общением с Джонгом и дрянным местным виски. У нас даже случались вечера откровений, рассказы про детство и знаменательные события из жизни. Пожалуй, тогда между нами проскользнула некая симпатия. Интересно беседовать с человеком, чьи аргументы и выводы не продиктованы извне, а идут от личного опыта и точки зрения, кто спорит не повышая голос, и способен разглядеть собственные ошибочные мысли, кто может честно сказать — «ты прав, а я заблуждался». Эти споры неизменно приводили нас к его брату. Считайте это шестым чувством или интуицией, неважно. Только тогда я чувствовал, что Пекин — это место, где наступит развязка, какая бы, она ни была. Здесь точка в которой сойдутся все переменные. И я был уверен, что его брат замешан в этом. Хоть убейте, не скажу как, но я ПОНЯЛ, по той его фразе, что Лучевое оружие будет здесь. Джонг, конечно же, не верил, говорил, что брат всего лишь встал не на ту сторону, что он «обычный» политик, со своими взглядами и убеждениями. Уверял меня в его непричастности и посмеивался над моей подозрительностью. Говорил — если ты такой, то не обязательно всем быть такими. Ну... понять это можно. Родственные связи. Может, будущее стало бы другим, сумей я его убедить, но этого не произошло. Да и мои догадки не выложишь на стол руководству, без доказательств они ничто.

Что меня беспокоило сильнее, так это стремительно приближающееся время возвращения нашего «посыльного». Джонг не дееспособен, а он может вернуться со дня на день...

— Лететь пришлось вам?

— Мне. Как бы смешно это ни казалось. Я-то думал постою в сторонке, дождусь окончания маскарада и умою руки. Но, не тут-то было. Борроу согласился встретиться, что само по себе удача. Дал координаты места встречи и назначил время. Через три дня. Нужно было лететь. Джонг был полон энтузиазма, но его физическое состояние... Одной силой воли с постели себя не поднимешь и молитвами не вылечишь. Он связался с Дрейком со своим боссом, на сто процентов уверен, что тот даже слышать не захотел о такой глупости как отпускать на переговоры меня, беглого преступника. Я тактично покинул комнату при их разговоре, пусть сами разбираются. Закончив Джонг позвал меня и предложил лететь навстречу мне. Сказать, что я был удивлён, это ничего не сказать. Целое здание агентов Комитета, уйма специалистов и профессиональных дипломатов, многие, конечно, на карантине, но можно же найти хоть кого-то, упирался я. Конечно, я не хотел лететь. Это риск, а я давно просчитал все риски. Чем ближе к Ли Во Джонгу, тем для меня они ниже. Но его аргументы не были лишены смысла.

"Во всяком случае», — сказал он. "Тебе лишь нужно узнать где сейчас Лучевое оружие, конкретное место, и всё. Остальное не так важно. Ты уже встречался с ним. Что там в голове у этого Борроу мы и понятия не имеем. А тебя он знает. Вот и сделаешь это ещё раз. Место, время... Выясни только их, об остальном позаботимся позже. Можешь обещать ему что угодно... Дрейк отправил сюда своего доверенного, он прибудет через два дня. Это его решение. Тот человек полетит навстречу. Но время идёт»... Короче, Джонг меня уговорил. Сам не знаю, почему я согласился. Возможно понимал, что могу это проверить лучше, чем какой-то чиновник, пусть и натасканный на подобные дела...

К вечеру я уже сидел в салоне корабля с верительными грамотами и набором полномочий вместо багажа. Компания собралась под стать ситуации. Контрабандист, оказывающий нам услуги за деньги, аполитичный душой и телом (он присутствовал лично), я, новоиспечённый посол Метрополии, и ужасно потеющий, нервный и безмозглый чиновник Союза, переживающий за своё добро в трюме корабля. Так и хотелось услышать напутствующий крик «от вас зависит судьба человечества» и гордо ответить «мы не подведём»...

Это всё шутки, но в действительности мне было не комфортно. Повторюсь, в мои планы не входил риск. Оставалось уповать на всё тоже везение и опыт, подсказывающий следующий шаг. Хозяин корабля переживал об успехе предприятия, иначе он не получит обещанных денег. О собственной судьбе, если нас перехватит патруль Союза и о том, как ему выгоднее торговать нашими жизнями ради спасения своей шкуры, в случае «когда что-то пойдёт не так». Ходячий мешок с дерьмом, сидящий напротив меня, прикидывал свои шансы стать богатым и счастливым, получив назад милые его сердцу ценности, бьюсь об заклад, чаще в его мозгу мелькала картинка собственной гибели, порождённая страхом перед похитителями (мы взяли его с собой). Я же думал обо всём сразу. Предать мог кто угодно. Нужно лишь быть к этому готовым.

Встреча произошла, как и договаривались. Точно в том месте и в назначенное время. Жизнь непредсказуемая вещь, кто бы мог подумать, что продавец и покупатель вновь встретятся, только теперь они поменяются местами. Борроу лишь на секунду потерял хладнокровие, голос его выдал, «Вы?» — произнёс он, глядя на меня. Я только и сделал, что улыбнулся, так и хотелось отвесить поклон. Ситуация меня забавляла. При этом я не забывал про бдительность. Мы встретились на его корабле. У шлюза меня принял член команды, молча сопроводил к Борроу и ушёл. Мы были одни.

«Как же плохи у тебя дела, приятель», — подумал я тогда. «Ты сильно рискуешь, встречаясь со мной лично. Ваша тайная полиция наверняка следит за всеми и всякий может вызвать её подозрение, ну а за таким человеком уж тем более должны пристально наблюдать. Слишком заметная фигура, чтобы пропадать неизвестно где, в такие времена. Или ты настолько храбр, что лично участвуешь в подготовленной вами ловушке или настолько нуждаешься в нас, что идёшь ва-банк».

Представляю, какие сомнения посещали его в эту минуту. Чтобы он не задумал, но увидеть меня, Борроу явно не ожидал. Сомнения? Да ещё бы! Подозрения? Конечно! Узреть перед собой продавца самого разрушительного оружия в истории, который хочет узнать, где оно, попросту «купить» его назад. Слыханное ли дело?!

Отдаю должное, Джонг был прав. Даже я это почувствовал. Люди способны сожалеть. Борроу сожалел. Поэтому и появился там. Итогом нашей почти часовой встречи стало соглашение, которое, произойди оно раньше, спасло бы многие жизни. Говорю это без пафоса. Я мог спасти многих. Я там был, ни какой-то политикан или военная шишка, и не патриот чёрте знает чего, а я — Маркус Альери... Ещё бы немного... и мы успели бы... Плевать мне на Метрополию и колонии, плевать на Борроу и его Эссен, на всех плевать. Если для вас это так важно, пожалуйста, я приложил руку к массовому убийству и я же, пусть и не по своей воле, пытался его остановить. Ангел и демон, в одном лице... но правда в том, что мне плевать и сейчас. Такой уж я человек. Нельзя спасти, тех, кто этого сам не хочет. Нельзя остановить руку судьбы, замахнувшуюся на идиотов их последователей и равнодушных молчунов. Они виноваты не меньше. Они заслужили это. Я лишь делал, что обещал, в обмен на то, что мне требовалось! (переводит дух).

Борроу дал мне всю информацию. Выложил свои догадки и факты, предоставил документы... Дьявол, я был прав. Пекин! Я знал, знал! Мы даже успели обсудить, что может предпринять Метрополия...

— Что он хотел взамен?

— Идеалист. Патриот... Он хотел спасти родную планету от тирана, пришедшего к власти с его же помощью. Отметьте это в своём блокноте. Напишите об этом в книге! Посвятите целую главу вопросу об ответственности и моральном праве называть кого-либо преступником, имея за плечами не меньшие грехи! Лучше поздно, чем никогда? Ошибка? Я с радостью придержу для таких как он место на судилище в аду... рядом с собой. Боюсь только их будет больше, чем там могут принять.

Альери делает долгую паузу.

— Это вы предложили вывезти Рангози с Эссена? Ваша идея?

— Моя. Борроу коротко рассказал мне, что собирается предпринять. Просил уведомить Комитет об их планах. Требовал гарантий безопасности для Эссена, даже в случае провала. Конечно, он понимал, что находится в роли просящего. Выбора у него не было. Я как мог, убедил его, что Ли Во Джонг — это тот человек, кто сделает всё возможное и невозможное. Ему нужно верить, а в сложившемся положении Борроу оставалось только верить. Ну а что касается Рангози... Я лишь понял и намекнул ему что, устранив человека, можно устранить и саму угрозу. А «предательство» лучшее доказательство намерений элит Эссена выйти из войны.

— После встречи вы сразу же связались с Джонгом?

— Нет. Опасно. Передачу могли перехватить. Соппротивление не должно знать, что мы ищем. Как и о том, что нашли. Это обезопасит всех и даст шанс. Я летел на Новый Пекин, с

доказательствами и сожалением о том, что Джонг меня не послушал, а возможно даже всё испортил.

— А что стало с тем чиновником и его деньгами?

— Ему не повезло (улыбается). Попал в плохую компанию. Мы выбросили его через шлюз по пути к Пекину, мне досталась часть от его «богатств»... Не смотрите не меня так! Я не взял из тех денег ни монеты... Перевёл на Глизе... Я всегда плачу по долгам.

Зак Черезку

— Когда очнулся, кругом было темно. На ощупь я кое-как стряхнул с себя каменную крошку и освободил руку, зажатую чем-то большим и тяжёлым, хорошо на это хватило сил, иначе лежать бы мне там и сейчас. С рукой всё было в порядке, кости целы, только кровь, но это не смертельно, я кое как перемотал её обрывком одежды и попытался встать. Тут же ударился головой. Стал шарить руками. Вспомнил про запасной фонарь для винтовки, у себя в рюкзаке и достал его. Я отдал должное строителям, массивные потолочные балки обрушились, но не сломались, они-то и защитили меня от падающих обломков кровли и стен. Создав пустое пространство, в котором я валялся бог знает сколько. Часов у меня не было. Я было подумал, сейчас ночь, но почему-то сразу решил, что не заход солнца, причина окружающей меня темноты. Тот звук и свет, ударная волна, а это не могло быть ничем иным, появились не просто так. Это неприродное явление. Уж не землетрясение точно. Это мощное оружие. Я посчитал, что ядерное. Где-то близко. Будь я на открытом месте и мне конец.

В воздухе висела плотная пыль. Дышалось тяжело. Фонарь не мог пробиться сквозь эту завесу. В метре от себя я ничего не видел. Попытался ползти. Куда? Да просто вперёд. Туда, где мог протиснуться сквозь обломки. Оружие толкал перед собой... Тогда мне вспомнился случай из юности. Как я полз по канализационным стокам под Стамбульскими улицами, спасаясь от полицейской облавы. Спецназ крутил всех подряд. Бандитские разборки зашли так далеко, что руководству города пришлось обратить внимание на наши трущобы и показать, что власть всё ещё тут. Всё ещё владеет ситуацией. Мне пришлось нырнуть в канализационный люк и в полной темноте, утопая в нечистотах, на ощупь и удачу ползти подальше от охотников, заполонивших улицы. Ситуация была похожа. Только я стал шире в плечах, и вони не было.

Не было у меня тогда и фонаря, зато сейчас был. В его свете я увидел торчащую из завала щуплую руку, серую, покрытую пылью. Протискиваясь мимо, я заметил, как пальцы слегка шевелятся. Будто пытаются добраться до меня. Схватить. Вцепиться... Отвратительное чувство. Как можно скорее я прополз мимо.

Наконец, мне удалось встать в полный рост. Видимо, здание сообщалось с сетью пещер, потому что, оттолкнув обломки впереди себя, я вдруг очутился именно в пещере. Где-то в недрах скалы, нависающей над монастырём. Здесь пыли было меньше. Хотя и по-прежнему темно. Я и там был не один.

Потеряв столько крови, уже не встают. Единственного взгляда достаточно, чтобы понять это. Тело полулежало у стены. В луже собственной крови. А рядом, обхватив колени руками, на полу сидела та самая женщина, что держала меня на прицеле, совсем недавно. Она немного пошатывалась из стороны в сторону и издавала приглушённые стоны, что-то среднее между плачем и проклятиями. Вся покрытая серой пылью, словно привидение. Похоже, её разум не выдержал, подумал я. Свихнулась. На том человеке была та же форма, что и на мне, но голова запрокинулась, и я не смог разглядеть лица. Да и не хотел. Как и не

собирался выяснять она его прикончила или нет. Какая разница?! Всё пошло наперекосяк. С самого нашего появления здесь. Для простого солдата всё слишком сложно. Думать за тебя должно начальство. Оно же и указывает тебе, в кого стрелять и что делать. А тогда я не знал, есть ли ещё у меня начальство... Единственное, что я знал, это что ситуация вышла из-под контроля и, скорее всего, я в полном дерьме.

Но это было лишь начало. Я оставил эту парочку и пошёл дальше, в поисках выхода наружу. Ушёл недалеко. Идти было некуда, наткнулся на завал. Кое-где всё же пещеры обрушились. Разгребать препятствие голыми руками, в одиночку, не имея представления, что за ним — нереально. Да и опасно. Я светил фонарём в поисках ответвлений и проходов, ничего не нашёл и вернулся. Женщины не было. Вот дьявол!. Вдруг эта чокнутая кинется на меня в темноте. Или пальнёт из чего-нибудь. Ведь был же у неё пистолет тогда. Мало ли... Пройдя чуть дальше, я услышал слабое бормотание. Напрягся. Приготовился. Будь я менее опытным и менее хладнокровным, выпустил бы всю обойму в сторону этого звука. Так... для разрядки, чтобы успокоить нервы и спустить пар. Иногда проще стрелять, чем думать «а что там?», это, кстати, может спасти жизнь — рефлекс и опыт. Но стрелять я не стал... В тёмном углу, сбившись в кучу, сидели дети, шесть человек, та тётка была с ними. Смотрела на меня остекленевшими глазами, они дёргали её за руки, тянули за одежду, что-то бормотали, но она была не там. Истукан со взглядом идиота, кукла, способная на элементарные, механические действия, молчаливая... и от этого... жуткая. Я попытался их обойти. Без лишних движений, аккуратно, держа на прицеле. Её взгляд следовал за моим фонарём, детишки же закрывали глаза руками и отворачивались. Ещё пару шагов и я повернулся к ним спиной, ускорился... И услышал то, чего ожидал меньше всего, дрогнувший детский голосок проронил «помогите»...

Знаете, вполне возможно, ещё найдётся женщина, что согласится жить с таким, как я. Мне всего лишь сорок один год. Есть время измениться. Завести семью... детей... Устроиться на работу, а не жить на военную пенсию... Я мог бы так сказать, но это будет неправдой. Я был солдатом на войне, которую не я начал. Мне удалось вернуться домой. Даже заработать на этом. Вон там, на стене висят правительственные награды, за то, что я убивал людей, которые ненавидели меня не больше, чем я их. Кто-то вынес из этого урок. Крикливые средства массовой информации, поделили участников войны на «хороших и плохих», а не менее крикливые и продажные политиканы пообещали друг другу не повторять прошлых ошибок и постараться исправить случившиеся. Чёрт с ними! Я им не верю. Правда в том, что я понял, находясь там, в Юнхэгуне, чего я по-настоящему боюсь... Что я научился бояться — ответственности за чужие жизни! Вот отчего теперь меня бросает в дрожь. Вот чего я постараюсь до конца своих дней не делать. Отвечать за других!

— Но всё же вы помогли.

— Только не вышло из этого ничего хорошего. Я здесь... В этой дыре, именуемой домом, «постарел» на шесть лет, обзавёлся ненужным чувством вины... а те, кто был со мной там, те, кому я «помог» навсегда остались в Юнхэгуне.

— Обстоятельства...

— Глупости. Я совершил ошибку, в тот самый момент, когда остановился и обернулся на голос. Мальчик девяти-десяти лет. Он был напуган, как и все они. Парнишка увидел во мне взрослого, способного к состраданию. Но ошибся, хоть и не его вина. Он был слишком мал, чтобы понять, кто есть кто. Почему я откликнулся на его просьбу? Возможно, по причине того, что сам был таким когда-то. Маленьким, напуганным стрельбой на

противоположной стороне улицы от моего дома, гулом полицейских сирен, истошными воплями и лаем собак... Я также с надеждой смотрел на своего отца, сидящего за столом, смотрящего выпуск новостей... Безучастного... В окружении пустых бутылок и остатков дрянного ужина, купленного в местной забегаловке. Мне нужна была его помощь. Его забота и внимание... Его защита... Я остался с ними. Взял на себя роль спасителя. Но спасся только сам. И знаете в чём загвоздка? Мне не жаль ИХ, я жалею себя! Жалею, что мне приходится нести чувство вины за случившееся!

— Как они погибли?

— Неужели это так важно?

— Для меня важно.

— А для меня нет! После войны эта чёртова комиссия вытягивала из меня малейшие подробности тех дней. Их интересовал каждый мой шаг. Будь это возможно, они с удовольствием вскрыли бы мне черепную коробку, только чтобы добраться до истины. Прочесть мои мысли и выяснить вру я или говорю правду. Там, помимо прочего был и психолог, мерзкий, надоедливый старикан, задававший такие вопросы, на которые у меня не было ответов. Он всё сидел и поддакивал «ну да...ну да...». Я был для него предметом исследования. Похоже, его забавляло дёргать людей и заставлять их рыться в собственной памяти. Я знаю, что отчёт был составлен не только на моих воспоминаниях, там были и другие. Их слова также выслушали, записали, усомнились и... Эти доморощенные эксперты, аналитики и криминалисты... В конечном счёте подготовили отчёт, в полной мере удовлетворяющий всех, политиков, публику, военных. «Неизбежные жертвы и трагические обстоятельства» — вот чем закончилась их многодневная работа — набором слов, не передающих ничего, ни правды, ни вымысла, пустыми как и сама затея разобраться в произошедшем. Они всё узнали от очевидцев, но скомкав и вычеркнув неприятные моменты, выдали галиматью под названием «Инцидент в Юнхэгуне». Так, его и представили общественности. Ну и скажите, зачем тогда нужно было выворачивать меня на изнанку на этих допросах?! Но краше всего остального, не это, а то, что эти лицемеры вручили мне медаль за «Отвагу» и даже поблагодарили за службу, назвав «ветераном Нового Пекина»... Если вы читали тот отчёт, вам известно о количестве погибших, но там нет ни слова, как они покинули этот дерьмовый мир.

— Поэтому я и приехал к Вам.

— Ну хорошо. Хотите подробности? Чёрт с вами... Я не знаю, что случилось с той женщиной, она так и осталась в коридоре. Когда мы уходили, она так же смотрела перед собой, разума в её взгляде было не больше, чем в этом деревянном столе. Попытки детей уговорить её двигаться ни к чему не привели. Рыдая и причитая, они пошли за мной, оставив её одну. Я приказал им замолкнуть, иначе брошу их тут — сопли прекратились. Уже хорошо. Свет был только у меня, приходилось оглядываться и подгонять отстающих, при этом напрягать все свои чувства, чтобы вовремя заметить опасность. Как чёртов детский сад. Мы блуждали по лабиринтам, постоянно возвращались, натыкались на обвалы и пустые комнаты, утопающие в темноте. Кружили и петляли. Видели тела, свидетельства боя и разорение. Даже перебирались через импровизированную баррикаду, у которой валялись трупы защитников и нападающих. Соппротивление и гражданские. Кто какую роль играл, я не разобрался.

— Я не был в Юрхэгуне, но все описывают его как длинный и запутанный лабиринт. Это так?

— Да. Всё верно. Целые мили гротов и пещер, переходов и лестниц... То, что я увидел снаружи, лишь рукотворные пристройки к настоящим «внутренностям» этого места. Природа или человек создали подземный город, блуждать по которому можно часами.

— Вы пытались найти выход наружу?

— Только в начале. Потом, поразмыслив, я пришёл к выводу, что оказаться под открытым небом, рядом с эпицентром ядерного взрыва, не лучшая идея. Ионизирующее излучение увидеть или почувствовать нельзя. Но и школьнику понятно, чем оно опасно. Возможно, только окружающие камни и защитили нас от него. Укрыли и спасли. Что там происходит за пределами Юнхэгуна, я не знал.

Поэтому моей основной заботой было найти тех, кому я могу передать своих подопечных. Желательно, чтобы они не начали палить в меня при этом, развернуться и послав всех и вся искать путь к спасению самостоятельно. Безразлично кто это будет. Соппротивление, родители этих детей, моё командование или блаженный приверженец забытого культа, живущий здесь до прихода всех нас. Мне было всё равно. Лишь бы отделаться от них побыстрее. Теперь я даже не знал на чьей я стороне. И кого буду рад увидеть больше. Иногда до моего слуха доносились далёкие голоса и звуки перестрелки, но в тех катакомбах определить направление почти невозможно. Тебе кажется, что шум идёт из-за поворота, высовываешься, вслушиваешься, крадёшься до следующего, а за ним ничего. Теперь кажется, что он позади или сбоку, или вообще сверху. Чертовщина. Даже эхо собственных шагов замолкает секунд через десять. Становится объёмным, удаляется, отражаясь от стен, заставляя воображение рисовать картины преследователей, крадущихся за нами попятам. Благо та шестёрка, рядом со мной, помалкивала и повторяла все мои движения. Так продолжалось несколько часов. Людей мы встретили неожиданно. Будь я один... Дьявол! Было больно. Второй раз в жизни мне вмазали прикладом по лицу. Это стало входить в привычку. Хорошо хоть сил у атакующего было немного. Я не вырубился, но потерял равновесие и этого хватило, чтобы меня повалили и скрутили, мелькавшие в слабом свете силуэты. Гражданские. Четверо мужиков. Пятый — старик.

— Это был Пэн Вейдун?

Зак кивает.

— Тогда я этого не знал. Мистер Пэн, так к нему обращались окружающие. Детей тут же увели. Многие снова расплакались, но видно было, что радости в этих слезах больше, чем когда они встретили меня. Руки мне успели связать. Оружие забрали. Я ожидал услышать «кончайте его», но старик пристально посмотрел на меня, кивнул, готов спорить с благодарностью и дал команду своим уходить. Когда их шаги стихли, я попытался разорвать путы, получилось только немного ослабить их. Минут двадцать я старался освободиться, но итогом моих попыток стала лишь кровь на запястьях. Тут до меня донеслись звуки потасовки и стрельба, с той стороны, куда ушли мои новые друзья. Опять слышался детский плач и крики. Неожиданно быстро, всё стихло. Я сидел в полной темноте и прислушивался. Шаги, неровные, шаркающие, будто человек пьян или устал настолько, что не в силах нормально переставлять ноги. Приближается ко мне...

Тот мужик рухнул недалеко от меня. Один из тех, кто скрутил мне руки. Упал и умер, а может, просто потерял сознание. Найдя у него нож, я смог перерезать верёвку и освободиться. Подобрал его оружие, рукоять была в крови, и двинул туда, откуда доносилась недавняя стрельба...

Девять тел я насчитал, подобрав валявшийся на полу фонарь. Ни одного нападавшего,

только те, кого я уже видел. Лишь тела мистера Пэна там не было. Судя по гильзам, стреляли из стандартных автоматических винтовок. Да, их использовали не только правительственные войска. Союз также вооружал своих этим универсальным оружием. Но там я почему то сразу понял, что стреляли «наши»... Стреляли без разбора... Так, ОНИ и погибли...

Не знаю, сколько я простоял там. Наверное, долго. Кажется, я размышлял, как всё обернулось бы, останься дети со мной. Я не помню лиц убитых мной людей, не вспомню черты тех мужчин у моих ног. Но я на всю жизнь запомнил этих шестерых детей, их глаза, лица, фигуры, одежду... Позы, в которых они лежали... Против своей воли я стал считать, что МОГ их спасти, но это не так, умом я это понимаю. Гоню от себя такие мысли, злюсь и нервничаю. Пытаюсь выкинуть их из памяти... Повторяю раз за разом «мне плевать», но не могу избавиться от чувства жалости... к самому себе.

Том Линк

— Мы исчерпали запас везения, так я подумал, едва очнувшись после «взрыва» и ударной волны. Все трое были живы и невредимы, появились синяки и ссадины, ушибы от падения, но в остальном, мы не пострадали. Повезло? Ну если считать каждую минуту, подаренную нам судьбой в том аду, то — да. Если же охватить ситуацию в целом, то скорее нет. Лишь отсрочка, подаренная для того, чтобы посмотреть какие неприятности нам по силам преодолеть. Сначала бунт, теперь ЭТО. Что ещё?

Колодец завалило обломками, не успевай мы после падения отползти чуть дальше и нас погребло бы под камнями, посыпавшимися сверху, это и спасло нам жизнь. Туннель, по дну которого проходили водопроводные трубы, выдержал тряску и смещение горных пород, став нашим убежищем от новых возможных катаклизмов. Или нашей могилой, если другого выхода из него не существует или он окажется запечатанным. Нам предстояло это выяснить. Источника света у нас не было и, закончив с глупыми вопросами вроде «все целы» и «ничего не сломали», мы на ощупь стали пробираться туда, где надеялись найти выход. Янис шёл первым, вдоль стены, а я, ориентируясь на его шаги, следом, поддерживая Джейку. Путешествие окончилось у квадратного люка, вставшего не нашем пути. Небольшого, но достаточного, чтобы мы смогли пролезть сквозь него куда-то «туда», по ту сторону. Янис в темноте нащупал запорный механизм и попытался открыть его, но сил не хватило. Пришлось мне помогать ему. Джейк скрипел зубами от боли в ноге, беготня и последовавшее падение в трёхметровую яму, не пошло ему на пользу. Он быстро терял силы. Вдвоём мы смогли кое-как сдвинуть эту «дверь» и очутились в помещении насосной, там стояло оборудование для снабжения монастыря водой, на удивление современное, но сейчас, понятное дело, не работавшее. Но там работало освещение. Мы могли перевести дух и собраться с мыслями.

Пока я занимался сыном, Янис отыскал выход, узкую винтовую лестницу, частично заваленную обломками и камнями, и прихватив оружие, пошёл «осмотреться». Минут через пятнадцать он вернулся, попросил меня пойти и взглянуть самому. Предложил мне винтовку, но я отказался. Меня шатало от усталости и таскать с собой ещё и оружие у меня просто не было сил. Я начал поднимать, смотрел в основном под ноги, стараясь не наступить на валявшийся мусор и осколки, поэтому не сразу сообразил, что лестница кончилась, а воздух свежее и дышится легче. Я оказался под открытым небом, была ночь, поэтому я и не заметил, как выбрался из подземелья. В воздухе кружилась и оседала мелкая пыль, словно снег, она опускалась сверху, покрывала обломки бывшей стены, кучу балок и фрагментов кровли попеременно с гранитными глыбами, упавшими, судя по всему, с

нависающей над монастырём скалы. В общем, на лицо последствия землетрясения. Руины, мусор и обломки, напоминающие очертания бывших строений. Небо возможно было безоблачное, подняв голову к звёздам, я не увидел ничего, кроме опускающихся частичек пыли, слабо переливающихся, закрывающих от меня небосвод и горизонт. Тусклый свет, не имеющий ничего общего ни с солнечным, ни с призрачно лунным, шёл, как мне показалось, именно от этих, микроскопических пылинок, в его свечении я и мог разглядеть, что меня окружало. И мне это не понравилось.

— Вы не думали о радиации или о чём-то подобном? Об опасности?

— Нет. Я вообще не думал о причинах, вызвавших те разрушения. Слишком устал, слишком сильно хотел пить и был голоден. Круговорот событий захлестнул нашу троицу и удивляться или размышлять о причинах и последствиях не было возможности. И ещё мне очень хотелось спать. Когда я собрался возвращаться в наш «подвал», то краем глаза заметил медленно движущиеся фигуры людей, силуэты, скорее очертания, пропадающие из виду и всплывающие через секунду чуть дальше того места, где они исчезли. Это были живые люди, не призраки. К чувству жажды и голода добавилось чувство страха. Живых я боялся теперь больше, чем мёртвых.

Мы обсудили ситуацию, когда я спустился. Еды нет. Воды... почти нет. Джейк нуждался в перевязке и медикаментах. Я нуждался в хорошем отдыхе. Янис... физически он был здоров, вот только психика его была на пределе. Я это видел, жалел его, но поделаться ничего не мог. «Скверная ситуация», как говорят у нас. Вопрос лишь в том, сколько он сможет выдержать, прежде чем не сорвётся.

— Вы не могли уйти, но и оставаться на месте не могли?

— Именно. Одно хуже другого. И там, и там конец очевиден.

— И что вы сделали?

— Легли спать. Оставив размышления на утро, которое так и не наступило. Когда мы проснулись, наверху было так же темно, как и прежде. Жажда усилилась. Джейк говорил, что ему лучше, что он отдохнул и нога не так беспокоит, но при попытке встать он споткнулся и осел. Храбрился, но испытывал боль, повязку нужно было срочно менять. Сделать это было нечем, у нас ничего не было, кроме грязной одежды, от которой мы могли оторвать лоскуты... худшего варианта не придумаешь, нужна аптечка или медпакет, желательно с обезболивающими и антибиотиками. Нужна еда, вода и отдых. Всем нам.

Янис обошёл наше убежище, заглянул в каждый угол и щель и обнаружил течь в одной из труб, насосы простаивали обесточенные, но вода почему-то была. Капля за каплей из трещины сочилась так необходимая нам влага. Чистая и холодная. Мы не знали, как долго это продлится, но на время вопрос с водой был решён. Что же до медикаментов, их можно найти только в лазарете. Значит, нужно туда попасть. Только мы не знали дороги. Не знали, уцелел ли сам лазарет, да и вообще не представляли, где местные хранили лекарства. Джейк был прикован к постели, вставал с посторонней помощью, прогуливался по ближайшему коридору и понятия не имел, откуда приносят лекарства и всё необходимое. За ним ухаживали и такие вещи его не интересовали. Постепенно наши разговоры стали сводиться только к этому. Каждый знал, что придётся отправиться на поиск необходимых нам вещей, и каждый боялся принять такое решение.

— Почему?

— Потому что утром, я имею в виду время, когда мы проснулись, Янис вышел наружу и услышал выстрелы. В темноте не разобрать кто и по кому стрелял, но теперь мы недоверляли

и побаивались всех людей. Тем более если они вооружены, тем более в такой темноте. Мы лишь поняли, что не одни здесь. Кому-то посчастливилось пережить катаклизм. И они по-прежнему решают споры силой оружия. Стены Юнхэгуна обратились в пыль, судный день, обещанный древними религиями, похоже, наступил, но люди, оставшиеся в живых, продолжают цепляться друг другу в глотки, не обращая внимания на такую мелочь, как конец света. Безумие. Очередной пример нашего падения.

Мы провели там ещё одну ночь, затем ещё. Тьма так и не отступила. Только пыль кружилась в воздухе. И всё так же где-то там, вдалеке или совсем близко, шла стрельба. Я решил пойти на поиски. Решил, что темень поможет мне оставаясь никем не замеченным найти один из входов в пещеры и отыскать дорогу к помещениям, где я смогу найти лекарства для Джейка и пищу для всех нас. Яниса я просить не мог. Он и так слишком многое для нас сделал. К тому же его состояние... мне казалось он впал в апатию. Я сам держался только благодаря сыну, не мог сдаться, подойдя так близко к цели... Может не будь всего этого, и я был бы готов опустить руки. Кто знает...

Я ушёл, когда они спали. Не хотел разговоров и споров, что непременно последовали бы за моими словами. Пусть спят, пусть остаются в относительной безопасности. Я смогу, убеждал я себя. Обязательно. Должен... Я выбрался наружу. Удивительно, прошло всего три дня с тех пор, как я стоял у того места, где были монастырские ворота, под голубым небом, жмурясь от яркого солнца, а теперь это казалось мне таким далёким, нереальным. Я привык к темноте. К вездесущей пыли и грязи. К нашей норе под землёй. К окружающей меня разрухе и хаосу. Три дня, а будто прошли недели.

В темноте угадывалась громада скалы, возвышающейся надо мной, где-то там пещеры, приютившие нас на короткий и счастливый миг, окончившийся паническим бегством. Стараясь производить как можно меньше шума, я пробирался туда. По осыпающимся камням, через провалы, карабкался, полз на четвереньках, обдирая колени и локти, останавливаясь, прислушивался и озирался, снова шёл, практически наудачу. Услышал голоса, шорох камня под ногами. Пригнулся, стараясь спрятаться за куском обвалившейся стены. Слов я не разобрал, голоса удалились. Кто знает, что это были за люди. Вполне возможно, они могли мне помочь. Может, это были те, кто так по-доброму, отнёсся к моему сыну и ко мне. Может быть... Только если это не они, если я ошибусь, такая ошибка будет стоить мне жизни.

Сейчас-то я уже представляю картину тех дней. Знаю, что на нас обрушилась ударная волна от применённого Союзом Лучевого оружия, понимаю, как нам повезло, горный массив сдержал большую часть его ярости и разрушительной мощи. Подарив нам шанс. Только как мы им воспользовались? По моим подсчётам это было восемнадцатое число. Война уже окончилась. Официально. Конец. Но не здесь. Здесь об этом событии не знали, здесь как и прежде говорили винтовки, забирая жизни. Последние жертвы всеобщей войны, глупой и жестокой, пали от рук «врага», что уже не был врагом, по крайней мере, для всех, кто жил в Метрополии или в колониях и был свидетелем подписания договора о прекращении войны. Так, часто бывало и раньше, случилось и с нами. Доподлинно не известно, где прозвучал последний выстрел той войны, но я почему-то уверен, что там... в Юнхэгуне. Как и уверен, что мой сын, стал одной из последних жертв того кошмара...

Том замолкает. В такой момент я не смею нарушать молчание. Не смею просить о большем.

— Моя история близка к концу, — продолжает он. — Я нашёл, что искал. В одной из

пещер лежали тела. Солдаты метрополии. Когда они погибли, я не знал. Может, ещё вчера, а может, и полчаса назад. В их рюкзаках я с облегчением нашёл медпакеты и солдатские пайки, не очень много, но достаточно на некоторое время. Оружия при них не было или я просто его не заметил. Как только я собрался возвращаться, сгрузив «добычу» в один из рюкзаков, послышался топот множества ног. Метрах в десяти от того места, под потолком горела одинокая лампа, дающая слишком мало света, мелькнула мысль прижаться к стене или притвориться мёртвым. А вдруг у них фонари? Вдруг они ищут меня? Выследили? Глупо, конечно, но что только не приходит на ум в моменты опасности, когда воспалённый мозг генерирует идеи, больше похожие не бред, чем на рассуждение зрелого человека... А иногда ты просто ничего не успеваешь сделать, обстоятельства сильнее тебя, и умные мысли никак не хотят рождаться. Так произошло и в тот момент. Из-за угла появились вооружённые люди, замелькал свет. Я стоял на «месте преступления», среди тел, словно «падальщик», обирающий мёртвых. Стоял неподвижно, держа в опущенной руке чужой рюкзак, с чужими вещами. И как назло, это были солдаты Метрополии, человек пять, грязные, уставшие, с покрасневшими глазами, давно не знавшими сна. «Вот чёрт» только и успел подумать я. Ну почему именно они? Почему сейчас, в такой момент? Представьте, какого стоять над убитыми товарищами загнанных, утомлённых и озлобленных людей, заставших вас за «этим» делом. Я мысленно был готов к скорой расправе.

Они не тронули меня. Опустили поднятое было оружие, равнодушно оглядели трупы и, повинаясь кивку старшего, пошли дальше. Я прикрыл глаза и вздохнул с облегчением. Уходя, последний из них посветил фонарём мне в лицо и сказал:

— «Ты можешь пойти с нами, старик».

Я отрицательно помотал головой.

— «Что у тебя там?» — спросил он, указывая на рюкзак.

— «Лекарства... для моего сына» — ответил я.

— «Им-то они уже точно не нужны, верно?!»

Снова я молча кивнул. Помедлив ещё секунду, он протянул руку. Понятный жест, не требующий слов. Я машинально отдал ему то, что могло спасти Джейка. Сплюнув на пол, он растворился в темноте, как и его товарищи. А с ним растворилась и моя надежда, вернее, мои силы лелеять эту самую надежду. Дальше идти я не мог. Стал возвращаться к Янису и Джейку. По пути чуть не нарвался на пулю. Земля под моими ногами осыпалась, шум привлёк внимание невидимого стрелка. Очередь прошла мимо. Я даже не испугался.

Янис пропал. Джейк сказал, он ушёл около часа назад, куда не знает. Выслушав мой рассказ, сын ободряюще похлопал меня по плечу. «Хорошо, всё будет хорошо», — сказал он... Позже мы уснули. Когда я проснулся, Яниса всё ещё не было. Джейк лежал рядом... В руке пистолет, в воздухе запах порохового дыма... Откуда он у него? Я и не подозревал...

Его мать знает лишь только то, что я рассказал. Неправду. И я прошу вас не упоминать об этом в своей книге. Джейк умер в Юнхэгуне на Новом Пекине девятнадцатого мая, по общему календарю... умер от ран. Пусть так и будет.

Ли Во Джонг

— Маркус улетел на встречу с Борроу. Уверен, вы удивлены, что я это ему позволил, точнее настоял.

— Если честно, да.

— В отчаянные времена приходится принимать отчаянные решения. Когда шеф узнал об этом, то взорвался с грохотом пороховой бочки, но я стойко выдержал его праведный

гнев. Успокоившись, он лишь проворчал «твое решение» и отключил связь. Альери справится, я не сомневался в нём. Узнать, где сейчас оружие лишь полбеда, на этом наша работа не закончится, и я не намеревался оставаться в стороне. А для этого мне нужно было поправляться. Побороть болезнь и встать в строй. Когда Маркус возвратится с фактами и доказательствами, ЕСЛИ они окажутся верными, нам предстоит убедить вышестоящее начальство, выделить ресурсы и людей, для нейтрализации угрозы. Пусть для этого потребуется целый флот, пусть его перемещение оголит фронт или вообще поставит под удар один из наших миров, неважно. Никакая вероятность вторжения или высадки десанта и рядом не стоит с угрозой применения Лучевого оружия. Они это знали, мы все это знали. Нужно только представить убедительные доказательства. А дальше военные, наконец, получают возможность продемонстрировать весь свой, восхваляемые ими же, потенциал.

Мне становилось лучше, последствия контакта с вирусом всё менее и менее заметны. Самая острая фаза прошла, и врачи разрешили мне встать с постели. По мере возможностей я включался в работу, тем более мы понесли ощутимые потери, многие из моих коллег находились в карантине, почти каждый день кто-то из них умирал, благо новых заболевших не было. Своевременные меры помогли остановить заразу, но помочь уже больным не всегда получалось. Даже со всеми современными средствами и достижениями медицины.

Работы было много. Контакты по линии обмена пленными, вывод из наиболее опасных зон гражданских, сортировка беженцев, просьбы или запросы на пропуск в воздушное пространство Пекина медицинских транспортников, для эвакуации раненых. Маленькими шагами, с проклятиями и страхом перед вероломством противника, мы созванивались, встречались, отправляли сообщения без надежды получить ответ и надеялись, надеялись, что есть возможность спасти кому-то жизнь и дать шанс. Всё, что не касалось непосредственно боевых действий, возложили на Комитет, правда сделали это с неохотой, но мы не жаловались, выполняли свою работу. Хорошо хоть на той стороне находились такие же трезвые головы. Судя по всему, мой брат был одним из них. Всё чаще я слышал его фамилию, видел документы с его инициалами, его упоминали в разговорах и сводках. Судя по всему, он работал не покладая рук. Пусть на «той» стороне, но всё же. В этом мне даже виделся некий символизм, два брата, пусть и сводных, заняты практически общим делом, имеют идеологические и политические разногласия. Но сохранили человеческий облик и не утратили человеческие качества, на фоне таких событий. Значит, нас хорошо воспитали. И неважно, что он выбрал «Сопrotивление».

Понимаете, всё с чем нам приходилось работать, так или иначе, было связано с военными. Любой шаг согласовывался с ними. Любой контакт с противником, происходил на основе сводок с передовой. Возможности... мы искали их в самых незначительных сообщениях и рапортах. Шли на уступки. Предлагали и упрашивали. Доходило даже до того, что мы согласовывали с Союзом маршруты кораблей с гуманитарной помощью для гражданского населения, получив сведения от военной разведки о ситуации в том или ином районе подконтрольном Сопrotивлению. Естественно, они соглашались. Наши генералы брызгали слюной и сквернословили, так что их адъютанты краснели, невольно пополняя свой словарь бранных выражений. Но на военное руководство давили политики и общественное мнение. Люди на центральных мирах по большей части требовали от правительства воевать цивилизованно и благородно. Даже здесь и сейчас прослеживалась чванливая заносчивость жителей Метрополии. Они требовали победы, жаждали наказать

смутьянов, обрушить на их головы возмездие за отступничество, но желали сделать это «благородно», с позиции не только сильного, но и великодушного... Воистину в людях уживается невероятная жестокость и великое сострадание. Так уж мы устроены.

Именно поэтому Комитет был осведомлён о ходе боевых действий и ситуации на фронтах не хуже, чем аналитики Генерального штаба. Что знали или что планировали они, знали и мы. И это здорово нам помогало. Не без препон, но всё же. Именно поэтому я смог разглядеть, то что не смогли увидеть «великие» стратеги.

— О чём вы говорите?

— О концентрации наших войск, об оставленных плацдармах, о перебрасываемых резервах и о внезапном великодушии Союза, вдруг согласившегося на беспрецедентное прекращение огня, с возможностью гражданскому населению беспрепятственно покинуть контролируемую колониями территорию. Они сами предложили на сорок восемь часов открыть коридор безопасности для всех желающих перебраться на «другую» сторону. Правда, они не потребовали подобного шага от нас, но военные не придали этому значения. Возиться с населением предстояло комитету и гражданской администрации, головной боли не будет, а там, где станет меньше гражданских можно смело применять весь имеющийся у них арсенал, не боясь критики политиков, набирающих баллы на мнении толпы о «рыцарской» войне. Генералы увлеклись. Я понимаю, что они закончили лучшие учебные заведения, соглашусь, что с гордостью носимые ими награды вполне заслужены. Среди них много достойных людей. Патриотов. Честных и преданных. Но вот что я вам скажу... они не были готовы к такой войне. Тактика, стратегия, военная хитрость — да, бесспорно, но этого мало. Система верила в своё превосходство, люди на которых она опиралась, верили в систему, и всё это привело к их ограниченности, недальновидности и глупой уверенности в собственных силах. Поэтому они и проморгали Соппротивление, именно поэтому они и проморгали начало войны.

Теперь же они увлеклись маниакальной целью поднять и «очистить» свой авторитет. Чем больше затягивались боевые действия, в отсутствии значимых побед, в понимании населения, что наши вооружённые силы не в состоянии «молниеносно» справиться с восставшими колониями, над ними сгущались тучи. Все камни летели в них. Правительство только разжигало такие настроения, найдя козлов отпущения в лице тех, кто требовал увеличения финансирования, новых разработок, пополнения рядов и просто смотрел свысока на гражданских, которые будут просить их о защите в случае угрозы стабильности Метрополии. Интриги в руководстве Центральных миров не прекращались и в состоянии войны...

Помимо этого, со мной неожиданно связался Чжимин. Сам. По совсем незначительному вопросу. Он был словоохотлив. Дружелюбен. Даже вскользь спросил, не нашёл ли я по своим каналам нашего отца. Я ответил, нет. Что-то вроде надежды появилось во мне при том разговоре. Я хотел верить, что ему небезразлична судьба отца. Напоследок он пообещал выйти на связь через несколько дней, мол есть у него зацепка, шанс разузнать о его судьбе. «Возможно, я смогу что-то выяснить. Как только буду уверен, свяжусь с тобой», — сказал он.

Я всё ещё прокручивал в голове наш разговор, попутно изучая свежие документы местного штаба и доклады агентов Комитета, когда вдруг появилась шальная, слабая и невнятная деталь — не упускаю ли я что-то? В ту ли сторону смотрю? К утру эта мысль превратилась в навязчивую идею. Я решил копать глубже. Пока не знал в каком

направлении, но чувствовал необходимость. Смутное беспокойство. Как у человека, знающего, что что-то должно произойти, но не знающего, что именно.

— Похоже, он пытался отвлечь вас.

— Видите. Даже вы догадались. Всё верно. Мне потребовалось ещё несколько дней, чтобы прийти к такому выводу. И ещё один разговор с ним. Моя искренность при первой встрече... Фраза про Лучевое оружие... Он был не так прост, мой сводный брат. Уверен, они не теряли бдительность, я имею в виду Сопротивление. Могу предположить, что он лично имел разговор с Рангози или связывался через доверенных людей. Даже там про Лучевое оружие знали не многие. Как среди них оказался мой брат, я не понимаю до сих пор. История его взлёта в ранг доверенных лиц президента Эссена и главы Сопротивления известна только им. Когда я простодушно признался про своё задание, сам того не ведая раскрыл наши цели чудовищу, что сотворило Сопротивление, и ускорил неизбежное.

Ещё один разговор состоялся совсем скоро. К тому времени я полностью оправился от болезни и участвовал в переговорах, на которых появился и Чжимин. Мы делились последними сводками и результатами исследований того вируса. И нам и Союзу удалось справиться с ним. Комиссия собралась в последний раз. Мы отошли в сторону, и брат рассказал мне, что ему удалось выяснить о нашем отце. Он нашёл свидетелей. Лично разговаривал с одним человеком, видевшим отца и знавшим где его можно искать. Монастырь Юнхэгун, там он мог быть. Туда Чжимин посоветовал мне направить свои поиски. Это новость очень меня обрадовала. Появился шанс. Возможность. Мне хотелось побыстрее связаться с мамой и сообщить ей об этом. Может быть, я смогу найти отца, помочь, если помощь ему требуется... Я искренне благодарил Чжимина, улыбался, он улыбался в ответ. Есть всё же кровные узы, есть ради чего сблизиться и восстанавливать отношения. Пусть мы разные, но вдруг у нас получится... От наплыва эмоций я не придал значения его вопросам о моей работе. Как-то вдруг всё ещё улыбаясь, он спросил о Лучевом оружии. Сказал, что думает о нём с той нашей встречи. Волнуется за свою колонию. «Война войной, но это слишком», — говорил он. Я, конечно же, соглашался. Хотя размышлял об отце. Ещё немного и я бы проболтался о Борроу и Альери, о наших планах...

Маркус считал, что излишняя эмоциональность вредна. Привязанность и забота о ком-либо может стать ахиллесовой пятой. Только одиночка по-настоящему силён, и это даёт ему преимущество над остальными, связанными обязательствами и клятвами. Наверное, он был прав. Пока я думал об отце и откровенничал с Чжиминем, членом Сопротивления, враг узнал наши планы. Нет, не я стал виновником запущенного процесса, разведка Сопротивления наверняка всё это время искала тех, кто попытается найти украденное оружие. Обладать им хорошо, но защищать и скрывать тоже нужно. Пока не придёт его время. Конечно, они знали, что мы ведём поиски. Старались работать на опережение, контролировать ситуацию. И тут появляюсь я, со своими «семейными» делами... Кто-то нас отвлек. Встреча закончилась. Мы пожали руки и расстались. Тогда мы виделись в последний раз.

Если бы я не был так увлечён своим отцом, маленькие элементы происходящего давно сложились бы в полную картину. Мой опыт должен был подсказать где скрывается истина. Союз отводил войска, концентрировал их в особых зонах, воспользовавшись эпидемией. Они решили избавиться от лишнего гражданского населения, от тех, кто по их мнению в дальнейшем не будет представлять ценности. Не знаю, как их фильтровали. Пока мы суетились и радовались неожиданным уступкам, Сопротивление готовило Пекин к

бомбардировке Лучевым оружием. Главная цель — отвлечь нас. И военных и комитет. В такой суете никто просто не обратил внимания на нестыковки и подозрительные шаги противника. Территории, откуда уходили вооружённые силы Союза, занимали наши войска, считайте, сами шли в ловушку. Генштаб разворачивал резервы, перебрасывал дивизии... Они думали, что наступил перелом. Противник выдохся и нужно использовать шанс и давить, давить... Быстрее, решительнее. Собрать все силы в кулак и обрушиться на отступающие войска Союза. Сломить. Окончательно.

В одночасье огромные массы людей получили возможность перебраться в любую точку планеты.

«Идите, вас никто не держит. Если вы лояльны Метрополии, уходите. Вы нам не нужны. Мы даже транспорт организуем. Выдадим разрешение, уладим вопрос с документами».

«На той стороне вас примут».

Людам дали выбор, что не случалось никогда до этого. И они пошли. Полетели. Поехали. Создав бесконечный транспортный коллапс на линии соприкосновения, на пропускных пунктах, развёрнутых повсеместно. Это означало проблемы. Военным волей-неволей пришлось выделять подразделения для сортировки, досмотров, проверки документов, отправки вновь прибывших во временные лагеря. Логистика, снабжение, бюрократия. Нас отвлекали, а мы и сами этому были рады.

Сейчас уже понятно, что Рангози лично или его доверенные люди, решили покончить с вопросом Нового Пекина раз и навсегда. А попутно и показать своим приверженцам, что у Сопротивления есть оружие, перед которым Метрополия придёт в ужас, возможно, даже склонится и проиграет. Усталость от затянувшегося конфликта нужно было преодолеть, а лучшего средства чем показать, что руководство приберегло козырь и МОЖЕТ диктовать Метрополии свою волю, не найти. Они готовы были уничтожить половину планеты, ради этой цели.

Никто этого не видел. Я мог бы, но думал тогда больше о другом. Череда совпадений и случайностей привела меня именно туда, где решалась наша общая судьба. Очень давно говорили, «все дороги ведут в Рим», не знаю, где я услышал это забытое выражение, но там оно было уместно. Все дороги шли на Новый Пекин.

Я практически сложил элементы этой мозаики. Мучительно. С сомнениями и натянутыми фактами, непроверенными подозрениями и догадками... Практически успел. Я был готов предоставить руководству результаты своих умозаключений. Мне не хватало одного. Факта, что мешал мне самому верить на все сто процентов в свои выводы — результата встречи Маркуса Альери и мистера Борроу.

Всё то время я не забывал об отце. Юнхэгун. Монастырь в провинции Янтао. Я всё с нём узнал. Двое агентов Комитета по моей просьбе были готовы вылететь туда, как только у военных появится свободный борт. Они пообещали найти его в ближайшие дни...

Маркус вернулся четырнадцатого числа, ночью. Утром мои люди собирались лететь в Юнхэгун. Когда он вбежал в мою спальню, растрёпанный, нетерпеливый, шумный... Я всё понял по его возбуждённому состоянию. Понял, что встреча прошла успешно. Видел, как он нервничает и торопится, и мне всё стало ясно, последующие слова уже не имели значения. Слишком поздно. Только повторяющаяся фраза «он знает, где оно... он знает, где оно...»

Александр Борроу

Пятнадцатое мая. Хорошо помню, как я нервничал, собираясь на слушания сената. Хотелось бы мне сказать, что я был готов. Но это не совсем так. Что касается плана — всё

тысячу раз оговорено и согласованно, каждый знает, что ему надлежит делать. Готов к неожиданностям и имеет инструкции на случай изменения обстановки. Мы учли всё. Только не подумали о психологической стороне вопроса. Во всяком случае для меня это было сложно. Двадцать пять лет я был знаком с нашим президентом, четверть века я мог считать его своим другом, а сейчас... Не уверен, что вы поймёте. Это большой срок. Но дело не только в годах, проведённых рядом. Мне было сложно поверить, принять, смириться, наконец, с мыслью о том, в кого превратился человек, вызывающий у меня когда-то искреннее уважение, симпатию и любовь. Я так устроен, не самая плохая черта характера — вера в людей и наивная надежда в их благоразумие. Мне бы следовало измениться, но уже поздно, да и не хочу, против себя не пойдёшь. Поэтому я не считал Рангози своим врагом, в то утро. Скорее думал, что он сбился с пути, запутался и неверно воспринимает действительность... Ошибка доверчивых. Глупая... основанная на воспоминаниях и желании вернуться в прошлое... Которого уже нет... И не будет никогда, потому что человек, как бы ты не хотел этого, оказался не тем, не таким, как ты его придумал себе, не замечая его истинной сути. Он тебя обманул, провёл, использовал и лгал... А ты и сейчас ищешь в нём «хорошее»... жалеешь и... Вот почему тогда я чувствовал себя неуютно. Разум понимал, но сердце желало другого.

— Вы знали, когда он хотел нанести удар по Новому Пекину?

— Точной даты не знал. Всё указывало на то, что это произойдёт в скором времени, я думал у нас есть ещё в запасе как минимум неделя-другая. Возможно, даже больше.

— Вы следили за обстановкой на Пекине?

— Конечно. Зная намерения Рангози, ситуацию на Новом Пекине, я видел под нужным углом. Он был готов. Оставалось только заманить как можно больше войск Метрополии в ловушку, и попутно избавиться от лишних, бесполезных гражданских. Практически всё было готово.

— Ваш договор с комитетом. У них был шанс опередить Рангози и найти оружие?

— Возможно. Сейчас об этом поздно говорить. Вы знаете, кто был их представителем?

— Да.

Мой собеседник понимающе кивает.

— На встрече я поделился с мистером Альери, всем, что знал сам. Место, примерное время и главное — класс и идентификационный номер корабля, на котором оно было установлено. Метрополии оставалось только найти его и уничтожить или захватить, это уж как им заблагорассудится. Не такая уж простая задача, но выполнимая.

— Не хватило времени?

— Как всегда. Нам постоянно не хватает чего-то. Слишком поздно — довольно частое объяснение. Так случилось и тогда. Со всеми нами.

— Что вы имеете в виду?

— Упущенное время. А с ним и возможности. Если бы мы захватили Рангози раньше, он не смог бы, не успел бы отдать того приказа... И миллионы на Новом Пекине остались бы живы.

— Он знал, ЧТО вы готовите?

— Иногда, мне кажется, он всегда всё видел на несколько шагов вперёд. Хотя чему удивляться? Зная, что он сделал.

— Простое везение.

— Нет. Только не это. Самуэль никогда не полагался на случай и всегда имел запасной

вариант. А также преданных людей, готовых ради него на всё. Он знал, что метрополия подбирается к Лучевому оружию, понимал, как сложно ему будет скрывать его. Рано или поздно усилия комитета вознагралятся. И он лишится своего главного аргумента. Этого допустить он не мог. Как и не мог допустить государственного переворота, инакомыслия и неподчинения... Это нам повезло... Цена, конечно высока, но, можно сказать, и так. Повезло.

— Что произошло в тот день, пятнадцатого числа?

— Слушания в Сенате начинались в полдень. Утром я поехал в резиденцию президента. Обычный день. Встречи, совещания, работа с документами. Президентский кортеж должен был отправиться в Сенат в начале первого. Самуэль намеревался выступить в самом конце, он часто так делал, появлялся в последний момент, вставал у трибуны, говорил, что намеревался, как будто подводя черту и уезжал. Этим он ставил жирную точку в дискуссиях и спорах. Впрочем, споров уже и так давно не было. Сенаторы говорили только то, что по их мнению, совпадает с мыслями президента. Порой меня выводила из себя эта пустая болтовня. Все понимали, что альтернативных мнений быть уже не может и всё равно «играли» в демократию. В тот день его присутствие на этом сборище было лишь демонстрацией авторитета. В основном для телекамер и чиновников союзных колоний, прибывших просить нас о помощи. Хороший повод лишний раз показать по Сети идейного лидера Сопротивления. Народ любит подобные моменты. Они дают массам чувство спокойствия и уверенность в завтрашнем дне. Пропаганда — старый, но всё ещё действенный инструмент любого правительства начиная с тех времён, когда люди только изобрели письменность и додумались исказить факты или откровенно лгать в угоду собственным целям. Мне это не нравилось.

С самого утра я только и делал, что смотрел на часы. Не знаю, как там должен вести себя настоящий заговорщик, но уверен, что точно не так. Мне постоянно казалось, что окружающие способны прочесть мои мысли, стоит мне лишь подумать о нашем плане. Мерещились косые взгляды и ухмылки, злые, полные понимания и мрачного удовлетворения. «Вот-вот тебя арестуют... мы всё знаем... ОН всё знает... осталось недолго...» — говорили они. Конечно, это мне только, казалось, от страха. Хвала всем богам, я ни разу не видел Самуэля в то утро. Не знаю, как бы я вёл себя в его присутствии...

Без четверти двенадцать мы выехали. Четыре автомобиля, в одном Рангози с водителем и начальником своей охраны, в другом я, мой помощник и ещё парочка крепких парней из личной «гвардии» президента. Впереди и сзади машины сопровождения, набитые такими же типами, угрюмыми и неразговорчивыми. Многих я знал долгие годы, но слышал от них максимум несколько фраз, причем их задача заключалась в другом — обеспечивать безопасность своего шефа, на это они более чем годились. Профессионалы.

— Как вы намеревались арестовать его?

— По пути к зданию Сената. Ровно в двенадцать часов полковник Хофманн и его люди начали занимать стратегические объекты столицы. Резервная армия Коха получила приказ блокировать выезды из города и не выпускать никого, вне зависимости от должности или звания. Вильям Ланге в это время начал свою речь перед сенаторами, в ту минуту, как только он вышел к трибуне, солдаты взяли под контроль здание столичного отдела пропаганды и связи, мы хотели, чтобы его выступление увидели все. Важно было транслировать его речь на всю Сеть. Чтобы каждый в реальном времени узнал страшную правду.

Поочерёдно глядя то в окно автомобиля, то на часы, я ждал, когда мы увидим перед собой военные грузовики и солдат генерала Коха, блокирующих улицу. Охрана президента, при всём своём профессионализме и опыте не сможет противостоять многочисленному и лучше вооружённому противнику. Улицу перегородят. Заставят сложить оружие. Президент будет арестован, и мы отвезём его в казармы столичного гарнизона, откуда уже переправим на корабль, который взлетит, пока стоит неразбериха и хаос.

Так должно было быть. И всё это началось. Только не доезжая пары кварталов до того места, где нас ждали люди Коха, наши автомобили свернули на боковую улицу, и мы поехали не к зданию Сената. Я ещё не до конца понял, что произошло, но увидев полные отчаяния глаза Рона Бекера, подумал о провале. Сразу же мелькнула мысль о том, против кого мы пошли. Кого хотели переиграть... Машины остановились, один из охранников открыл снаружи дверь и приказал, это действительно походило на приказ, пересесть в президентский автомобиль. «Так хочет господин президент» — сказал он. Я подчинился. Дыхание перехватило, как у провинившегося подростка, чьи родители вернулись со школьного собрания, где им рассказали об «успехах» их ребёнка. Мне открыли дверь, и я сел в машину. Тут же кортеж продолжил движение.

Некоторое время Самуэль молчал, глядя на пронесившиеся мимо дома. Мы петляли, и как я заметил, двигались к окраинам города. Я тоже молчал, размышляя, что сейчас происходит с Лангом, Кохом, Хофманом, со всеми теми, кто пошёл за нами... с Бекером, оставшимся в одиночестве... Думал о последствиях и о том, как Самуэль узнал о нашем мятеже.

После многие спрашивали меня подробности того разговора с Самуэлем. Им почему-то это кажется важным, знать какие звучали слова. Я всем говорю, что не помню. Это касается только его и меня. Пусть думают что хотят. Им не понять. Не уверен, что могу рассказать об этом и вам. Уж простите меня. Это личное. Ваша книга увидит свет и её прочтут, а я не хочу давать повода для лишних воспоминаний и разговоров о том дне. Пусть это будет моя маленькая прихоть. Секрет, что останется со мной до конца...

Мы говорили долго. Спокойно. Как не общались уже давно. Словно помолодели на двадцать пять лет и сидим не в машине, остановившейся в каком-то подземном гараже, под одним из правительственных зданий, а на крыше нашего общежития в Праге, на Земле, вечером после занятий. Только в конце разговора, он обмолвился о том, что перечеркнуло все эти воспоминания и годы дружбы... Всем, в том числе и вам хочется узнать, был ли Самуэль Рангози безумцем или обстоятельства могут его оправдать. Не рассказал ли он мне тогда, что понял, как ошибался. Вероятно, раскаялся. Смягчился. Признался в чём-то совершенно фантастическом... В том, что даст нам всем возможность понять его...

Наш разговор мог закончиться по-другому, уверен, что он надеялся на это...

Что вам сказать? У меня не было с собой оружия. Только маячок, маленькая штучка, вшитая в рукав пиджака, такие вещи были у каждого из нас, заговорщиков. Самуэль тоже никогда не носил оружия, я даже не знаю, умел ли он обращаться с пистолетом, вдруг появившимся в его руке... Он не угрожал им мне. Просто достал из-под сидения и положил, между нами. Зачем? Пусть это останется тайной. Можете так об этом и написать, если хотите... Или написать, что я сказал «не знаю». Мне без разницы...

Так вот. Когда всё закончилось, когда дверь машины распахнулась, и я увидел полковника Хофмана, с оружием, с простреленной рукой... Увидел остальных... Я ничего им не объяснил. И на все вопросы, что мне задают до сих пор, я отвечаю одно... Я убил

Самуэля Рангози не по политическим мотивам, как думают многие, а потому, что он угрожал моей семье.

Сид Майэр

— Мне снилась моя жена. Наш дом. Сара, совсем малютка, у меня на руках. Один из тех дней, что останутся в памяти и не сотрутся со временем. Мы вместе. Впереди долгие годы счастливой жизни... Но она рано ушла. Врачи оказались бессильны. К сожалению... Много времени прошло, прежде чем я смог взять себя в руки и жить дальше. Тогда мне казалось, что нет ничего более страшного, чем пустота и боль после её смерти. Но раны затянулись, воспоминания о пережитом померкли, расплылись. Я научился жить ради дочери. Заботился, воспитывал, старался хоть как-то заменить ей мать, дать самое лучшее. Успокоился. Верил, что худшее для неё позади...

Я очнулся от её прикосновения. Она что-то тихо бормотала и гладила меня по щеке. Помоему, она просила маму «помочь папе». «Сделай так, чтобы он побыл со мной» — говорила она. А может, мне это только показалось? Что-то сильно ударило меня по голове. Перед глазами всё расплывалось. Тело не слушалось. При дыхании болело в груди. Потребовалось время, чтобы прийти в себя и понять, что произошло.

Сара не пострадала. Я долго её ощупывал, спрашивал «не болит ли где-то». Не успокоился, пока в десятый раз не услышал «папа, я в порядке». Она действительно не получила никаких травм. Серое от пыли лицо, уставшие глаза, пристально смотревшие на меня с немым вопросом «что дальше» и страх, страх остаться одной в этом тёмном, враждебном месте. Я должен был на него ответить. Я единственный, кто у неё был. Отец и друг в одном лице.

Что я могу сказать? Мной овладело отчаяние. Помощь нужна была мне самому. Вдруг мне стало так же страшно, как и тогда... когда мы остались с ней вдвоём. Признаюсь, у меня потекли слёзы. Горечь потери нахлынула с новой силой. Мне хотелось, чтобы её мать была с нами рядом, чтобы вместо каменных стен появилась наша спальня, на втором этаже, белая кровать, из которой раздаётся детский плач, привычные звуки улицы, доносящиеся из открытого окна... Хотелось сбежать от действительности. Разделить с кем-то ответственность и получить совет...

Моя дочь заставила меня двигаться. Конечно, она боялась. Рядом лежали люди, я не разобрал живые или мёртвые, по крайней мере, они не шевелились. Может, просто были без сознания, я не слышал их голосов и не видел движений. Было довольно темно. Плотным облаком висела пыль. Да и после удара по голове я вообще плохо различал звуки. Саре приходилось повторять по несколько раз, притягивать меня к себе, чтобы о чём-то сказать. Она помогла мне встать и тянула за руку. Повторяла «пойдём, пойдём». Я подчинился. Сделал один неуверенный шаг, затем другой. Чуть не упал, споткнувшись о что-то мягкое. Удержал равновесие. Переступил. Шёл за ней, слабо различая вдалеке тусклый свет. Она указывала дорогу...

Потом мы отдыхали. Приткнулись в каком-то углу. Сидели и молчали. Я положил её голову себе на колени. От вездесущей пыли хотелось пить. Мы постоянно кашляли. Я оторвал от одежды куски ткани, пытаюсь сделать из них что-то наподобие масок, но толку от них не было. Их нужно было хотя бы намочить. Нам нужна была вода. Чуть позже нашли солдатскую фляжку, она валялась рядом с телом. Точнее, мы увидели нижнюю часть туловища... остальное засыпано камнями, коридор обвалился и человека погребло под ними. Штаны, ботинки, всё покрыто слоем пыли. Я не разобрался, кто это был. Попытался быстрее

уйти, но Сара уже смотрела на мёртвого человека без трепета. Я понял, что её больше не пугает такое зрелище. Ужасная мысль — понимать, что твоё ребёнок не боится проявлений смерти. Это не нормально. От такого становится не по себе.

Воды было немного. Сделав по несколько глотков, мы побрели снова. Вернулись чуть назад и свернули в другой коридор. Если честно я просто шёл наугад. Совершенно не пытаюсь понять, где мы находимся.

Вскоре оба так устали, что пришлось остановиться. Сара стойко держалась, но видно было как ей непросто. Не только физически. Мы нашли маленькую комнату, с одной-единственной кроватью. Из остальной мебели лишь низенький стол и шкаф. Какие-то личные вещи. Одежда. Несколько старых книг из настоящей бумаги. Видимо, обиталище одного из монахов. Скромное, практически пустое. Я машинально закрыл скрипучую дверь и улёгся на кровать. Сара прижалась ко мне. Сон пришёл практически мгновенно...

Когда проснулся, почувствовал себя лучше. Ко мне вернулась возможность соображать. Сара спала. Я постарался её не разбудить. Пришло время стать «взрослым». Взять себя в руки и действовать. В комнате было окно. Стекло покрылось пеплом или пылью, но с «той» стороны было светлее. Подставив тумбочку мне удалось дотянуться и открыть его. Пришлось подтягиваться на руках, чтобы выглянуть наружу. Я давно не видел снега, на Новом Пекине такое явление — редкость. А тогда мне показалось, что с неба падает именно снег. Лишь высунув руку и поднеся её к лицу, я понял, что это не он. Пепел. Серый, крупный пепел, медленно опускающийся на землю. Разглядеть, что либо из-за него было невозможно. Слишком он был плотный. Видимость ограничивалась несколькими метрами. Вытянув шею, я посмотрел вниз. До земли было не так уж и далеко. Я различил камни, мелкий щебень, покрытый слоем всё того же пепла. Я смог бы спрыгнуть, но для Сары слишком высоко. Однако там дышалось легче. Там не было этих бесконечных пещер и переходов, меньше пыли и, возможно, спасение... (пауза). Я не стал рисковать. Побоялся выбираться наружу. В любом случае идти нам было некуда. Куда бы мы пошли? В неизвестность? Без припасов и воды? Нет. Опасно и глупо.

— А другие выжившие?

— Я их боялся. Иногда вдалеке слышались выстрелы. Я слышал их, когда засыпал и после того, как проснулся. Направление определить сложно. Кто и в кого стреляет тем более. Странно, да? Бояться всех. Не иметь «своей» стороны.

— А мистер Пэн?

— Я видел его. Через два дня. Жажда и голод заставили меня бродить по округе и искать хоть что-то съедобное. Воду удалось найти недалеко от того места, где мы приютились. Сквозь трещину в полу пробивался тонкий ручеек и образовывал мутную лужу, то ли лопнула где-то там труба, то ли после смещения горных пород и обвалов вода поднималась из подземных источников. Мне было без разницы. Пропуская её через кусок ткани, я находил её пригодной для питья. В нашем положении этого достаточно. Я нашёл пару банок консервированных овощей, они валялись на полу, рядом с чьими-то вещами. Соседние помещения были пусты, ненужный хлам, мебель, одежда. Ничего действительно полезного. Мы остались в той комнатке. Ежеминутно опасаясь, что нас найдут. Людей мы не видели. Да и не хотели видеть. В голове я придумывал один за одним план наших дальнейших действий и быстро отметал возможные варианты. Ни одного хорошего. Бесполезно... Я думал о мистере Пэне. Вероятно, он жив. Ведь кто-то выжил. Мы изредка слышали автоматные очереди. Один раз мне показалось, что взорвалась граната. Как-то

ночью по коридору кто-то прошёл. Не знаю, сколько их было. Одиночка или группа, искали они что-то или убегали от опасности... Каждый раз отправляясь за водой, я боялся услышать топот ног и быть обнаруженным. Сара оставалась одна, но не надолго. Одному было быстрее и легче.

В то утро, если привычную уже темень за окном можно назвать утром, я выскользнул из нашей комнаты. Хотел попробовать взломать одну из дверей, что видел ранее. Вечером я нашёл кусок трубы и с его помощью надеялся открыть её. Вдруг там есть еда или вода. Мне нужно было действовать. Пробовать. Сидение в каменном мешке, с голодным желудком и постоянным чувством жажды вытягивало силы. Лишало надежды. Которой и так почти не было. Возможно, я делал это больше для того, чтобы показать дочери, что мы ещё боремся. Не сдаёмся и вот-вот найдём выход. Верил ли я сам при этом, неважно. Лучше действовать, делать хоть что-то.

Так вот. Ту дверь я смог открыть. Помещение за ней было мне знакомо. В полумраке угадывались массивные колонны, украшенные резьбой, на стенах полотна и холсты, некоторые из бумаги, всё в ярких красках. Куски ткани, развешанные словно гирлянды, на них письма, древние тексты и в дальнем конце зала алтарь. Ну думаю, что это был он. Быть может, монахи называли его по-другому... Тут я вспомнил, что в это помещение можно было подняться из внутреннего двора по ступеням, там должны быть раздвижные двери. Стал пробираться. Почти наугад. Пыль, пепел, всё это ограничивало видимость. Колонны обрушились, другие потрескались. Крыша в одном месте обвалилась, рваные края кровли и балок, торчали как гнилые зубы чудовища, разинувшего пасть. Сквозь дыру плавно опускался пепел. Входные двери сорвало с петель. Они валялись тут же, в нагромождении мусора и камней. Я выглянул наружу. Монастырский двор. Строения. Кусок стены. Всё это очертания. Серые, развороченные, снесённые ударной волной. Покрытые щебнем и пеплом. Небо чуть светлее. Будто светится... Очень тихо, только едва уловимый шорох камня. Вдалеке идут люди. Приближаются. Подошли совсем близко, чтобы хорошо их рассмотреть. Но я смотрю только на одного. Мистер Пэн. Со связанными руками, чуть сгорбленный, но живой, здесь, рядом. Остальные из Сопротивления. Один из них кричит куда-то в сторону. Ему отвечают. Из обломков появляются фигуры. Карабкаются по камням, обходят завалы, руки подняты вверх, безоружные...

Я спрятался за краем стены и наблюдал. Было в этом что-то постыдное, вот так смотреть со стороны на происходящее. Не вмешиваться, только следить. Вижу, как двое солдат ведут к остальным женщину и ребёнка. Ставят их возле мистера Пэна. Грязных, еле стоящих на ногах. Они смотрят в пол...

Солдаты Метрополии появились неожиданно. Я краем глаза заметил движение совсем рядом от того места, где находился. А за секунду до этого голова одного из бойцов Сопротивления лопнула, как перезрелый плод. Взорвалась. У меня на глазах. Жуткая картина. Неправдоподобная... Затем началась общая свалка. Люди падали и больше не поднимались. Та женщина с ребёнком и мистер Пэн стояли в самом центре перестрелки. А те, кто был рядом, палили как безумные. Им отвечали тем же. Со всех сторон. Мистер Пэн подтолкнул женщину и жавшегося к ней ребёнка и бросился бежать. Они следом. Я слышал, как он крикнул им подниматься по ступеням. Пуля настигла женщину в начале лестницы, она споткнулась, сделала несколько шагов и упала. Мистер Пэн подхватил связанными руками ребёнка и совсем по-молодому резво, преодолевая за раз по две-три ступени, помчался вверх.

Он упал в паре метров от меня. На последней ступени. Пули попали ему в спину. Мальчик, а теперь я видел, что это мальчик десяти — одиннадцати лет, покатился по инерции дальше, почти к моим ногам... За ними не гнались. Просто подстрелили, когда они спасались бегством. Не военные, не солдаты. Женщина, ребёнок и старик...

Мальчика я взял на руки и со всей возможной скоростью поспешил прочь отсюда. Вернулся в «нашу» комнату. Сара, конечно же, не спала, услышала звуки перестрелки и проснулась. Я захлопнул дверь, усадил паренька на кровать и осел на пол. Его не задело. Сара прижала его к себе и заплакала вместе с ним. Глядя на них, прослезился и я...

Сид вздыхает.

— Вы знаете, сколько человек погибло в Юнхэгуне 15 числа?

— В документах сказано о двухстах-семидесяти шести... официально, — отвечаю я.

— Официально... только они гибли уже четырнадцатого и, конечно, пятнадцатого... и шестнадцатого и все последующие дни. Не только от Лучевого оружия. От пуль, увечий... жажды. Можно ли сказать, что кому-то из них повезло больше или меньше? Всякая ли смерть равна?

— Вы задаёте такие вопросы...

— Простите. Они адресованы не вам. Не думаю, что на них можно ответить однозначно. Тем более, тому, кто там не был... Я уверен лишь в одном. Есть большая разница между тем, сколько им было лет в тот, последний день. Смерть взрослого человека — ужасная вещь. Но когда погибло столько детей... «ужасная вещь» кажется слишком неподходящим выражением.

Я обвожу стеллажи с папками взглядом. Сид смотрит на меня. Также осматривает комнату.

— Я добился от нового правительства настоящей поисковой операции. Не только в Юнхэгуне. Везде. Поиски продолжаются до сих пор. Благо мы теперь поумнели. Я нахожу искренний отклик в сердцах людей. Как в розысках пропавших, так и в помощи потерявшим свои семьи и оставшимся сиротами. Этим мы пытаемся исправить общие ошибки...

— Сколько детей погибло в Юнхэгуне?

— Пятьдесят два.

— А скольким удалось спастись?

— Только одному.

Янис Анил

— Я хотел побыть один. Забиться в какую-нибудь щель и никого не видеть. Мне нужен был отдых, понимаете? Я просто устал. Морально и физически. По ночам мне снилась Мария. Она звала меня к себе. Там во сне, я начинал идти на её голос, но каждый раз просыпался на каменном полу, в Юнхэгуне, на Новом Пекине, рядом с Томом и Джейком... Она исчезала. Я возвращался к реальности. Грязный, голодный, беспомощный.

Я честно пытался найти в себе силы не сдаваться, но они таяли с каждым часом, с каждой минутой, проведённой в подземелье. Отчаяние, страх, всё что угодно, но не надежда, её призрак покинул эти места. Я понимал, что не только для меня. Для всех. Сколько бы мы ни бились, через какие бы лишения ни проходили — ничего не изменится, мы не выберемся отсюда. Наши поступки и решения привели нас сюда, расплата близка, она тут, рядом. Просто смерть недостаточное наказание за ошибки. Её нужно заслужить...

В книжных романах герои, выпутавшись из беды, постоянно говорят «только вера в то-то и то-то дала мне силы выжить» или ещё более банальное и пресное «её любовь не дала

мне погибнуть»... Чушь! Знаете, что чувствуешь в такой ситуации? Ничего! Тебе ничто не помогает! Есть только ты и твоя жизнь. Только твоя. Никого не существует больше. Никто не тянет тебя «наверх». Ты один на один с усталостью, болью, грязью и страхом. Самым обычным страхом. И нет никого. И никто не нужен. Если другие скажут вам обратное, они либо лгут, либо им несказанно повезло, дайте им мой адрес, я буду рад поболтать с ними...

— На вашем месте...

— Но вас там не было!

— Я не хотел...

— Конечно, нет. Я понимаю. Думаете мне самому не противно от этого? Жалость к себе! Спустия только лет...

— Мы можем закончить.

— Нет... Я хочу... Хочу дойти до конца. Осталось не так много.

— Конечно.

— Том ушёл, когда мы спали. Вечером были долгие разговоры о нашем положении. Джейку становилось хуже без лекарств. Уходить из монастыря — безумие. Оставаться здесь ещё хуже. Медленная голодная смерть. Сколько бы мы там протянули? Сколько человек может оставаться без пищи? Две-три недели? Больше? Джейк и столько не продержится. Том не мог сидеть сложа руки и смотреть, как умирает его сын. Не уверен, что кто-то из отцов смог бы сделать больше. Настоящий человек. Вот кто герой.

Я выбрался наружу по нужде и собирался возвращаться, когда услышал шорох камней, шаги. Кто-то был рядом. Впрочем, в той чёртовой тьме теряешь ощущение расстояний. Пепел как снег кружит в воздухе, сливается в мерцающую пелену, иногда ветер слегка колышет это марево и тебе мерещатся силуэты, тени или звуки. Но те шаги не были наваждением. Первой мыслью было бегом спуститься, укрыться. Но через секунду я испугался, что меня уже обнаружили, а значит, я приведу их к нам. К Джейку. К Тому... У меня даже не было с собой оружия. Впрочем, стрелять я и не собирался. Всё равно что крикнуть на всю округу «эй я здесь, сюда». Опасно. Да и в кого стрелять? В десяти метрах от себя я уже плохо различал очертания предметов. Ни черта не разобрать.

Я сделал несколько шагов. Готов поклясться шум, издаваемый ботинками, слышал весь Юнхэгун. Конечно это от страха. Мои фантазии. Ещё шаг. Медленно с пятки на носок... Он был выше меня на две головы. То, что появилось как тень в нескольких метрах от меня, походило на человека, очертаниями, но размеры... Мой разум отключился. Я побежал так, как не бегал ни разу в жизни. Думаете, я спасал товарищей? Куда там! Страх гнал меня вперёд, прочь, подальше. Куда угодно... (Янис слегка улыбается.)

Уже позже выяснилось, что у ЭТОГО есть имя. Зак. Я не встречал таких громил Имечко подходящее. Он нагнал меня. Сбил с ног. Ни сил, ни желания сопротивляться у меня не осталось. Я приготовился к смерти. Даже ощутил лёгкое удовлетворение. Сейчас всё закончится, наконец. И я смогу отдохнуть... Но вместо боли или света в конце туннеля я услышал его голос. Подобный раскату грома или звуку снежной лавины. «Этот подойдёт» — сказал он. Самая странная фраза какую только можно представить в моём положении. Так могут обращаться к куску мяса, который собираются приготовить. (теперь улыбаюсь я).

Янис видит это и ухмыляется.

— Ещё более странным было, то что произошло потом. Он был один. Сам по себе. И ему нужны были продукты. Он знал, где их взять.

«Ты хочешь есть?» — спросил он.

«Да» — ответил я.

«Ты вытащил счастливый билет, парень. Считай, тебе повезло. Если не выкинешь какой-нибудь фокус. Ты же не хочешь расстраивать меня?»

Я не хотел. Он повёл меня за собой. Не помню, о чём я думал. Просто подчинился его воле. Мысль о еде вызвала неприятные ощущения в животе. А мысль убежать от него даже не появилась.

Мы спустились в какой-то подвал. Потом шли по тёмным коридорам. Иногда останавливались. Он как хищник прислушивался к чему-то. Кивал, мол «пошли дальше». Так продолжалось довольно долго. Я ещё удивился, что не нарвались на кого-либо. Один раз за дверью, мимо которой мы проходили, я слышал голоса. Он жестом приказал не останавливаться. В конце концов, мы пришли.

Не знаю, где мы находились, не знаю, как он нашёл это место. Скорее всего, случайно. Та комната была забита инструментами и садовыми принадлежностями, лопаты, грабли, шланги. Мешочки с семенами и удобрениями. Пока он расшвыривал валявшиеся на полу коробки, я разорвал пакет с чем-то похожим на рисовые зёрна и жадно принялся их жевать. Сухие, безвкусные. Но мне было плевать. Они содержали питательные элементы. Желудок требовал хоть чего-то.

Он подозвал меня к себе. Молча указал куда-то и вложил в руку фонарь, сняв его с крепления винтовки. Часть стены и пол, рядом с ней треснули. Разошлись во время того землетрясения. Я опустился на колени и осветил вниз. Там виднелись металлические стеллажи, заставленные банками и коробками, много. Глядя на них сверху, я не мог прочесть надписи на ярких этикетках. Но ошибиться в их предназначении невозможно. Концентраты. Прямо здесь. В нескольких метрах от меня. Тут же я понял, почему понадобился ему. Щель слишком мала для него. С его габаритами протиснуться в неё не получится. «Этот подойдёт», значит, достаточно худой, чтобы пролезть туда...

Я спустился вниз. Кладовая. Маленькая комната с единственной дверью. Стеллажи и полки. Банки и свёртки. Пакеты. Не так много, но НАМ хватит. Пока я разглядывал всё это Зак крикнул мне поторапливаться. Мы вытащили столько, сколько могли унести. Минут через тридцать я держал два найденных тут же мешка, полные банок и пакетов. Моя часть добычи. Зак упаковывал свою.

Знаете, иногда обстоятельства заставляют нас принимать весьма странные решения. Я уже много раз убеждался в этом. То, что минуту назад было невозможным, вдруг, становится вероятным. Люди, чьи взгляды настолько противоположны, что нет совсем никакой надежды для диалога, вдруг находят понимание и объединяются. Помощь приходит от того, чья задача лишить тебя жизни, потому что у него приказ. Или он сам получает помощь, когда не ждёт. От того, кто её не должен предлагать. Это коснулось каждого из нас. Во всяком случае тех, кто был со мной в Юнхэгуне.

Этот человек, Зак, я сам того, не ожидая, предложил ему присоединиться к нам. Не могу точно выразить, что я чувствовал рядом с ним. Просто он казался тем, кто может выжить в любой ситуации и помочь выжить тем, кто окажется рядом. И плевать что на нём форма Метрополии. Всё встало с ног на голову, почему бы мне не довериться своему бывшему врагу? После всего случившегося здесь, можно ли считать нас врагами? Он мог пристрелить меня, как только я выполню дело. Сломать шею одним движением руки. Но он упаковал всё в свой рюкзак, повесил на плечо оружие и собрался уходить. Сделка совершена. Мы помогли друг другу.

— Он согласился?

— Сначала нет. Я принялся убеждать его. Говорил, что мы давно дезертировали, что со мной гражданский, что вчетвером нам будет легче. У нас есть вода. Мы можем поделиться. Сам не знаю, откуда во мне взялась та страсть, с которой я уговаривал солдата Метрополии пойти с нами. Я молот языком, будто хотел выговориться. Рассказал о Томе, о себе даже о Марии обмолвился. Спросил, нет ли у него антибиотиков, моему другу Джейку нужны лекарства, он тоже из Сопротивления, но давно покончил с ним. Он спас однажды двух солдат Метрополии, он сам рассказывал...

Забавно. В такое сложно поверить. Многие считают, что совпадений не бывает. Судьба? Или всё же случай? Пусть один на миллион... Он пошёл со мной. Сказал «пойдём взглянем на твоих друзей». По пути назад на нас напали солдаты Метрополии. Зак стрелял по ним без зазрения совести. Они отвечали тем же. Их было двое. Во всяком случае я слышал только два голоса, кричащих нам сдаваться, если хотим жить. Я думаю, от голода и жажды они напали бы и на своего генерала, лишь бы забрать у него съестное. Там каждый был сам за себя.

Тогда я и сломал обе ноги, упав в какую-то яму. Когда очнулся, Зак был рядом. Его силы хватило на то, чтобы нести меня, оружие, наши пожитки. От боли я, то терял сознание, то приходил в себя. Несколько часов прошли как в бреду. Не знаю, почему он меня не бросил. Не знаю, сколько меня не было. Помню, как появился свет. Мы оказались в той комнате, где я оставил Джейка. Где вместе прятались. Том сидел рядом с сыном. Наше появление его не удивило, он даже не взглянул на нас. Зак пристроил меня у стены на полу и подошёл к ним. У меня всё плыло перед глазами. Боль адская. Я находился в полусознательном состоянии и, теряя связь с реальностью, услышал слова Зака — «вот и встретились, Джейк». Потом я отключился.

Эпилог

Мария.

Янис вернулся на Самуи в сентябре. Свадьбу мы сыграли через месяц. Ещё через год мы стали родителями. Всё закончилось. Остались воспоминания, но я верю, что уйдут и они. Мужу тяжелее, он ещё ТАМ. Но мы справимся, обязательно справимся.

Янис.

Я очнулся в госпитале Чунцина. Меня удалось спасти, но не мои ноги. Если честно я даже не сильно переживал это. Наверное, не осталось сил. Один раз ко мне приходил Том. Попрощаться. Он улетал домой. Мне же предстояла реабилитация. После лечения я вернулся на Самуи. Мария была на седьмом небе от счастья. Её забота и внимание позволили мне вновь улыбаться. Хоть иногда. Она не сдаётся. Откуда только берётся столько терпения? Я понимаю, что ДОЛЖЕН перевернуть эту страницу и жить настоящим. Тем более, она делает для этого всё возможное. Я понимаю, что жалость к самому себе мешает мне жить. Теперь у меня есть супруга и любимая дочка, я должен... Может быть, вы, в какой-то мере, поможете мне забыть прошлое. Пусть моя история останется только на страницах вашей книги и сотрётся из моей памяти.

Борроу.

Если бы в тот же день не произошли события на Новом Пекине, наш мятеж провалился бы. В течение нескольких часов всё могло закончиться. О наших планах знали. Членов наших семей уже арестовали. Полный провал. Но слух о Лучевом оружии распространялся быстрее скорости света, это и дало нам шанс. Ужас и недоумение охватило людей. Так, мы избавились от диктатуры и спасли свои жизни.

Самуэль Рангози умер. Все хотят знать как и почему. Мне не верят, что пистолет не мой. Думают, он был при мне. Я не могу и не хочу их переубеждать. Понимаю, что вас мучает вопрос, зачем ОН пошёл на риск и достал оружие, и как так получилось, что пистолет оказался у меня в руках... Но вот вам загадка посложнее... А вдруг он этого хотел?

Маркус.

Чунцин был далеко от эпицентра взрыва. Другие города смело с лица земли как будто они были игрушечными. Нам повезло... Я посчитал, что моя часть договора с Комитетом выполнена. Корабль контрабандиста всё ещё был на орбите, мы уже обо всём договорились. Прощаться с Джонгом я не стал.

Теперь я здесь. Не самое плохое место встретить старость. И если меня позовут поучаствовать в подобной заварушке ещё раз, я, пожалуй, откажусь...

Да, если увидите мистера Ли Во Джонга, передайте ему привет, скажите: «Маркус Альери вышел на пенсию и научился СОЖАЛЕТЬ, но это уже совсем другая история».

Зак.

Что сказать? Я снова умудрился выжить. В который раз. Последние свои дни в Юнхэгуне я провёл в странной компании. Нас было четверо. Представители всех сторон того конфликта. Сопrotивление, гражданский, Метрополия и «слепец»... жаль, что я не успел вернуть ему долг...

Нас нашли. Мы вернулись домой. Казалось бы, всё будет как прежде, но...

Можно нарядить сколько угодно людей в форму, раздать им оружие и приказать драться, но что с ними будет, когда война закончится?

Том.

Мой сын спас однажды человека, не потому, что тот вызывал симпатию или был «невиновным». Нет. Когда я смотрел в его глаза, видел там жестокость и безразличие. Зачем же он тогда ему помог? А как бы поступили на его месте вы?

В какой-то мере Зак Черезку, солдат Метрополии, вернул долг своему спасителю. Благодаря ему я не умер голодной смертью в развалинах Юнхэгунa... А как бы поступили вы?

Сид.

Когда нас нашли спасатели, для Сары было уже слишком поздно. Я не знаю, почему из нас троих «ушла» именно она. Лучше бы это был я. Понимаете?

Врачи сказали: «Крайняя степень истощения, вследствие длительного голодания»... Даже есть специальный термин. Они ничего не смогли сделать. Я остался один...

Жаловаться после такого на свою судьбу как-то эгоистично. Миллионы потеряли кого-то на той войне. Поэтому я не жалуясь. Я работаю, помогаю детям вернуться в нормальную жизнь и жду...

Жду, когда в последний раз закрою свои глаза и окажусь в нашей спальне... рядом с женой и дочкой... И мы будем вместе... Уже навсегда.

Джонг.

Я отправил в монастырь своих людей, как только смог. Из-за поднявшихся в атмосферу пыли и пепла ни о каких полётах не могло быть и речи. Только через две недели мне удалось уговорить начальство выделить борт для полёта в Юнхэгун. Надеялся ли я, что мой отец жив? Надежда — странная вещь, у Альери нашлись бы слова на этот счёт.

К тому времени я знал, что брат погиб. Безумец! Он считал себя важной фигурой в той игре, а оказался расходным материалом. Приложить столько сил и погибнуть от того, что

сам же и помог выпустить на волю... Впрочем — это был его выбор.

Из Юнхэгуна привезли впоследствии десять человек. Они чудом выжили. Отца среди них не было. Вот вам итог моей «работы» — десять жизней... и только.

Больше книг на сайте - Knigoed.net